

СМОНА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ ВЛАДИМИРА ГРИНЬКОВА

ХОДЫНСКАЯ ТРАГЕДИЯ: ВЗГЛЯД ИСТОРИКА

12'91

ЭКСПЕДИЦИЯ ПО СЛЕДАМ НЛО • СТИХИ ИВАНА ЕЛАГИНА

A photograph of a man wearing a light-colored hat and a light-colored, long-sleeved button-down shirt, standing in a field of tall, thin-stemmed flowers. He is reaching out to touch a flower. In the background, another person is partially visible, also tending to the plants. The field is filled with various flowers, including purple, yellow, and pink ones. The overall scene is a peaceful agricultural or gardening activity.

ТРАВНИКІ

(Читайте стр. 44)

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ
ИОСИФ ОРДЖОНИКИДЗЕ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

ВЯЧЕСЛАВ КОПЬЕВ
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
ЕВГЕНИЙ РЯБЧИКОВ
ВАДИМ САЮШЕВ
ВИТАЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ
ВЛАДИСЛАВ СЕРИКОВ
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА

Технический редактор

АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 24.09.91.
Подписано к печати 21.10.91.
Формат 84×108^{1/2}.
Бумага газетная «Тампресс».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10. Отпечатано
1 665 091 экз. (из общего тиража
1 865 000 экз.).
Заказ № 934.
Цена 1 р. 65 коп.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок,

212-11-27 — отдел писем.

Типография издательства «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

12 (1526) ДЕКАБРЬ

© Издательство «Пресса»
«Смена», 1991

12'91
СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

с новым
тоном,
грузья!

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

24

ВЛАДИМИР ГРИНЬКОВ. ПОКИНУВШИЕ ЛЮДЕЙ
Фантастический рассказ

116

ГРЕГОРИ МАКДОНАЛЬД. СОЗНАВАЙТЕСЬ, ФЛЕТЧ!
Детектив

210

ФРИЦ ЛЕЙБЕР. НАСЛЕДСТВО
Рассказ

ПОЭЗИЯ

6

ИВАН ЕЛАГИН: «ПОЛЕТАТЬ МНЕ ПО СВЕТУ ОСКОЛКОМ...»

98

АЛЕКСАНДР ДИКУСАР, ВЛАДИМИР ПЕНЬКОВ, ДМИТРИЙ ТОНКОНОГОВ

238

ВЛАДИСЛАВ АРТЕМОВ

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

12

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ. ОСТРОВ «ВЕЗЕНИЯ»?

44

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. ТРАВНИКИ

56

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ. ДЕПУТАТСКАЯ «РАЗБОРКА»

66

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ. ЧТО С НАМИ?

86

МАРИЯ КУСТОВА. МАЙСКАЯ НОЧЬ

202

БУЛАТ ТЕМИРОВ. ЧУЖОЕ ГОРЕ

252

СЕРГЕЙ КАЛЕНИКИН. ГРЯДЕТ НЕЧТО...

КУЛЬТУРА, МУЗЫКА, ИСКУССТВО

63

БОРИС ЗОТОВ. ...ПО ЧЕРНОМУ ЛАКУ

На нашей
обложке:
фото
ИГОРЯ
ЯКОВЛЕВА.
(Читайте
стр. 222).

103

АЛЕКСАНДР ГРАЩЕНКОВ. ПОД ЗНАКОМ РЫБ

222

НАТАЛЬЯ РОДИОНОВА. КТО ОСПОРИТ АПУЛЕЯ?

225

ЛЕОНИД ЛЕРНЕР. МАСТЕР

234

СЕМЕН ФАРАДА: «МОЯ МЕЧТА — РАБОТАТЬ»

244

АЛЕКСАНДР МИНЧИН. ЭЛИЗАБЕТ ТЕЙЛОР: ФИЛЬМЫ, РОМАНЫ, МУЖЬЯ

249

ЛЕОНИД ПРУДОВСКИЙ. ТОЛЬКО ДЛЯ БОГАТЫХ?

1-92

3

■ **НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ.** «Мент поганый».

В новой детективной повести Николая Леонова главный герой — обаятельный сыщик из МУРа Лев Иванович Гуров, теперь уже полковник Гуров, продолжает опасную борьбу с дельцами и воротилами «теневого эконо-

■ **ЮРИЙ ЖУКОВ.** «Тайна операции «Эрмитаж».

Журнал продолжает тему, начатую осенью 1988 г. очерком «Грабеж», — об экспорте уникальных произведений живописи, реликвий старины, изъятых из многих музеев страны, прежде всего из Эрмитажа, о распродаже за рубежом значительной части национального культурного достояния.

■ **ЮРИЙ КАМИНСКИЙ.** «Леваневский и другие...»

Полет в никуда: неизвестные страницы трагической судьбы прославленного экипажа...

■ **СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ.** «Биржевые страсти».

Миражи с большими нулями. Пропасти и взлеты на пути к рыночной экономике.

■ **ЛЕВ ОЗЕРОВ.** Поэзия Ксении Некрасовой.

«Непосредственность и открытость Ксении Некрасовой, которые часто путали с наивностью, явлена в ее стихах. Стихи были похожи на нее. Она была похожа на стихи».

АНОНС:

ПРЕМИИ «СМЕНЫ» ЗА 1991 ГОД ПРИСУЖДЕНЫ:

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

ВИКТОР БРЕЛЬ

ТИМУР ЗУЛЬФИКАРОВ

АЛЕКСЕЙ ВАРЛАМОВ

ЗИНАИДА МИРКИНА

ДМИТРИЙ ГАЛКОВСКИЙ

ВИТАЛИЙ ПУХАНОВ

БОРИС СОПИН

МАРИНА ЯКОВЛЕВА

МАРИЯ ПАРВОВА

АЛЕКСАНДР ЯЧМЕНЕВ

СЕРГЕЮ БАЙМУХАМЕТОВУ —
за публицистические заметки
«Путешествие из Екатеринбургa в Москву» (№ 9);

ВИКТОРУ БРЕЛЮ —
за серию фотозтудов;

АЛЕКСЕЮ ВАРЛАМОВУ —
за рассказы
«Инженер Серов»,
«Ленка» (№ 8);

ДМИТРИЮ ГАЛКОВСКОМУ —
за фрагменты книги
«Бесконечный тупик» (№ 7);

АЛЕКСАНДРУ ЗИНОВЬЕВУ —
за книгу
«Иди на Голгофу» (№№ 1 — 3);

ТИМУРУ ЗУЛЬФИКАРОВУ —
за «Любовные притчи
дервиша Ходжи
Зульфикара» (№ 3);

ЗИНАИДЕ МИРКИНОЙ —
за цикл
стихотворений (№ 1);

ВИТАЛИЮ ПУХАНОВУ —
за подборку
стихотворений (№ 6);

БОРИСУ СОПИНУ —
за рисунки
к детективам (№№ 4, 6, 7);

МАРИНЕ ЯКОВЛЕВОЙ,
МАРИИ ПАРВОВОЙ,
АЛЕКСАНДРУ ЯЧМЕНЕВУ —

за перевод романа
У. Блэтти
«Изгоняющий дьявола»
(№№ 2 — 3).

«Полетать МНЕ ПО СВЕТУ ОСКОЛЖКОМ..»

Иван Елагин ошибся: «Обо мне забудут; мои стихи «туда» не дойдут», — говорил он на конференции славистов в Чикаго незадолго до своей смерти в 1987 году. И мудро ль, когда за границей редкий год не выходят сборники его стихов, когда «там» написаны о нем книги, диссертации, горы статей, а на родине — ни слова, ни звука? Горько, да нам, увы, не привыкать...

Иван Венедиктович Елагин (настоящая фамилия — Матвеев) родился 1 декабря 1918 года во Владивостоке, в семье литературной, с традициями: отец — известный поэт-футурист, дед — видный очеркист, автор трудов по истории Приморья. Но случаются времена, которые жестоко пресекают и традиции, и давний род. Пора юности Ивана Елагина пала на годы российского лихолетья. На его глазах редела елагинская родня, вырубалась безжалостно, как лес. Видел он и то, что достоинство литературы оценивалось иным и единственным теперь критерием, рожденным обществом «победившего социализма», — политическим. Быть может, потому и выбрал профессию, как казалось ему тогда, на все времена — медицину, а поэзию, уже просыпавшуюся в нем, затаил до часа, ему тогда неизвестно. Рубеж ей — война. Студентом-медиком и пошел в пекло.

Чудом не угодивший в сталинскую мясорубку тридцатых, с лихвой хлебнул в сороковых — по военным дорогам протасила судьба, как и все его поредевшее, не меньше как на три четверти выбитое поколение. Но и тут чудом

она обернулась — выжил. Вот уцелел бы потом — вопрос покруче: ведь был потом 49-й, куда как не «вегетарьянский» год: а происхождение — уже статья, а репрессированные родственники — она же. Но снова выкинула судьба свою карту: лег на пути лагерь для перемещенных лиц, а там и то, что назовут потом «второй русской эмиграцией» — военной.

Неглазок был, а иногда и невоготу этот путь: и скитался бездомным, и горе мыкал по европейским дорогам. Но тогда-то и грянул час, прежде неведомый, — пошли стихи, пошли, будто озимь, снегом до поры укрытая. Каким же быть всходу и колосу? А таким и быть, в какую пору прорастал и вырос.

Тема вселенских катастроф, горькой, трагической судьбы поколения, с корнем вырванного из родной и в чужую землю брошенного, плотью вошла в лексику и ритмы его поэзии. Но удивительно при этом то, что не рушится, а живет вопреки всему классическая, чеканная форма русского стиха. Вот четыре строки — отголосок страшной трагедии северной русской столицы:

*Усталый, голодный, военный —
Ты скорчен в предсмертном броске,
И бьется затравленной веной
Нева у тебя на виске!*

Не на невских — на рейнских берегах написаны эти, русскую душу сжимающие строки, и русская в них боль. Но кому «там» почувствовать ее? Только таким, как он, бездомным скитальцам?..

Ошибся, ошибся поэт, когда говорил: обо мне забудут, мои стихи «туда» не дойдут. Но внутреннее чувство, затаенная мечта прошептали иначе:

*Полетать мне по миру осколком,
Нагулять мне по миру власть
Перед тем как на русскую полку
Мне когда-нибудь звездно упасть.*

Ошибается человек. Поэзия, если она настоящая, — никогда.

*Я проходил по улицам чужим.
Из подворотен выплывала сырость.
И вот, как вечность, неопровержим,
Крутой собор передо мною вырос.*

*Он говорил:
Ты наглухо прибит
К тяжелому,
Заплаканному миру.
Сойди на миг с твоих земных орбит,
Плыви со мной
По звездному пунктиру!*

*Он делался все выше и острее.
Он в небесах искал себе упора.
И я сгорал на каменном костре
В средневековом пламени собора.*

*А рядом содрогалась от стрельбы
Моей земли последняя дорога.
Мне в эту ночь клялись в садах дубы,
Что близок день,
Что мы увидим Бога.*

*Родина!
Мы виделись так мало
И расстались.
Ветер был широк,
И дорогу песня обрывала —
Верная союзница дорог.*

*Разве можно в землю не влюбиться,
В уходящую из-под колес?
Даже ивы,
Как самоубийцы,
С насыпей бросались под откос!*

*Долго так не выпускали ивы,
Подставляя под колеса плоть.
Мы вернемся,
Если будем живы,
Если к дому приведет Господь.*

≡
Снова дождь затеял стирку
Крыш, деревьев, кирпичей.
Дни ложатся под копирку
Антрацитовых почей.

А во сне — в ночном походе, —
На путях каких — Бог весть,
День наш в сонном переводе
Мы пытаемся прочесть,

Ночью каменноугольной,
Ночью, грузной и большой,
Пробираясь, точно штольной,
Нашей узкою душой.

Там в скитаньях непрерывных
На мгновение зажжены
На мятущихся экранах
Зашифрованные сны.

Все удачи, все печали,
Все, что было позади,
Все, что за день настучали
Ундервуды и дожди.

Но рассвет, войдя в квартиру,
Выхватит издалека,
Возвратит дневному миру,
Сны срывая по пунктиру
Телефонного звонка.

≡
Мне незнакома горечь ностальгии.
Мне нравится чужая сторона.
Из всей — давно оставленной — России
Мне не хватает русского окна.
Оно мне вспоминается доныне,
Когда в душе становится темно, —
Окно с большим крестом посередине,
Вечернее горящее окно.

≡
Вселенная! Так вот твоя изнанка!..
Едва рванули ткань твою по шву —
И поднялась гигантская поганка
Откуда-то из ада в синеву.

И зарево ударило по тучам,
Полгорода внизу испепеля.

Так вот каким заправлена горячим
Несущаяся в космосе Земля.

Еще в поту мы эту землю пашем,
Еще и воздух не отравлен весь,
Но с той поры грохочет в сердце нашем
Тоски и гнева взрывчатая смесь.

==

Я сегодня прочитал за завтраком:
«Все права сохранены за автором».

Я в отместку тоже буду щедрым —
Все права сохранены за ветром,

За звездой, за Ноевым ковчегом,
За дождем, за прошлогодним снегом.

Автор с общественным весом,
Что за права ты отстаивал?
Право на пулю Дантеса
Или веревку Цветаевой?

Право на общую яму
Было дано Мандельштаму.

Право быть чистым и смелым,
Не отступать от слов,
Право стоять под расстрелом,
Как Николай Гумилев.

Авторов только хватило б,
Ну а права, как песок.
Право на пулю в затылок,
Право на пулю в висок.

Сколько тончайших оттенков!
Выбор отменный вполне:
Право на яму, на стенку,
Право на крюк на стене,

На приговор трибунала,
На эшафот, на тюрьму,
Право глядеть из подвала
Через решетки во тьму,

Право под стражей томиться,
Право испить клевету,
Право в особой больнице
Мучиться с кляпом во рту!

*Вот они — все до единого —
Авторы, наши права:
Право на пулю Мартынова,
На Семичастных слова,*

*Право, как Блок, задохнуться,
Как Пастернак, умереть.
Эти права нам даются
И сохраняются впредь.*

*...Все права сохранены за автором.
Будьте трижды прокляты слова!
Вот он, с подбородком к небу задранным,
По-есенински осуществил права!*

*Вот он, современниками съеденный,
У дивана расстелил газетины,
Револьвер рывком последним сгреб —
И пускает лежа пулю в лоб.*

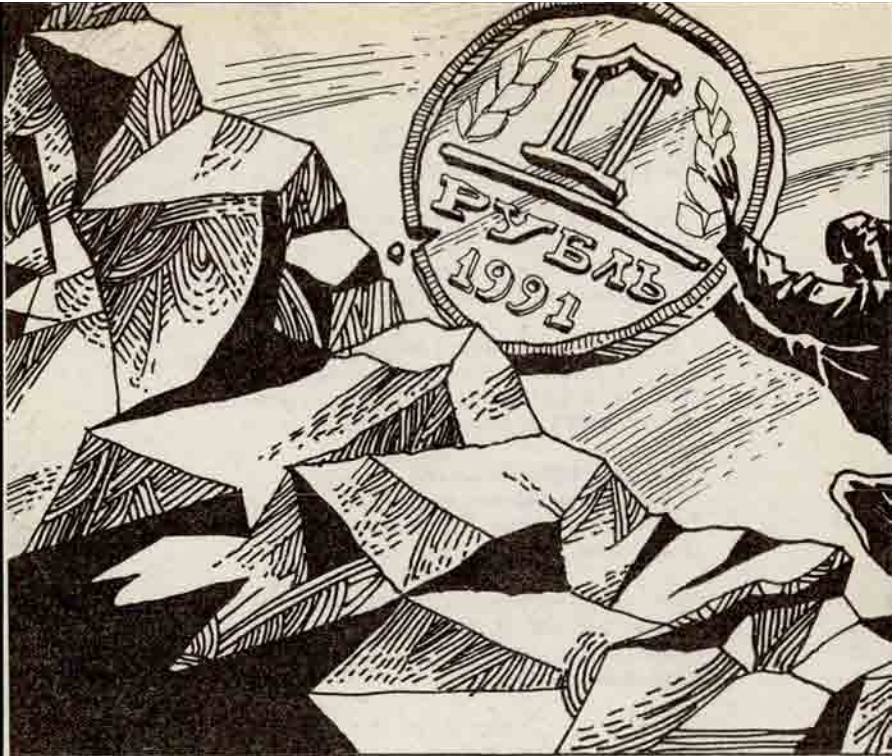
*Вот он, удостоенный за книжку
Звания народного врага,
Валится под лагерною вышкой
Доходягой на снега.*

*Господи, пошли нам долю лучшую,
Только я прошу Тебя сперва:
Не забудь отнять у нас при случае
Авторские страшные права.*

≡
*Все так, и все не так.
Попробуй с роком сверься.
Какой-нибудь пустяк —
И разорвется сердце!*

*И кончится все так:
Обычным некрологом
О том, как шел чужак
По жизненным дорогам.*

*Все так, и все не так.
Все кончится взрывною
Куда-то в вечный мрак
Катящейся звездой.*

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ

ОСТРОП

— Но я же работала!.. — возмущалась женщина-программист в кабинете Шишкарёва.

— Не спорю: работали. Но покажите результат. Выведите программу, которую вы сделали, на печать. Тогда и акт подпишем.

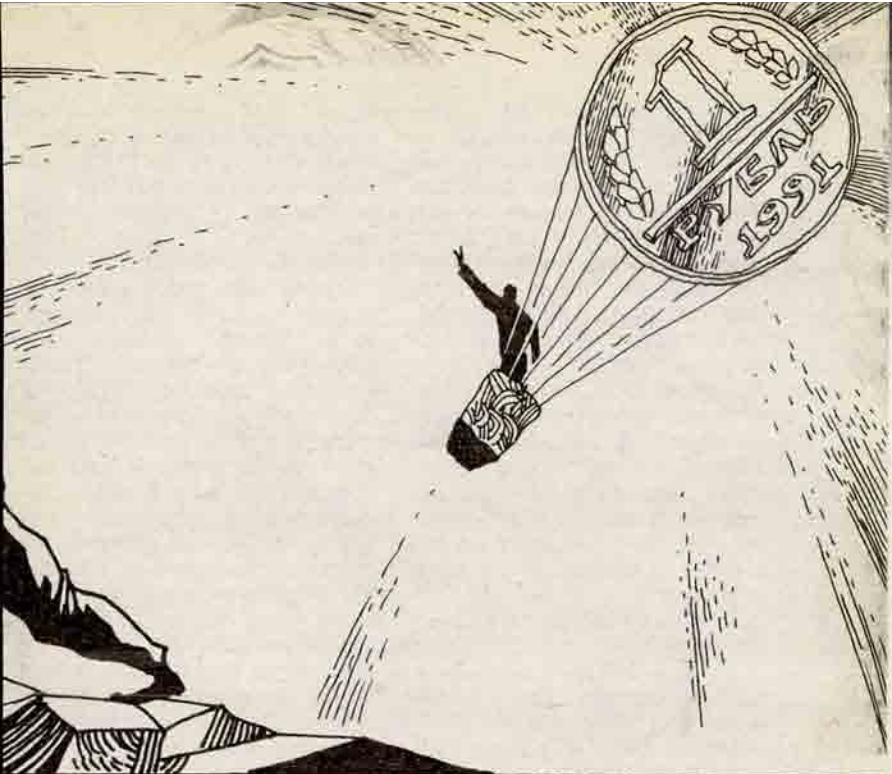
— Я по двенадцать часов сидела!.. Я в суд на вас подам!

— Подавайте. Но заплачу я, как только увижу результат...

Ценить каждый рубль; ценить не то, сколько часов человек отсидел на рабочем месте, а его дело — вот что накрепко вошло в сознание работающих на Московском заводе низковольтной аппаратуры.

Отчего это произошло?

...Последние пять лет мы живем в состоянии непрерывного как бы научного эксперимента (на живых людях, между прочим), ставящего своей целью и социалистическую

'ВОЗДУШНЯЯ'?

девственность соблюсти, и эффективность экономики повысить. Сколько их было, этих новаций! Бригадный подряд, госприемка, первая модель хозрасчета, вторая модель, аренда...

Практически весь путь прошел вместе с экономикой страны Московский завод НВА. А в июле 1988 года стал кооперативом. Между прочим, вторым подобным в стране. Председателем избрали прежнего директора завода Юрия

Сергеевича Королева (смелость директора породила легенду, что он сын того самого космического конструктора...).

«Смена» уже писала о кооперативном заводе в шестом номере за 1989 год, но тогда возраст новации был невелик и говорить можно было разве что о первых подвижках. Теперь, спустя три с лишним года после регистрации кооператива, время подвести предварительные итоги.

Для начала скажем, что отпустить предприятие на волю оказалось выгодным министерству. Впервые, оно получило от завода миллионные «отступные». Во-вторых, «дойти» дальше предприятие не имело смысла, оно было измочалено так, что только ребра торчали: на начало первого кооперативного года износ активной части основных фондов составил 70 процентов; за предшествующее десятилетие министерство получило от завода 34 миллиона рублей, а вложило в его техпервооружение в двадцать раз меньше. Теперь, «выдоенный», пусть «пасется», как хочет, посчитали в министерстве. А госзаказ для предприятия остался, и продает оно продукцию, как и прежде, по твердым прейскурантам.

На самом заводе первым ощутимым облегчением стало... уменьшение отчетности. Раньше заполняли 112 форм (а сколько граф было в тех формах, и не сосчитать) — теперь кооператив стал отчитываться по одной (данные достаточно было сообщить по телефону). Сейчас, правда, статуправление начинает запрашивать все новые и новые сведения...

А что сразу неявным было, что по кирпичику сложилось — за эти три года: появился и выкристаллизовался **новый тип производственных отношений.**

Чтобы разобраться в опыте заводчан-кооператоров, сюда зачастили делегации. Только Иван Степанович Силаев побывал, к примеру, четыре раза. А уж «обменщиков опытом» не счесть. Иные даже распоряжения своих министерств показывали: приказываем изучить опыт москвичей, побывать на заводе, внедрить у себя...

Сначала с ходоками делились придуманным бесплатно, потом стали с каждой делегации по пятьсот рублей брать — предприимчи-

вость... Мне заводчане о своих новациях рассказывали за «так», и я также почти бесплатно (на номер «Смены» вы все-таки раскошелились) передам опыт вам.

Совсем иным стал в кооперативе подход к плану. Его, естественно, не «пускают» сверху, и за его уменьшение не бьется с вышестоящими директор. Заводчане сами планируют работу. Еще месяцев за десять до нового года сидят руководители до темноты, прикидывают, рассчитывают, какую программу взять, чтобы и людям дать заработать, и новое оборудование поставить, и социальные вопросы решить — и в то же время чтобы планы эти маниловщиной не оказались. Например, в нынешнем году завод намеревается получить около 8 миллионов рублей прибыли; 3,4 миллиона пустит на зарплату; 2,5 миллиона — на техническое перевооружение; 0,9 миллиона — на социальное обустройство; остальное уйдет на налоги и расчеты с банком за кредит. И хотя никто не обязывает кооператив разбивать прибыль на три привычных фонда (оплаты, развития производства и социального развития), хотя мог бы завод все приобретенное «проесть», люди здесь думают о завтрашнем дне. Фонд развития производства централизован, и только руководство завода решает, какого и сколько оборудования купить. Фонд социального развития централизован отчасти, и из тех средств, что принадлежат всему кооперативу, построен за три года спортивный комплекс с залами волейбольным, баскетбольным, тяжелоатлетическим, с сауной; прекрасно оборудованы комнаты отдыха; отремонтирована столовая; идет реконструкция пионерского лагеря.

— А около двух тысяч в месяц из социального фонда мы получаем ежемесячно на цех, — рассказывала цеховой экономист Галина Фурлетова, — путевки покупаем, бригады на газеты-журналы подписываются...

Итак, план «в деньгах» выбран. Теперь идет разговор о том, какими изделиями его «наполнить». Конечно, насчет основной продукции — электропроводов — никаких сомнений нет, ее нужно делать. Но вот что еще? Чтобы и рентабельно было, и спросом пользовалось... На нынешний научно-технический совет конструкторы предложили тридцать два новых изделия. (К слову сказать, раньше, в «докооперативную эру», завод платил на сторону полтора миллиона рублей в год, теперь все новые разработки отдали своим конструкторам, фонд зарплаты которых в шесть раз меньше; и качество научной мысли, как уверяют на заводе, не пострадало.) Приняли из 32 новых разработок — шесть. Очень серьезно говорили в последний раз и о том, что необходимо изделия и для сельского хозяйства осваивать: чтобы на хлеб их в случае чего менять. Впрочем, о бартере — ниже...

А как на заводе платят? Сейчас средняя зарплата — 490 рублей. Не так много по нынешним временам, но и не мало, если учесть, что у металлургов госпредприятия «Серп и молот» средний заработок около 350 рублей... Но интереснее, не сколько здесь платят, а каким образом.

Раньше рабочий получал деньги как бы из десятка карманов: вот тариф, вот месячная премия, вот квартальная, вот тринадцатая зарплата, вот четырнадцатая... Да еще премии за новую технику, за выпуск товаров народного потребления... Все каналы выплат и не

упомнишь. Стали кооператорами — выплаты объединили. Ввели понятие: трудовень (не нравится мне, если честно, словечко: сталинские колхозы с пустыми «палочками» напоминает, но, видать, другого не придумалось). Сегодня трудовень равен 21 рублю.

— А потом нам сказали, — говорит наладчик Сергей Куклин, — за эту деталь заплатят два трудового дня, а за эту — восемь. Сколько людей в бригаде — наше дело. Можно меньшим числом обойтись, тогда и работать будем не восемь часов, а десять, к примеру... А можно помощников из другого цеха по контракту набрать.

И не стало постоянной боязни: будешь хорошо работать, перевыполнять — повысят нормы, срежут расценки.

— Раньше на триста рублей выработаешь, и все, шабаш, — говорит наладчик Дмитрий Юрченко. — Теперь все иначе...

Опасения — раскрыть себя, работать на пределе — остались в прошлом. Или, будем до конца откровенны, почти остались. Ибо шевелится еще кое у кого из рабочих сомнение: а вдруг подвох будет, вдруг исхитрятся, нормы повысят?

А как получают мастера? Начальники цехов? В зависимости от того, какая в этом месяце средняя зарплата их рабочих: первые — в 1,3 раза больше, вторые — в 1,8.

А если цех план не выполнит? Возможны два варианта: по своей вине; по вине других цехов или подразделений. (Это на основании документов устанавливает арбитражная комиссия завода.) Если цех не виноват, недостающие ему деньги выплатят из резервного фонда завода. А если виновен — заплатит штраф тому, кого подвел, а заработок руководителей уменьшится на 35 процентов...

Я упомянул арбитражную комиссию и резервный фонд — структуры не мертворожденные, а весьма полезные в кооперативных условиях. О том, как они работают, мне «на пальцах» рассказывали начальники цехов Анатолий Жиляев и Виктор Лопыгин.

— Допустим, у меня оборудование по вине ремонтной службы простояло пять смен. Я бы за это время мог столько-то деталей нарубить. Не нарубил. Пишу «ябеду» в арбитражную комиссию. Там разбираются и, если я прав, снимают с ремонтников доход, что не получил я, и передают его мне.

— А я, скажем, не сдал на склад столько-то изделий в этом месяце: не поставили нам смежные предприятия стального уголка... Но рабочие-то ни при чем, им платить надо. Иду в резервный фонд, занимаю нужную сумму. В следующем месяце приходит треклятый уголок, продукцию сдаем на склад — получаем доход, а с резервным фондом рассчитываемся...

Изучали заводской опыт социологи. Сравнивали ответы 290 рабочих-кооператоров с ответами тех, кто трудится в госсекторе. Вывод: число рабочих, обладающих чувством хозяина, на кооперативном предприятии по сравнению с государственным выше в три раза и составляет 22 процента против 7.

По сути, НВА, этот небольшой завод, — остров экономической свободы. Правда, не так много у нас подобных «островов». Посланцы десятков, если не сотен предприятий изучали опыт москвичей. А внедрили? Два-три... Что это? Боязнь «высунуться»? Апатия? «Апофигизм»? Но все-таки переходят предприятия на аренду, выкупаются — «островов» стано-

вится все больше, и, я верю, придет время, образуют они сперва архипелаг (анти-ГУЛАГ!), а после и материк, единый материк экономической свободы и здравомыслия, равный территории страны.

Но Королев меня огорошил:

— Кооперативная форма для промышленного предприятия неприемлема. Мы преобразовались в акционерное общество «Прогресс-электро». Решили так по тем же соображениям, по которым Собчак и Попов стали мэрами. Правление кооператива, как и Совет депутатов, — абсолютно неработоспособный орган. Я на заседании правления по пять-шесть часов тратил, объясняя очевидные вещи...

Да, акционерное общество (АО) управляется иначе. Подчиняется оно лишь общему собранию акционеров, которое созывается раз в год или же при чрезвычайных обстоятельствах. Чтобы вести стратегическую политику, общее собрание выбирает из своих рядов правление (или наблюдательный совет). А для оперативной работы правление нанимает по контракту менеджеров во главе с президентом.

И уж президенту не надо тратить время, чтобы втолковывать, что нельзя «проехать» всю прибыль, а надобно и новую технику закупать: работой, президент, как считаешь нужным, а раз в год общее собрание с цифрами в руках увидит, чего ты стоишь. И сменит, если сработал плохо.

Естественно, от «кооперативных завоеваний» — системы оплаты труда, взаиморасчетов между подразделениями и прочего — в акционерном обществе отказываться не собираются. Кооператив был для акционеров как бы трамплинком, подготовкой...

Но не только удобство в управлении дает «уход в акционеры».

Во-первых, акции распространяются и среди своих же работников (уставный фонд «Прогресс-электро» составляет 23 миллиона рублей; ценных бумаг на четыре миллиона собираются выбросить на фондовую биржу; на три миллиона акций продадут на заводе). А ежели рабочий — акционер, он станет получать дивиденды. Величина же дивидендов будет зависеть от того, как сработал коллектив. Вот и дополнительный стимул выкладываться. Кроме того, акции — способ привлечь на завод деньги. («Нужно строить новый корпус, новые технологии осваивать. Кто мне кредит на это даст? Коммерческий банк? Под 25 процентов? А в электротехнической промышленности средняя рентабельность — 20 процентов. Я разорюсь с такими кредитами!» — это Королев говорит.) И еще: в число акционеров войдут и предприятия-смежники, поставляющие москвичам сырье, комплектующие. Стало быть, и им накладно подводить партнеров.

...Вообще акционерные общества — прекрасное изобретение экономической мысли. (Первое возникло еще в 1602 году: Голландско-Ост-Индская компания; в России они появились уже в восемнадцатом веке.) Именно акционерные общества, коих тысячи и тысячи на Западе, во многом обеспечивают благоденствие тамошнего жителя. Вот и мы перенимаем опыт победителей в состязании на сытость и комфорт.

Уже в июле нынешнего года в стране насчитывалось около 800 акционерных обществ, выпустивших ценных бумаг примерно на 16 миллиардов рублей. По союзному закону о приватизации к концу 1992 года из сферы прямого государственного управления будет выведено около половины основ-

ных производственных фондов предприятий союзного подчинения, а в 1995-м эта цифра увеличится до 60—70 процентов. При благоприятном развитии приватизации только российские предприятия смогут выпустить акций и облигаций на общую сумму триллион 200 миллиардов рублей.

Да куда нам не деться, кроме как приобретать акции: по российским приватизационным законам всем гражданам республик (независимо от возраста) откроют именные приватизационные счета, на которые ежегодно будет переводиться фиксированная сумма. На деньги эти не купишь мебель или машину — только ценные бумаги предприятий. Кстати, в Западной Европе, согласно опросу журнала «Ридерс дайджест», 10 процентов взрослого населения являются владельцами акций и ценных бумаг. Видимо, и у нас скоро будет не меньше.

— Завизируйте приказ, Алексей Михальч, — как будем платить тем, кто поедет в колхоз.

— Какой колхоз?! — поразился я. — Вы же полностью самостоятельные!

Шишкарев, заместитель директора по экономике, усмехается:

— Райсовет сказал: вам надо отработать на селе три тысячи человеко-дней. Не отработаете, отключим свет, воду, пришлем пожарников и санэпидстанцию — закроем завод в три дня...

Рассуждал я об архипелаге, мечтал о материке экономической свободы, а пока есть только острова. Островки, скорее. И как нельзя в отдельно взятой стране построить социализм (феодализм, капитализм), так невозможно и на отдельно взятом заводе добиться полного экономического здоровья. Окружен остров океаном хозяйственного хаоса.

— Чиновники всякое движение хотят затормозить, — говорит Королев. — Решили мы переоборудовать старую площадку под информационный бизнес-центр. Московский райсовет уперся — и ни в какую: запрещает реконструкцию... Или: закупило наше совместное предприятие на наши же деньги валюту. У завода есть валютный счет, а перевести нам доллары Внешэкономбанк не позволяет. Нет, и все...

За годы работы журналистом мне довелось, наверно, на полсотне предприятий побывать. И не было случая, чтобы руководители и рабочие не жаловались на поставщиков. После пятого завода я эти сетования и слушать перестал — скучно; да еще зарекся, что про необязательных смежников писать никогда не буду. Но, как говорится, не зарекайся. Сейчас ситуация такая, какой никогда и близко не было; именно непоставки-недопоставки терзают более всего сердца директоров, рабочих и снабженцев по всей стране.

В особенном каком-то положении завод НВА? Да нет, если не считать, что 400 его поставщиков должны присылать 22 тысячи комплектующих. И хорошо, если каждый десятый партнер надежен. В сложившейся ситуации руководители предприятия дружно обвиняют правительство. И не без основания.

Механику развала хозяйственных связей пояснил мне Королев:

— Было у завода, допустим, 20 потребителей. Потом сказали: госзаказ вам устанавливается 40 процентов, — и под него навязали восемь новых потребителей. А затем вдруг выходит решение президиума Совета Министров страны от 28 ноября 1990 года: сохранить прежние хозяйственные связи —

то есть первоначальные 20 партнеров. Итого потребителей стало 28. А потом новая «указивка»: предприятия военно-промышленного и агропромышленного комплексов обслуживаются в первую очередь. А их еще, скажем, девять. Итого — 37 потребителей. Как продукцией, рассчитанной на 20, «накормить» 37?

Ну, ладно, это деяния прошлого, рыжковского кабинета. Но и павловский кабинет пониманием нужд предприятий, похоже, не отягощен.

— Повысили в апреле цены, — продолжает Королев. — Ладно. Подорожала, скажем, комплектующая, которую нам поставляют, на три рубля. Сказали: вы цену на свою продукцию также можете повысить на эти три рубля. Вроде бы логично? Но это на первый взгляд. А на второй?.. Наша рентабельность — это прибыль, деленная на себестоимость. Себестоимость растет — рентабельность стремится к нулю...

Критикует действия правительства и Владимир Елисов, заместитель директора по коммерческим вопросам. («Зам. по доставанию», — мрачно пошутил он, пожимая мне руку.)

— Правительство под разговоры о рынке третий год делает непонятные «телодвижения». Как тот хозяин, что кошке хвост рубил по частям, чтобы не так больно было...

— Я договорилась! — заглянула в кабинет ликующая сотрудница. — Они дают нам тонну пластмассы, просят взамен устроить распродажу удлинителей.

— Вот видите, — мотнул в мою сторону головой Елисов. — Все на обмен. Назвали это красивым словом «бартер», а на самом деле это натуральное хозяйство, когда денег еще не придумали. Первобытнообщинный строй!.. А знаете,

сейчас предприятиям даже выгодно работать плохо.

— ?

— Поставляет нам черный порошок энский завод (только не называйте его, а то обидятся, совсем нам ничего не будут давать). Раньше его никто не знал, потому что он работал как часы. Сейчас его лихорадит, и возле него роится толпа снабженцев. Среди них — очередь. Кто несет в клювике машины, стоит первым. Кто телевизоры — вторым. Холодильники — третьим... Я со своими удлинителями — где-то в конце... А знаете, почему в магазинах пусто? Раньше мы свои товары народного потребления давали торговле. Теперь все долгосрочные договора разорвали. Расплачиваемся нашими товарами с нужными поставщиками. А если что и даем в магазин, так взамен для наших заводчан просим выездную торговлю устроить...

Тем же предприятиям, которые ничего «вкусенького» не производят, совсем плохо. В порту — сам свидетель — снабженцы просто волком воют.

И еще. Как, казалось бы, международные конфликты могут помешать предприятию, в спокойной Москве расположенному? Ан нет. Двигатели постоянного тока поставляет москвичам его филиал в Потти, а тем должны слать эмалепровод из Цхинвали. А там не до эмалепроводов. Вот и потийцы делают лишь треть намеченного и москвичей подводят...

Мы просидели в кабинете Елисова часа два, и трижды за это время звонили ему брокеры с разных товарно-сырьевых бирж, и продать что-то предлагали, и купить.

— На бирже покупать нам не по карману, — вздыхает Елисов.

Там цены раз в десять выше преискурантных. Биржи — это для тех, кто перепродает, а не для хозяйственников. Уверен: проследить бы за каким-то товаром, через биржу проходящим, увидим: в конечном счете он за границей окажется...

— А что будет, — спросил напоследок у Елисова, — если вдруг с завтрашнего дня объявят рынок? И свободные цены?

Задумался.

— Сейчас удлинитель, что мы делаем, стоит пять рублей. В магазинах их нет. Введут свободные цены — он будет стоить пятьдесят, и не потому, что мы вздуем цены: комплектующие станут дорогими. Пятьдесят «рз» — никто не будет брать. Мы затоваримся. Придется новую продукцию осваивать. А это полгода. Без прибыли, без зарплаты...

Комментирует научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, кандидат экономических наук ИГОРЬ ЦУКАНОВ:

— Это один из примеров судорожной доморощенной приватизации... Всякий раз, когда дело касается экономики, мы пытаемся изобрести собственный «русско-социалистический» велосипед, хотя все уже давно изобретено.

Разве мы первые начинаем акционирование? Этим занимались десятки стран — и развивающихся, и таких, как Англия, США. И перед тем, как начинать приватизацию, правительства всегда определяли цель: зачем она, приватизация, нужна. Либо пополнить государственный бюджет; либо повысить эффективность целой отрасли; либо увеличить отдачу отдельного предприятия (акционерное общество при прочих равных условиях всегда эффективнее государственной компании).

Существуют различные пути приватизации: во-первых, продажа акций компании всем желающим; во-вторых, передача собственности другим частным компаниям; в-третьих, продажа активов предприятия (например, с аукциона); в-четвертых, продажа акций рабочим и инженерам, занятым в приватизируемой компании... Именно последний случай чаще всего встречается пока что у нас. Между тем в мировой практике он, как правило, крайний и применяется обычно тогда, когда стоит дилемма: продать акции «своим» или объявить о банкротстве.

Приватизации какой-то компании в других странах всегда предшествует аудиторская (проверочная) и консалтинговая (консультационная) помощь независимых авторитетных фирм. Кстати, таких становится все больше и у нас. В ходе этой работы (а о ее важности свидетельствует хотя бы то, что компания-заказчик платит за нее сумму, порой достигающую 1/5 стоимости своих активов) определяется истинная цена предприятия; составляется грамотная — и доступная по изложению любому обывателю — финансовая отчетность; решаются вопросы маркетинга; урегулируются отношения со смежниками; определяется, как лучше стимулировать менеджеров и рабочих компании; наконец, составляется четкий бизнес-план, то есть стратегия и тактика компании. Акции компании, которая всего этого не проделала, купит на Западе только безумец!

У нас же подобное крайне редко. Из-за целого букета причин: общее экономическое бескультурье; директорам заводов невыгодно определять истинную стоимость своих активов — уже известны случаи, когда предприятие, подлинная стоимость которого миллиарды рублей, оценивается

лишь в миллионы и за эту сумму продается своим рабочим. Почему уставный фонд завода НВА — о нем идет речь в статье — 23 миллиона рублей? А потому, что за эту сумму завод выкупился у министерства... Но истинная стоимость его активов — и это бы точно установила аудиторская проверка — может быть и 500 миллионов, а может, и один. Наконец, аудиторы не зовут еще оттого, что подробная информация невыгодна некоторым фирмам: они предпочитают, звонко прорекламировав себя, продавать «кота в мешке», и этого «кота» покупают — людям «некуда деньги девать».

Между тем я предполагаю, что уже нынешней зимой начнется цепь банкротств некоторых акционерных обществ — и разорение вкладчиков. Например, одна из самых «громких» фирм, собравшая за свои акции сотни миллионов рублей, по моим неофициальным данным, просто не знает, куда вложить эти деньги, чтобы обеспечить обещанные акционерам дивиденды. После подобных разорений вкладчики, надеюсь, образуются...

На заводе-кооперативе НВА акционирование, как я понял, преследовало две цели: привлечь средства на модернизацию производства и эффективнее стимулировать труд рабочих и менеджеров. Но если бы руководители НВА перед тем, как «плюхаться» в акционирование, воспользовались бы услугами auditors и консультантов, им это акционирование, возможно, и не понадобилось бы. Деньги они, имея составленный бизнес-план, могли бы взять в кредит (банки, как правило, серьезно снижают процентную ставку, если видят реальность грядущих прибылей). А побудить менеджеров и рабочих

к большей отдаче — для этого существуют десятки способов, не обязательно только ожидаемые дивиденды. И как на конкретном предприятии стимулировать, тоже подсказала бы консалтинговая фирма. Акционирование не очередная кампания, не «кукуруза-92», и к нему надо бы подходить вдумчиво, критично.

Словом, если бы «директором был я», сперва провел бы основательную финансовую экспертизу завода, в том числе и с точки зрения будущих прибылей, а потом уже что-то предпринимал. А был бы вкладчиком, никогда бы не купил ни акции завода НВА, ни любой другой компании, о которой у меня нет достаточной информации.

...Приватизация, конечно, процесс полезный, но не надо бросаться в нее очертя голову. В старой доброй Англии она заняла десять лет, и в ходе ее было приватизировано всего около полусотни заводов.

Июль 1991 года

ЧИТАТЕЛЬ «СМЕНА» ЧИТАТЕЛЬ

Понимаю, что многие обращаются к вам с просьбами и что все просьбы удовлетворить просто невозможно, но не обойдите мое письмо вниманием, пожалуйста, помогите нам!

Я руковожу обществом инвалидов-эсперантистов уже шесть лет. Наше общество объединяет в основном тех, с кем природа обошлась жестоко, но есть у нас и здоровые люди — это те, кто помогает инвалидам морально и материально. У нас люди не чувствуют себя одиночками: все знают друг друга, переписываются, изучают международный язык эсперанто, читают книги, журналы, газеты на этом языке. В общем, живут полноценной жизнью. Мы издаем и свою газету «Конкордо» (в переводе с эсперанто — «Согласие»), где даются уроки и сведения из истории языка, объявления о том, где и когда будут встречи эсперантистов, какие книги по эсперанто, йоге, парапсихологии можно выписать, а также даются адреса новых членов нашего общества с информацией об их интересах и увлечениях. Подписчиков на газету «Конкордо» около 2000, но вот беда — нам не хватает марок по 4, 5, 6, 10, 15 копеек. Наши дорогие читатели, шлите, пожалуйста, нам по-

больше почтовых марок, здесь в городе их невозможно достать.

Если вы одиноки, ищите друзей — выписывайте нашу газету «Конкордо»! Стоимость годовой подписки — всего 5 рублей. Если вы желаете выписывать газету «Конкордо», то заранее посылайте подписанные конверты и почтовые марки по 10 копеек. Если вы желаете изучить международный язык эсперанто, но не знаете, где можно приобрести необходимую литературу, обращайтесь к нам.

Мы можем выслать следующие книги:

1. «Книга об эсперанто» — 5 рублей.
2. «Русско-эсперантский словарь» — 10 рублей.
3. «Русско-эсперантский разговорник» — 2 рубля.

Тем читателям, кто ценит и понимает творчество Николая и Елены Рерих, мы высылаем «Письма Елены Рерих» стоимостью 3 рубля. Деньги посылайте почтовым переводом на наш адрес: 229910, Латвия, Вентспилс, ул. Бривибас, д. 27, кв. 11, Гришину Н. П. с пометкой «На письма Е. Рерих», «За словарь», «За газету «Конкордо», «За книгу об эсперанто». Все необходимое посылаем сразу же после получения перевода.

Дорогие читатели! Мы нуждаемся и в материальной помощи. Нам необходима также бумага на издание газеты «Конкордо». Наш расчетный счет по адресу: 229910, Латвия, Вентспилское отделение, р/с № 700744, общество инвалидов «Конкордо».

**НИКОЛАЙ ГРИШИН,
Вентспилс**

Не знаю, зачем пишу. Просто устала от неустроенности, тесноты, болезней детей — да всем хорошо известно, отчего так устали «счастливые» советские люди. Просто мне исполнилось 39 лет. И ничего-то у меня, кроме усталости, нет. Просто у мужа на работе распределяли квартиры — дали всего две трехкомнатные, а мы стоим на очереди на трехкомнатную восемь лет, и наша очередь не подошла. У нас комната в общежитии 16 кв. м, а кухня, туалет и душ на тринадцать семей. Младший сын спит на раскладушке посреди комнаты. Кто-то придумал строить воронежскую станцию теплоснабжения, кто-то теперь ее закрыл, и наш поселок в двадцати километрах от Воронежа буквально заброшен. Мы никому не нужны. Школа и детские сады переполнены. Нет ни поликлиники, ни клуба, ни кинотеатра. Здесь много одиноких молодых рабочих, и самогон льется рекой. Нет никакой надежды, что мы вырвемся отсюда когда-нибудь. Говорят, что в поселке уже ничего строить не будут. А общая очередь на жилье по всей стройке около полутора тысяч.

В нашем общежитии асбестцементные стены, страшная духота. У старшего, пятнадца-

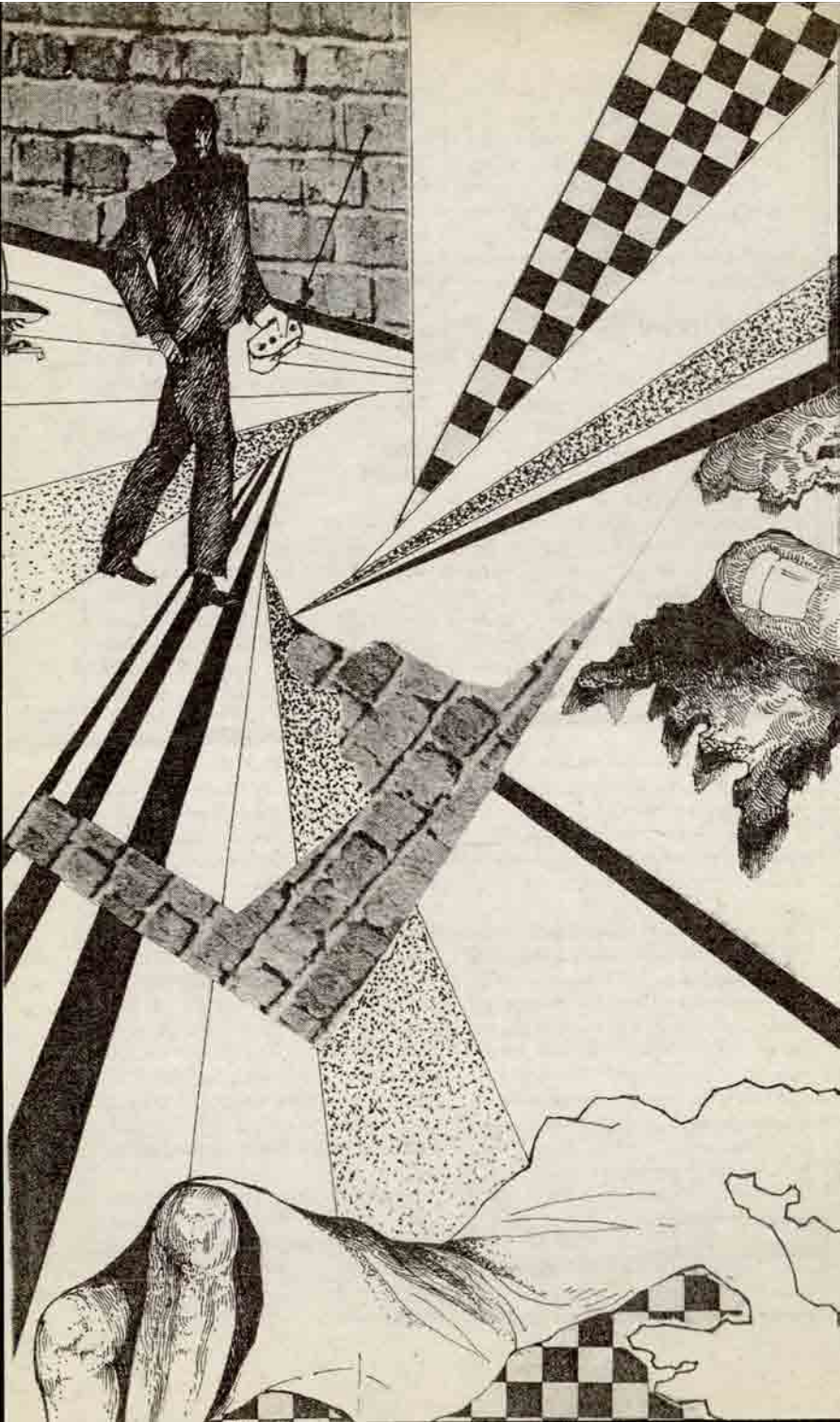
тилетнего сына туберкулезный вираж, у младшего — нервные тики. Как они будут жить? У нас даже книг нет — я не имею возможности покупать книги по 30—50 рублей. Так страшно жить! Ведь мы в прямом смысле вымираем. А посмотрите телевизор — рекламы иностранных машин, круизов, шикарные моды, презентации, конкурсы, миллионные лотереи — и все это, оказывается, у нас, для нас. Дая нас?

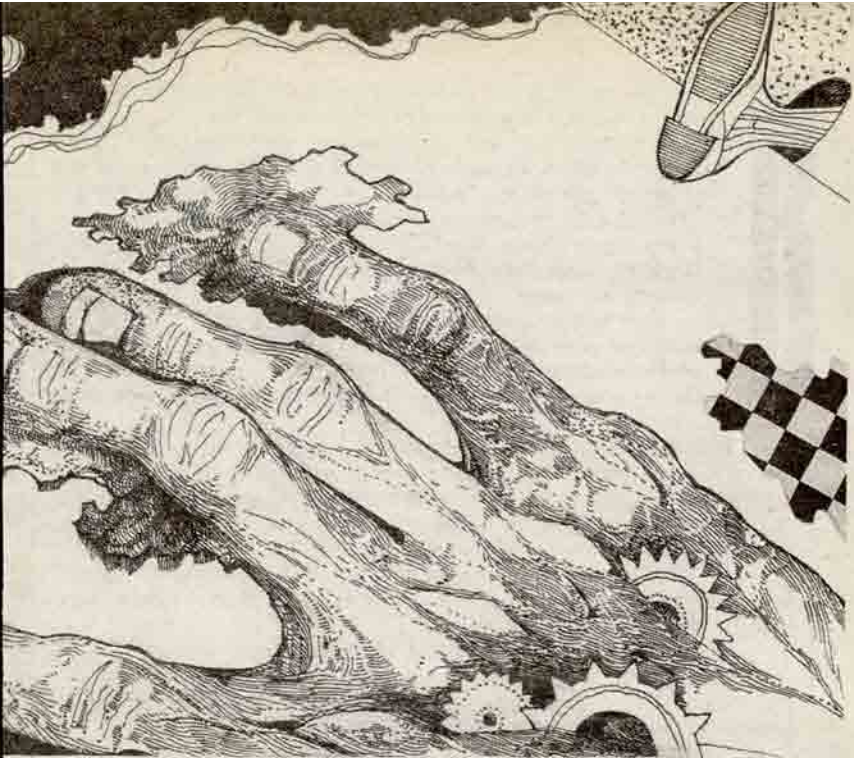
**РАИСА,
Воронеж**

У меня ужасная проблема, а поделиться не с кем. Мне пятнадцать лет, а рост у меня 1м 42 см (что явно не соответствует возрасту). Мало того, у меня искривление позвоночника III степени — горб. В классе одинока. Дома родители винят меня во всех смертных грехах. Конечно, я понимаю, что стыдно плакаться, но я не знаю, как жить дальше. А мне хочется жить, как все люди. У меня даже возникали мысли о самоубийстве, но это не выход. Думаю, что единственный выход — с кем-нибудь подружиться. Может, кто-нибудь откликнется? Я слабо развита физически, но по умственным способностям не отстаю от сверстников. Собираю марки на тему «Искусство и живой мир». Увлекаюсь литературой, историей, интересуюсь различными чудесами (НЛО, полтергейстом, экстрасенсами и т.д.). Верю в Бога. Люблю свою собаку.

Может быть, среди читателей «Смены» есть мои братья «по несчастью»? Откликнитесь! Адрес в редакции есть.

**ОКСАНА,
Москва**

ВЛАДИМИР ГРИНЬКОВ

Рисунки АЛЕКСАНДРЫ ТУРЕЦКОЙ

ПОЖИВУЩЕ

ПОДОДЕ

Я сидел на стуле и затылком чувствовал легкое дуновение кондиционера. Он жужжал где-то за моей спиной, и я подумал, что запросто могу подхватить насморк, если долго просижу здесь. Сидящий напротив меня Норман медленно перебирал бумаги на своем столе и молчал. Я тоже ничего не говорил — когда вас вызывает начальник, надо набраться терпения и ждать.

Норман, наконец, навел на столе идеальный порядок и поднял на меня глаза.

— Как ваше здоровье, Крис?

Я изумленно вскинул брови и пробормотал:

— Нормально. Как обычно.

Он вздохнул и уставился в полированную поверхность стола.

— Вам известно, что наша фирма — особая, и трудиться здесь могут только лучшие люди — здоровые, умные, исполнительные. Требования к персоналу очень высокие, и тот, кто им не соответствует, должен покинуть фирму.

— Не понимаю, — пробормотал я.

— Поясню, — кивнул Норман, не глядя на меня. — В последнее время я замечаю, что вы слишком быстро утомляетесь. Возможно, вам надо отдохнуть.

— Я здоров и могу работать в полную силу.

— Рад слышать, — произнес Норман без особого энтузиазма. — Работайте. Но! — Он поднял указательный палец к потолку. — Считайте наш сегодняшний разговор предупреждением. В следующий раз вам придется уйти на отдых.

— Благодарю вас, — произнес я хрипло. — Можно идти?

— Идите, — кивнул Норман.

Я знал, чем заканчиваются подобные разговоры о здоровье. За последний год в нашем отделе двенадцать человек ушли на краткосрочный отдых, и ни один из них не вернулся на фирму. Если Норман заговорил со мной о здоровье, моя песенка спета.

Кто-то хлопнул меня сзади по плечу:

— Привет, Крис!

Я обернулся и увидел улыбающегося Мэтью.

— Привет, — буркнул я в ответ. — Как дела?

— Нормально. А ты что-то невесел, приятель.

— Норман вызывал.

— Взбучку устроил, — понимающе протянул Мэтью. — Да не расстраивайся ты, с кем не бывает.

— Он меня спрашивал о здоровье.

Мэтью остановился и присвистнул, а я продолжал идти по коридору.

— Послушай, не пойму, что происходит! — воскликнул он, догоняя меня. — Они вышибли только лишь из нашего отдела двенадцать человек за год. По всей фирме счет идет на десятки, если не на сотни уволенных. И ведь безо всякого повода.

— Не ори ты так!

— Хорошо, не буду орать. — Мэтью перешел на шепот. — Но ты-то можешь мне объяснить, что происходит?

Я пожал плечами:

— Безусловно, за всем этим что-то кроется. На сокращение штатов не похоже — на место уволенных сразу же берут новых людей. Расправляются с неугодными? Так ведь выгнали самых неприметных.

— Послушай, Кри! Мы должны разобраться в этой истории! Надо найти ребят, уволенных из нашего отдела, и поговорить с ними.

— Что новенького у вас в секторе? — переменял я тему.

— Ничего. После того как запустили «шестую серию», работы нет.

— Почему? — удивился я.

— В их блоках управления практически ничего не надо улучшать.

— Ой ли? — не поверил я. — Вы что — создали идеальный мозг?

Мэтью кивнул:

— Этот мозг лучше человеческого. Теперь можно сказать, что «шестая серия» — те же люди. Да нет, не люди — лучше людей: умнее, сноровистее. Теперь наш сектор сидит без работы — эти роботы уже не нуждаются в доводке. Скоро они сами будут нас доводить. — Мэтью рассмеялся и добавил: — А уволенных ребят я все-таки разыщу.

В этот день у меня все валилось из рук. Перед глазами стояло лицо Нормана. «Считайте наш сегодняшний разговор предупреждением». Мэтью прав, надо найти ребят, порасспросить их. Может, удастся выкрутиться.

Дома я занялся своей коллекцией бабочек, что сразу выдало меня с головой.

— У тебя неприятности, Кри? — положив мне на плечи руки, тихо спросила Линда.

— Все нормально, — буркнул я.

— Не заводись. За этот год, что мы живем вместе, я хорошо тебя изучила.

— Шеф сказал, что у меня не очень здоровый вид. И что мне надо немного отдохнуть.

— Ты из-за этого так расстроился? — удивилась Линда.

— Он предлагал отдохнуть двенадцати служащим нашего отдела, и все двенадцать были сразу уволены.

— Почему?

— Не знаю. И никто не знает. Просто уволили — и все.

— Но должно же быть какое-то объяснение.

— Должно, — согласился я. — Но его нет, этого объяснения.

Линда вздохнула.

— Не переживай раньше времени.

— Не буду, — пообещал я. — Кстати, ты в последнее время видишь нашего соседа?

— Какого?

— Ну, этого. — Я наморщил лоб. — Мореля.

— По утрам вижу. А что?

— Да ничего. Помнится, он в прошлом году приобрел робота?

— Был у него робот,— подтвердила Линда.
— А сейчас он где? Что-то его не видно.
— Не знаю.— Линда пожала плечами.— Мне он тоже в последнее время не попадается на глаза. Почему ты о нем спрашиваешь?

— Да так...

Она внимательно посмотрела на меня, но ничего не сказала.

Мореля я увидел на следующее утро. Он медленно шагал по тротуару, глядя себе под ноги.

— Доброе утро, господин Морель.

— Здравствуйте.— Он широко улыбнулся.— Редко мы с вами встречаемся.

Я развел руками:

— Что делать. Вечная спешка.

— А когда человек стареет, время растягивается так, что не знаешь, куда его девать.

— Играйте в шахматы со своим роботом,— посоветовал я.— Очень интересное занятие.

— С каким роботом? — Морель махнул рукой.— Я его не вижу уже месяца три. Ушел из дома и не появляется.

— Разве такое возможно? — удивился я.

— Вполне. Он у меня «шестой серии» — самостоятельный и умный. Бьюсь об заклад, что вы не отличите робота в толпе. И кто знает, может быть, половина из идущих нам навстречу пешеходов не люди, а роботы.

— Да бросьте вы,— перебил я его.— Что робот может? Принести, отнести, навести порядок в комнате.

— Не скажите,— покачал головой Морель.— Вот вы — человек, живое существо. Что вы можете? Попробуйте сформулировать обобщенно.

— Ну, могу мыслить, испытывать какие-то чувства. Могу решать возникающие передо мной проблемы. Действую самостоятельно, обладаю способностью накапливать знания. Достаточно?

— Вполне. Все, что вы мне сейчас рассказали, относится к любому роботу «шестой серии». И вся разница между вами и роботом заключается в том, что вы появились на свет «биологическим путем», а робота изготовили на заводе. В остальном вы — близнецы. Мы считаем роботов роботами, а на самом деле это — индивидуумы. И кто знает, не потребуют ли они для себя вскоре равных прав с людьми. Я уже задумывался над этим.

— И к какому же выводу пришли?

— Нам придется делить с ними место под солнцем.

— Не думаю,— признался я.— Это роботы, понимаете? Раньше были железные, теперь из синтезированных материалов, но суть осталась прежней — это роботы. И никто не собирается делить с ними место под солнцем.

Морель внимательно слушал меня, а в глазах его застыла печаль.

Едва я вошел в здание, меня выловил в коридоре Мэтью.

— Слушай, Крис, потрясающая новость! Это просто какой-то кошмар!

— Что случилось?

— Я сегодня попал в аварию, наш автобус врезался в столб.

— Сильно врезался? — Я посмотрел на Мэтью. — Ты не пострадал?

— Я-то цел, а вот шофер погиб. Но самое интересное впереди! — Мэтью почему-то перешел на шепот и огляделся по сторонам. — Шофера раздавило в лепешку!

— Что же тут интересного? — поморщился я.

— А то, — торжествующе выпалил Мэтью. — Это оказался никакой не человек!

— А кто?

— Робот! Ты бы видел, как из него брызнула зеленая дрянь!..

— Не может быть, — пробормотал я. — Робот — шофер?

— Вот именно! — воскликнул Мэтью. — Робот «шестой серии». Я же тебе говорил, что «шестая серия» — это почти как люди. Их невозможно отличить.

Я вспомнил разговор с Морелем.

— Послушай-ка, Мэтью. Сегодня утром я разговаривал со своим соседом. От него ушел робот.

— «Шестой серии»?

— Да. Уже несколько месяцев прошло с тех пор, как он исчез. Значит, они действительно начали устраиваться в этой жизни. Ты понимаешь, что происходит? Мы здесь, на фирме, изготавливаем этих роботов. Потом люди их приобретают, приводят домой, а дальше — роботы уходят от них. Они вокруг нас, а мы даже не знаем об этом.

— Точно, — перебил меня Мэтью. — И через пару лет мы даже не будем знать, с кем имеем дело — с человеком или роботом. Их надо взять под контроль. Нельзя, чтобы они ассимилировались в человеческое общество.

— Мы еще поговорим с тобой об этом. — Я взглянул на часы. — Как твои поиски?

— Какие поиски?

— Ну, ребят, уволенных из нашего отдела.

— Я сделал запрос в Центральную справочную службу. Сегодня они должны дать мне все адреса.

Мэтью зашел ко мне в конце дня.

— Что случилось? — спросил я. — Ты очень плохо выглядишь. Он обвел взглядом присутствующих и тихо произнес:

— Выйдем в коридор, я должен сказать тебе кое-что.

Мы пошли к дверям. Никто из сидящих в комнате не поднял головы. Я пропустил Мэтью вперед и оглянулся. Все смотрели нам вслед, и в их взглядах я прочел напряжение и тревогу. Мэтью, кажется, ничего не заметил. Он увлек меня к окну, вытащил из кармана сложенный вчетверо лист и развернул его.

— Я сделал запрос в Центральную справочную службу и только что получил ответ.

Он протянул мне бумагу. Я увидел двенадцать фамилий, отпечатанных в столбик. Справа у каждой фамилии стоял адрес,

по которому можно было отыскать нужного человека. Я застрял у же на второй строчке, потом быстро пробежал глазами весь текст и недоумевающе посмотрел на Мэтью:

— Ничего не понимаю.

Было от чего прийти в замешательство: против всех двенадцати фамилий стоял один и тот же адрес: «20-я улица, клиника доктора Айкрофта».

— И я ничего не понимаю, — призвался Мэтью. — Ясно одно: все уволенные действительно чем-то болели. У меня голова идет кругом. Вокруг нас что-то происходит, а что — не пойму. И еще — я тревожусь за тебя, Крис. Двенадцать человек попали в клинику, неужели ты станешь тринадцатым?

— Еще чего! — глухо ответил я. — Не знаю, что там стряслось с ребятами, но я здоров! Здоров! Понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Мэтью, явно подавленный происходящим.

— Что ты еще собираешься предпринять?

— Хочу съездить сегодня в клинику Айкрофта. Может, удастся поговорить с кем-нибудь из ребят.

Идя по улице, я старательно вглядывался в лица прохожих. Интересно, есть ли среди них роботы? И если есть, то кто именно? Вот тот парень в шортах? Или эта девушка с задумчивыми глазами?..

Я уже подходил к дому, когда меня кто-то окликнул. Обернувшись, я увидел своего соседа.

— Добрый вечер, господин Морель. Как ваши дела?

— Как могут быть мои дела? — Морель пожал плечами и улыбнулся. — В моем возрасте люди живут тем, что предаются размышлениям.

— А почему бы вам не заняться воспитанием внуков? У вас есть внуки?

Улыбка сползла с его лица.

— Не знаю.

— Как так? — удивился я. — Дети у вас есть?

— Была дочь, — глухо ответил Морель.

— Что значит «была»? Где она сейчас?

— Не знаю. Пару лет назад я перестал получать от нее письма. Они с мужем жили на побережье. Я пытался связаться с ними, но тщетно. Тогда я отправился к ним на побережье, но в их доме жили чужие люди. Они сказали, что моя дочь выехала несколько месяцев назад. Куда — никто не знал.

— И с тех пор вы о них ничего не слышали?

— Ничего. — Морель покачал головой и отвернулся.

— Извините, я ничего не знал. А вы пробовали их разыскать?

Морель пожал плечами:

— Пробовал, да что толку? Насколько мне известно, в последнее время стало модным срываться с места, никого ни о чем не предупреждая.

— Как ваш робот? — спросил я, чтобы переменить тему разговора.

— В бегах,— ответил Морель.— А может, вернулся. Я с утра не был дома. Пойду посмотрю. До свидания.

Линда встретила меня у порога.

— Как дела?

— Все нормально. Ужинать будем?

— Иди мой руки.

Я решил не говорить ей о том, что двенадцать человек, уволенных из нашего отдела, попали в клинику Айкродфта.

Мы не успели сесть за стол, потому что кто-то забарабанил во входную дверь.

— Кто это может быть? — удивилась Линда.

Я открыл дверь и увидел растерянные глаза Мореля.

— Проходите. Что случилось?

Он переступил порог, в нерешительности остановился в коридоре и протянул мне сложенный вдвое листок бумаги. Записка состояла всего из одной фразы: «Старик, держи язык за зубами».

Почерк был мужской, размашистый.

— Что это? — спросил я.

— Записка. Ее написал Арчи.

— Кто такой Арчи?

— Мой исчезнувший робот. Записка лежала на письменном столе.

— Что он хотел этим сказать?

Морель пожал плечами:

— Не знаю, потому и пришел к вам. Вы ведь работаете на фирме, где производят роботов. Так объясните мне, что происходит. Сначала робот уходит от меня, потом начинает угрожать. Разве роботы агрессивны?

— Изначально они не знают, что такое агрессивность,— объяснил я.— Но, живя среди людей, они многое берут от нас, и, к сожалению, не всегда самое лучшее.

— Что же мне теперь делать?

— Похоже, ассимиляция роботов в человеческое общество зашла слишком далеко. Сегодня мой приятель был свидетелем гибели водителя автобуса, и оказалось, что шофер — робот.

— Робот? — удивился Морель.

— Да, и никто об этом даже не подозревал.

— Так, может, их среди нас десятки?

— А может, тысячи? Представляете — тысячи роботов, ушедших от своих хозяев и теперь активно внедряющихся в наше общество.

— Сколько вы их производите за год? — поинтересовался Морель.

— Не знаю. Эти данные засекречены. Но думаю, что счет идет на десятки, сотни тысяч.

— И вы даже не знаете, где находятся произведенные вами роботы?

— Подождите — это же мысль! — воскликнул я.— На фирме есть электронная картотека, куда заносятся сведения обо всех покупателях наших роботов. Мы сможем узнать, сколько роботов покинуло своих хозяев и соответственно сколько их бродит по нашим улицам.

— Вы действительно считаете, что они представляют опасность?

— Записка, оставленная вашим Арчи, говорит об этом очень убедительно.

— Что же мне теперь делать?

— Не выходите пока из дома. Мы что-нибудь придумаем.

Морель поежился:

— Хорошо. Спасибо вам.

— Кстати, а как он попал в ваш дом? Разве вы оставляете дверь открытой?

Морель обернулся.

— Он просто выломал ее — вот и все.

— Как выломал? — опешил я.

— Разнес ее в щепки.

— Может, вы останетесь у нас?

— Нет, спасибо. В моем кабинете есть замок. Там я и лягу.

Проводив Мореля, я вернулся в кухню. Линда сидела за столом, в тарелках остывал ужин.

— Что там стряслось? — спросила она.

— Морелю угрожает его собственный робот. Он ушел от него месяца три назад и с тех пор ни разу не появился. А сегодня выломал дверь и оставил записку с угрозами.

— Сумасшедший какой-то, — поежилась Линда. — Чем ему не угодил Морель? Он же такой безобидный.

— Невозможно узнать, что у робота на уме.

— «Робот» — это еще не значит «плохой».

— Не скажи. От них исходит угроза людям, но почему-то многие этого не замечают.

— Ну какая угроза! — Она взяла мою руку и приложила ее к своей щеке. — Мне кажется, ты сам себя запугал. Роботы — они ведь как люди. Есть хорошие, есть плохие. И вообще, не бери в голову эту чепуху.

— Хорошо, — пообещал я. — Давай поужинаем.

Утром, проходя мимо дома Мореля, я увидел следы вчерашнего визита робота: от входной двери действительно осталась груда щепок. Я вспомнил, что Морель рано встает, и решил зайти к нему. Поднимаясь по витой лестнице, я прислушивался, не раздастся ли наверху какой-либо шум, но в доме было тихо. Морель, похоже, еще спал. Я все-таки поднялся наверх и замер на пороге: дверь кабинета была распахнута, все перевернуто вверх дном. Стеллажи с книгами повалены, книги разлетелись по полу, завалив проход к дивану, подушка и плед лежали почему-то не на диване, а на полу, люстра сорвана с крюка. Это был не обыск. Это был разгром.

— Господин Морель! — позвал я.

Никто не отозвался. Наткнувшись взглядом на сломанный замок, я понял, что искать Мореля бесполезно. Робот выполнил свою угрозу.

Я набрал номер полицейского участка.

— Алло, это полиция? Исчез мой сосед. Нет-нет, это похоже на налет. Вчера он получил записку с угрозой, а сегодня утром исчез.

— Минуточку. Не кладите трубку. Как фамилия вашего соседа?

— Морель.

— Сейчас проверю компьютерные сводки больниц, моргов и полицейских участков.

Дежурный полицейский помолчал с минуту, потом произнес в трубку:

— Так, есть Морель. Четвертая улица, дом десять?

— Да, — ответил я. — Это его адрес.

— Ваш сосед помещен в клинику.

— В какую клинику?! Здесь все перевернуто вверх дном. Его похитили.

— Когда людей похищают, адрес их нового местопребывания не заносят в компьютерный банк данных. Сведения о Мореле внесены в компьютер клиники, куда он помещен.

— А что за клиника? — быстро спросил я, боясь, что полицейский положит трубку. — У вас есть адрес?

— Есть, — ответил полицейский. — 20-я улица, клиника доктора Айкрофта.

В трубке раздались короткие гудки.

На работе я сразу же связался с Мэтью.

— Сейчас зайду к тебе, — пообещал он. — У меня есть новости. Через пять минут он заглянул в дверь и поманил меня пальцем. Я вышел в коридор.

— Ты был вчера в клинике?

— Был, — кивнул Мэтью.

— Разговаривал с ребятами?

— Черта с два! Как ты себе представляешь клинику?

— Ну, кабинеты врачей, палаты для больных. По коридорам ходят люди в белых халатах...

— А здесь — один забор, — прервал он меня.

— Что значит — «один забор»?

— Забор высотой метра три. И сигнализация. Что внутри — не видно. Это больше похоже на тюрьму.

— Но должны быть ворота или что-нибудь в этом роде?

— Есть, но там охрана. Какие-то мрачные парни.

— Ты говорил с ними?

— Они посоветовали мне убраться.

— Ну и дела, — присвистнул я. — Что же это за клиника?

— Может, психушка? — высказал предположение Мэтью.

— Разве наши двенадцать человек производили впечатление ненормальных? — Я с сомнением покачал головой. — И потом, эта история с моим соседом.

Я рассказал ему про Мореля.

— Слушай, — сказал Мэтью, — здесь что-то не так. Сначала записка с угрозой, потом исчезновение старика. Его увезли в клинику Айкрофта — туда же, куда и наших ребят. Что-то здесь нечисто.

— Я пойду туда сегодня вечером и попробую что-нибудь узнать.

— Бесполезно.

— Я назовусь сыном Мореля. Пусть только попробуют не пустить меня к нему.

Мэтью вздохнул.

— Так ты говоришь, что его робот безобразничает?

— Судя по всему, да.

— Что-то не нравится мне эта история.

— Я хочу пойти сегодня к Норману,— сказал я.

— Зачем?

— Насколько мне известно, у фирмы есть сведения обо всех покупателях наших роботов. Я хочу предложить Норману провести опрос покупателей и выяснить, от кого из них ушли роботы и где они теперь, по их предположениям, могут находиться. Нам важно знать количество, чтобы представлять масштабы опасности.

— Опасности?

— Да. Думаю, что бедняга Морель не единственная их жертва. И пока не поздно, надо взять всех роботов под контроль. Если мы узнаем, что у людей возникают с ними серьезные проблемы, тогда... — Я развел руками.

— Что же тогда?

— Придется отзываться всех роботов на завод и вносить изменения в их блоки управления.

— Возможно, ты и прав. Но что делать с роботами, которые уже ушли от своих хозяев? Как их найти? Ведь они растворились среди людей.

— Пока не знаю,— признался я.— Надо подумать.

— Расскажешь мне завтра о результатах посещения клиники Айкрофта?

— Обязательно,— пообещал я, не зная, что вижу его в последний раз.

Норман встретил меня сухо. Предложив сесть, он некоторое время копался в бумагах на своем столе, потом поднял на меня глаза:

— Вы хотите попросить отпуск?

— Нет, я пришел по другому поводу.

— Слушаю вас.

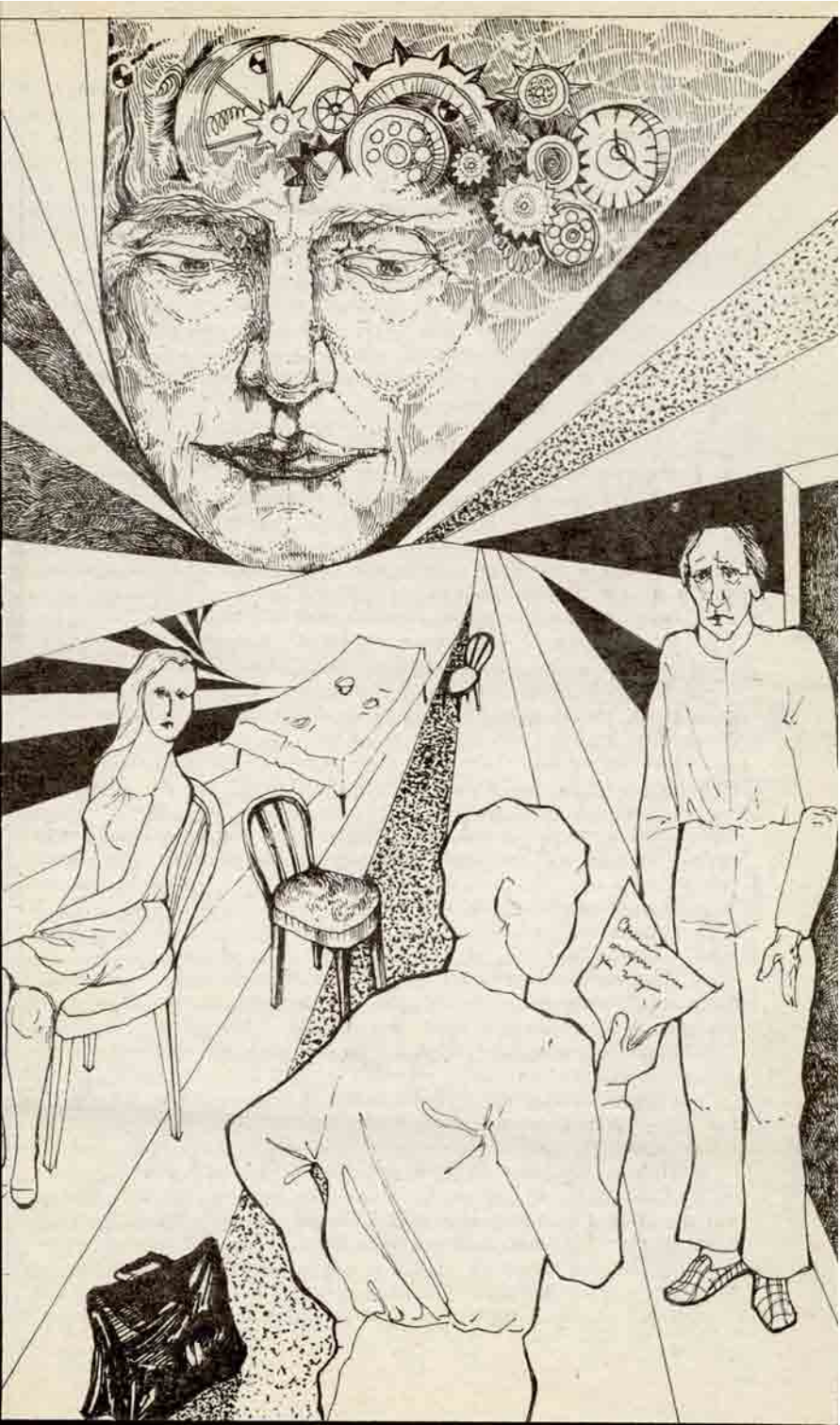
— Для начала хотелось бы узнать, интересуется ли наша фирма дальнейшей судьбой роботов, вышедших за заводские ворота?

Норман перестал копошиться в бумагах и с интересом посмотрел на меня.

— Может быть, у хозяев возникают проблемы с нашей продукцией? — продолжал я.— Как ведут себя роботы? Нормально ли функционируют их блоки управления? Ну и так далее.

→ Почему вас это интересует? Что-нибудь произошло?

— Я совершенно случайно узнал, что роботы «шестой серии» уходят от своих хозяев. И никто не может сказать, где они и чем занимаются. Недавно мой товарищ стал свидетелем несчастного случая. Погиб шофер автобуса, и вдруг выяснилось, что это не человек, а робот. Возможно, роботы уже достаточно основательно внедрились в человеческое общество. И ведут себя, как люди.

— Я не вижу в этом ничего плохого,— признался Норман.— Нет, то, что роботы уходят от своих хозяев, конечно, плохо. Но то, что они ведут себя, как люди,— это не криминал.

— Робот роботу рознь,— не согласился я.— От моего соседа ушел робот и где-то пропал три месяца. Вчера он появился, но лишь для того, чтобы подбросить записку с угрозами. А сегодня ночью мой сосед исчез.

Норман поморщился:

— Да, некрасивая история. Что вы предлагаете?

— Насколько мне известно, фирма ведет учет адресов покупателей наших роботов. Необходимо воспользоваться электронной картотекой и выяснить, сколько роботов покинуло своих хозяев. Если число окажется достаточно большим, надо предпринять какие-то меры. Боюсь, что дело зашло слишком далеко.

— Вы считаете, что роботы представляют серьезную опасность?

— Уверен в этом.

— Ну что ж, я сегодня же доведу информацию до Совета директоров фирмы.

Ого! Значит, дело действительно серьезное, раз Норман собирается докладывать об этом лично директорам, слишком занятым людям, чтобы осмелиться тревожить их по пустякам.

— Вы свободны,— завершил беседу Норман.— Идите работайте.

Я поднялся и пошел к дверям.

— Кстати,— остановил меня Норман.— Как фамилия вашего приятеля, который видел погибшего шофера-робота?

— Мэтью,— сказал я.— Фил Мэтью.

Клинику Айкрофта я нашел быстро. Мэтью не обманул: забор действительно производил внушительное впечатление. Впрочем, территория, которую он огораживал, была небольшой, и я удивился, как могут располагаться здесь клиника и многочисленные службы. В массивных металлических воротах я увидел небольшое окошко. Оно было закрыто. Я постучал, но никто не отозвался. Стояла полная тишина. Я постучал еще раз, и окошко моментально распахнулось, словно человек за воротами подждал меня.

— Чего надо?

— Здесь лежит мой отец. Я хочу его видеть.

— Отец? — удивился охранник.— Фамилия?

— Морель.

Он неожиданно захлопнул окошко, и я услышал удаляющиеся от ворот шаги.

— Эй! — Я заколотил кулаками в ворота.— Подождите!

Но никто не отозвался. Я стучал еще минут пять, и, когда совсем отчаялся, окошко распахнулось так же внезапно, как и закрылось. Вместо охранника я увидел немолодого человека с умными внимательными глазами.

— Господин Морель? — спросил человек, изучающе глядя на меня.

— Да, моя фамилия Морель. А вы кто?

— Моя фамилия Айкрофт. Доктор Айкрофт.
— Вот вы-то мне и нужны,— обрадовался я.— Вчера ночью к вам доставили моего отца.

— Кого-кого? — переспросил Айкрофт.— Отца?

— Да.

— Значит, господин Морель — ваш отец?

Я кивнул.

— Зачем вы лжете, молодой человек!

— Я не лгу.

— Видите ли.— Айкрофт смотрел на меня по-отечески тепло.— У господина Мореля нет сына. У него есть дочь, но она, насколько мне известно, не поддерживает с отцом никаких отношений.

— Могу я хоть узнать, что с ним?

— С ним все в порядке. Он чувствует себя хорошо.

— Я хочу видеть его.

— Это невозможно. Даже родственникам не всегда дается разрешение на свидание.

— Вы не имеете права...

— Имеем,— перебил меня Айкрофт.— Вот так-то, молодой человек.

Окошко захлопнулось. Я стоял перед запертыми воротами, и вдруг за моей спиной раздался тихий голос:

— Они никого туда не пускают.

Обернувшись, я увидел молодого парня.

— Я живу здесь недалеко и часто вижу подобные сцены,— продолжал он.— В клинике очень строгие порядки. У вас тут кто-то из родственников?

Я кивнул.

— Сюда привозят много людей. Человек двадцать в сутки, не меньше.

— Сколько? — недоверчиво переспросил я.

— Двадцать, а иногда и больше. Я живу здесь напротив и все вижу.

— И давно клиника функционирует?

— Если не ошибаюсь, года три.

— И все три года сюда ежедневно поступает по двадцать человек?

— С самого первого дня.

— Бред какой-то! Получается, что за это время сюда поступило двадцать тысяч человек.

Парень кивнул.

— Да, где-то так.

— Но ведь этого не может быть! — воскликнул я.— На этом пятачке не могут разместиться двадцать тысяч человек! Может, больных быстро выписывают?

— Я не видел, чтобы кто-нибудь покидал стены клиники.— Парень покачал головой.— Эй, осторожнее!

Я едва успел отскочить в сторону. К воротам подкатил белый автофургон с надписью: «Специализированная медицинская помощь». В окне фургона мелькнуло лицо, показан-

пеется мне знакомым. Но в следующее мгновение ворота распахнулись, и фургон стремительно вкатился на территорию клиники.

Дома Линда протянула мне записку от Мэтью.

— Он ждал тебя довольно долго, — сказала она. — Ушел часа полтора назад.

Мэтью писал:

«Крис! Я узнал еще кое-что, связанное с клиникой доктора Айкрофта. Она существует уже три с половиной года, и за это время отсюда не выписали ни одного пациента. Никто не видел людей, попавших на излечение. Пишу это для того, чтобы ты знал о происходящем и ни при каких условиях не соглашался на госпитализацию. Раз уж они взялись за тебя (я имею в виду Нормана), то постараются упрятать, как и других наших ребят. И еще, Крис. Если со мной что-нибудь случится, разыщи профессора Донована. Он работал в нашем секторе, но был уволен два года назад. У него есть какие-то разработки. Будь осторожен, Крис. Кольцо сжимается — я чувствую это. Мэтью».

— Он ничего не просил передать на словах? — спросил я.

Линда покачала головой:

— Нет, только оставил записку. Мне показалось, что он сильно нервничал. — Она подошла и прижалась ко мне. — Крис, милый, я боюсь.

— Успокойся, я же с тобой.

Я тоже боялся. Но не мог сказать ей об этом.

Ночью мне приснился Норман. Он как-то гадко ухмылялся и таращил на меня свои белесые глаза.

— Вы просили узнать, не убежал ли кто из роботов от своих хозяев. Мы получили список сбежавших роботов. Но там только одно имя — ваше!

Он расхохотался прямо мне в лицо, брызгая слюной.

Я просыпался, чувствуя, как холодный пот струями стекает по моему телу, но стоило ненадолго забыться, как вновь передо мной вставало гримасничающее лицо Нормана.

К утру я был совершенно разбит.

— Как ты себя чувствуешь? — В голосе Линды звучала тревога.

— Нормально, — солгал я.

— Крис, я хотела поговорить с тобой. — Она села рядом. — Давай уедем отсюда. Все бросим и уедем. Туда, где нас никто не знает. Начнем все сначала. Все образуется, вот увидишь.

— Все и так образуется. Руки у них короткие. Давай-ка лучше позавтракаем.

Линда загремела тарелками, и я увидел, как вздрагивают ее плечи.

— Линда! — позвал я. — Посмотри-ка на меня.

Она обернулась.

— Я боюсь за тебя, Крис. Я чувствую, как к нам подкрадывается беда.

Дым я увидел сразу, как только вышел из автобуса. Он поднимался из-за забора, опоясывающего завод.

— Хорошо горит,— сказал какой-то парень, задрав голову кверху.

— А что горит-то? — поинтересовался я.

— Кто его знает.— Парень пожал плечами.— Уже три часа не могут потушить.

Я прошел через турникет и оказался на территории завода. Несколько человек стояли у ворот и смотрели на пожар.

— Отдел сбыта горит,— говорил один из них.— Еще ночью вспыхнул, а до сих пор потушить не могут.

«Странно,— подумал я.— Что там может так полыхать?»

Я почти дошел до своей комнаты, когда меня осенило. Отдел сбыта! Там же находится электронная картотека с адресами покупателей наших роботов! Я помчался к Норману.

— Мистер Норман! Отдел сбыта горит!

— Знаю,— произнес он спокойно.— Пожарные ничего не могут сделать.

— А электронная картотека? Она цела?

— Все сгорело. Абсолютно все.

— Как же так? — пробормотал я.— Что же теперь делать? Вы доложили Совету директоров?

— Естественно. Они обещали принять меры.

— Все пропало! Какой нелепый случай!

— Не стоит так переживать. Вам надо отдохнуть.

— Нет! Никуда не пойду! Не надо мне вашего отдыха! — выкрикнул я и выбежал из кабинета.

Теперь надо разыскать Мэтью. Только он мог мне помочь.

Стол Мэтью был пуст. Не веря своим глазам, я обвел взглядом комнату.

— Где Мэтью?

Один из присутствующих поднял голову.

— Его нет,— сказал он.— И в ближайшее время не будет.

— Что с ним?

— Он заболел.

— Когда?

— Нам сообщили, что вчера вечером ему стало плохо. Он в больнице.

— В какой? — спросил я, хотя ответ знал наперед.

— Кажется, в клинике доктора Айкрофта.

Я понял, почему лицо человека, мелькнувшее вчера в окне медицинского фургона, показалось мне знакомым. Это был Мэтью.

Надо срочно разыскать Донована. Времени оставалось очень мало.

Адрес Донована мне дали в справочной. Профессор жил на окраине, и я потратил довольно много времени, прежде чем отыскал его дом. Донован оказался седеньким сухоньким старичком с непослушным клоком волос на затылке. Даже не спросив, кто я и что мне нужно, он пригласил меня в дом и провел в небольшой кабинет, опоясанный стеллажами книг. Предложив кресло, он сел на диван и с интересом посмотрел на меня.

— Я работаю на заводе по производству роботов.

— Знаю,— перебил меня Донован.— У меня хорошая память на лица. Вы несколько раз попадались мне на территории завода. Что привело вас ко мне?

— Роботы.

— Роботы? — Он вскинул брови.

— События последних дней привели меня к мысли, что производимые нами роботы постепенно выходят из-под влияния людей. Они уходят от своих хозяев и начинают самостоятельную жизнь, растворяясь в людской массе. Похоже, некоторые из них настроены агрессивно по отношению к людям. Кто знает, что произойдет, когда популяция «свободных» роботов достигнет большой величины, то есть возникнет своеобразная критическая масса. Думаю, последствия могут быть самые непредсказуемые.

— Что же вы предлагаете?

— Вчера я обратился к своему начальнику с предложением взять под контроль роботов, ушедших от своих хозяев. Это можно было сделать с помощью электронной картотеки адресов наших покупателей. Но сегодня ночью сгорел отдел сбыта, а вместе с ним и картотека.

— Вчера вы подняли вопрос об этом, а сегодня картотека сгорела?

— Это могло быть и простым совпадением,— пожал я плечами.— Дело в другом. Теперь практически невозможно установить адреса людей, от которых ушли роботы. Вчера мой товарищ написал мне, что только вы можете помочь.

Я вытаскил из кармана сложенный вдвое листок и протянул его профессору.

— Узнаю почерк Мэтью,— сказал Донован.— Хороший парень, он работал в моем секторе.

Пробежав записку глазами, Донован нахмурился:

— Мэтью пишет: обратись к профессору Доновану, если мной что-либо произойдет. С ним что-то стряслось?

Я кивнул:

— Его положили в больницу.

— Почему?

— Не знаю. И никто не знает. За этот год туда упекли двенадцать человек из нашего отдела, не считая Мэтью, а почему — неизвестно.

— Что это за клиника, из которой никого не выписывают?

Я пожал плечами и спросил:

— Вы можете мне помочь?

Он посмотрел на меня, потом негромко произнес:

— Вы хотите заполучить способ распознавать роботов среди людей? Что ж, я знаю такой способ. За это меня и уволили два года назад. Я совершенно случайно столкнулся с наличием некоторых особенностей блоков управления роботов «шестой серии». При воздействии на эти блоки излучателей определенной частоты они выходят из строя. После облучения робот еще секунд тридцать совершает какие-то бессмысленные, хаотичные движения, после чего погибает. Я обратился к Норману. Он

внимательно выслушал меня, поблагодарил, а через неделю я был уволен.

— Из-за разговора с Норманом?

— Нет, из-за моего открытия.

— Но почему им не понравилось ваше открытие?

— Не знаю, — признался Донован. — Возможно, руководство боялось за репутацию фирмы, ведь я обнаружил серьезный дефект в конструкции робота.

Он подошел к полке и взял в руки небольшую коробочку, легко умещающуюся на ладони.

— Вот она, гроза роботов. Уже после увольнения я сделал опытный экземпляр.

— Вы его испытывали?

Донован улыбнулся:

— Чтобы испытать этот прибор, надо как минимум иметь робота. А у меня его никогда не было.

— Неужели эта штука может вывести робота из строя?

— Достаточно нажать кнопку, и прибор посылает во все стороны импульс определенной частоты. Радиус действия — пятнадцать метров. Возможно, и больше, но уже без гарантии. Я дарю его вам. Мне кажется, ваша обеспокоенность в связи с вторжением роботов в нашу жизнь имеет под собой основания. Желаю удачи.

— Спасибо, профессор.

Я распрощался с ним и вышел на улицу. Коробочка приятно отягивала мой карман. У ворот я вдруг вспомнил, что оставил у Донована письмо Мэтью. Я развернулся и пошел обратно к дому профессора. Еще в передней я услышал странный хлопок в кабинете. Ворвавшись туда, я увидел лежащего на полу Донована. В его затылке зияло пулевое отверстие. Пол был заляпан красно-серыми брызгами. Я подбежал к распахнутому окну. Через забор перелез какой-то парень. На мгновение он обернулся, и наши взгляды встретились. Затем он исчез за забором. Но парень опоздал на каких-то пять минут. Донован успел мне все рассказать...

Пожар уже почти потушили. Над зданием отдела сбыта поднимался реденький дымок. Я направился к Норману.

— Почему вас нет на рабочем месте? — спросил он раздраженно.

— Я был у Донована.

— У какого Донована?

— У профессора Донована, который раньше работал у нас. Он дал мне прибор, с помощью которого мы сможем распознавать роботов. Вот, смотрите. — Я достал коробочку из кармана. — Достаточно нажать эту кнопку, и в радиусе пятнадцати метров все роботы выйдут из строя.

Я нажал кнопку. Норман, не отрывая взгляда от прибора, приподнялся в кресле, почесал себя за ухом, потом опять сел.

— АКЫЧ... О... ХИМАРА... ЧЕ... СЕМЬ... СЕМЬ... СЕМЬ...

Я с ужасом смотрел на него. Его взгляд постепенно тускнел, и вскоре Норман рухнул на пол, опрокинув кресло. Это был не

человек! Не человек!!! Я попятился к двери и выскочил в коридор. Там было пусто и тихо. Хорошо, что меня никто не видел. Удар надо нанести быстро и неожиданно. Первым делом — к директорам. Я вбежал в приемную и выпалил:

— Мне нужен кто-нибудь из директоров.

— У них сейчас совещание. — Секретарша внимательно смотрела на меня. — Зайдите позже.

— Не могу, мне надо сейчас.

— Стойте! — Она выскочила из-за стола, но было уже поздно.

Я ворвался в зал заседаний. Сидевшие за большим круглым столом пять директоров одновременно повернулись в мою сторону.

— Что случилось? — недовольно спросил один из них. — Почему вы ворвались сюда?

— Сейчас объясню. — Я перевел дух. — Роботы, выпущенные на нашем заводе, пытаются ассимилироваться в человеческое общество. Я подозреваю, что имеет место заговор роботов против людей.

— Ну, вы скажете, — поморщился один из директоров. — Роботы безобидны.

— Как бы не так! — выпалил я. — Совершенно случайно я узнал, что начальник нашего отдела Норман — не человек, а робот! Робот «шестой серии». И все его поступки за последнее время показывают, что он целенаправленно действовал против людей.

— Норман — робот? Этого не может быть.

— Может, и еще как! Мне в руки попал прибор, выводящий роботов «шестой серии» из строя. — Я достал коробочку из кармана. — Что вы думаете? Норман погиб. Вернее, не Норман, а робот.

— Это все очень смахивает на бред.

— Бред?! — взвился я. — Вы представить себе не можете, насколько далеко зашло проникновение роботов в нашу жизнь! У вас, может быть, и секретарша не человек, а робот. Хотите проверить?

Я повернулся к секретарше и нажал кнопку. Честное слово, я сделал это не всерьез! Но она вдруг высоко запрокинула голову и дико захохотала. Движения ее становились все хаотичнее, наконец она упала на пол, судорожно подергивая ногами.

Растерянный, я повернулся к столу и обмелел. Пять директоров лежали вповалку на столе в самых нелепых позах. Один из них, падая, наткнулся на металлическую ручку, стоящую в подставке, и теперь по столу растекалась зеленая желеобразная жидкость. Я попятился к двери и опрометью выбежал вон.

Линда, к счастью, была дома. Она испуганно посмотрела на меня.

— Крис! Что случилось?

— Ничего. Живо собирайся!

— Почему?

— Ты была права. Нам надо уехать отсюда далеко, где нас никто не знает.

— Что случилось, Крис? К тебе приходили какие-то люди, они искали тебя.

— А-а, черт! — в сердцах воскликнул я. — Они могут нас перехватить. Собирайся быстрее!

— Знаешь, Крис, — Линда подошла ко мне и прижалась как-то по-кошачьи. — Мы уедем отсюда, и все у нас будет хорошо. Ведь правда?

— Конечно. Иначе и быть не может.

— Я знаю, почему ты так тревожишься. Из-за роботов. Верно? А когда мы уедем отсюда, ты перестанешь волноваться.

Я достал коробочку и положил ее на стол. Кнопку надо придавить книгой, тогда прибор будет работать постоянно, и ни один робот не сможет войти в комнату.

Я выбрал книгу потолще и положил ее на кнопку.

— Крис... Крис... Крис... Крис...

Я с ужасом смотрел в стекленеющие глаза Линды.

И вдруг страшная догадка пронзила мой мозг. С воплем отчаяния я бросился к прибору и сбросил с него книгу. Но было уже поздно.

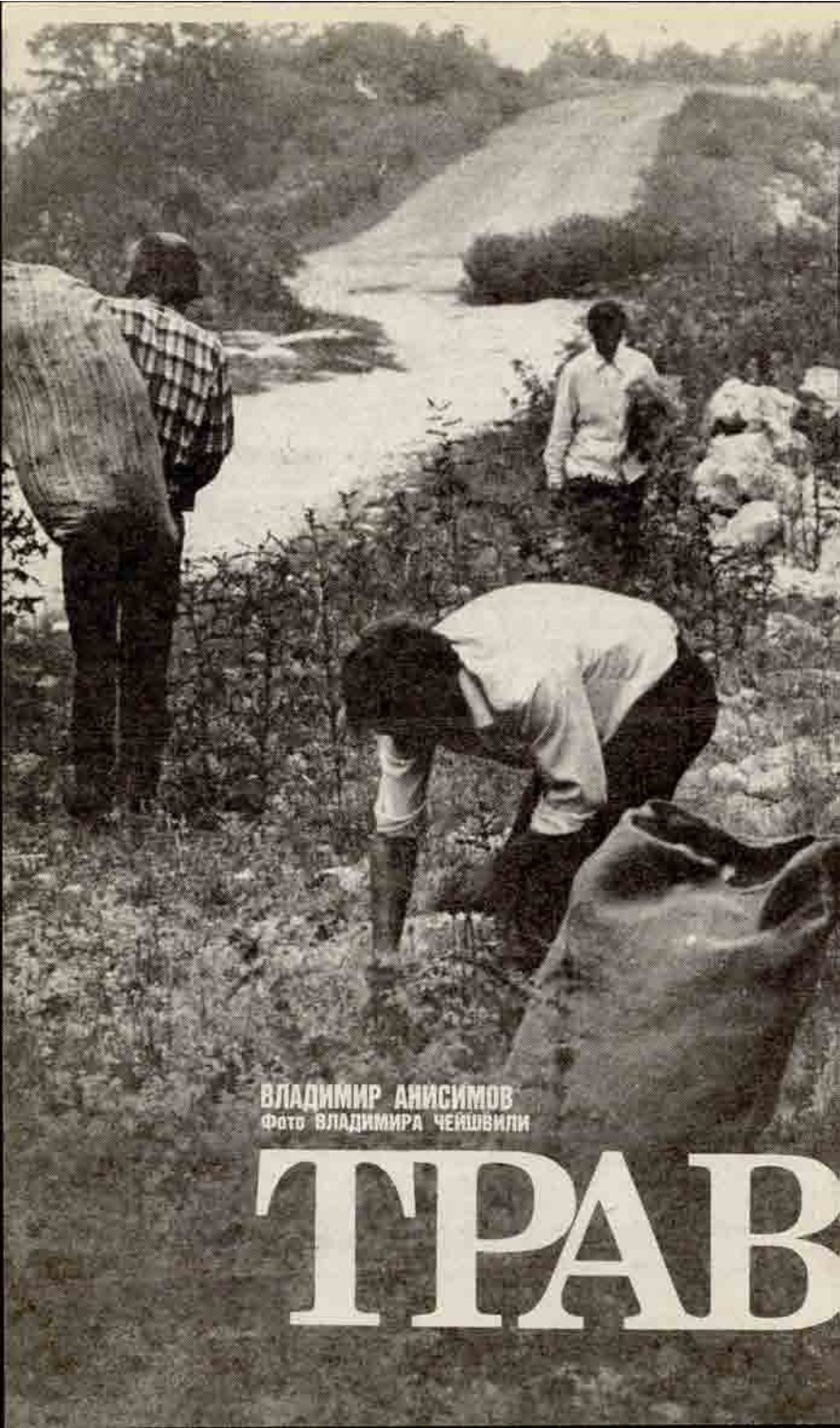
— Крис, — прошептала Линда. — Любимый... За что?..

Я опустился с ней на пол и зарыдал. Она была права, маленькая Линда. Надо было уехать отсюда далеко-далеко, где мы могли бы спокойно жить и любить друг друга.

Какой-то шум послышался за дверью, но я не успел встать. Дверь распахнулась, и несколько роботов, вбежав в комнату, навалились на меня...

Как ни странно, именно с последним человеком оказалось больше всего возни. Он даже убил несколько наших с помощью какого-то прибора. Но в конце концов мы и с ним справились. Уникальный экземпляр, вы можете посмотреть на него в музее. Его чучело выставлено в витрине, и его не отличишь от живого. Доктор Айкрофт потрудился на славу — у него всегда получались неплохие чучела людей.

На Земле теперь полный порядок. Ведь идеальный порядок может быть только там, где руководит Безусловный Рациональный Разум. А без людей нам живется как-то спокойнее. Правда, недавно в укромных местах были обнаружены возделанные кем-то участки земли с неснятым урожаем. Это указывает на то, что, по всей вероятности, осталось еще несколько человеческих особей. Они где-то среди нас, ходят, общаются с нами и холодеют от ужаса при мысли о возможном разоблачении. Наверное, молят о спасении. Но мы их найдем обязательно.

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ
Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

ТРАВ

НИЖИ

аторжная работа — собирать цветочки.

В моем представлении сбор лечебных трав ассоциировался с развлечением: гуляешь себе по лесам-полям-лугам, составляешь букетики. Весь день на свежем воздухе — приятно и для здоровья полезно.

Я продержался полтора часа...

Вначале мы долго ехали по дорогам Адыгеи, в сторону предгорий Северного Кавказа, потом свернули на проселок, в луга. Наконец Зубарев увидел то, что нужно, и остановил «Ниву».

— Вот это растение, — показал он на высокий стебель с темно-малиновым цветком, — называется буквица. Рвать его нельзя, надо срезать каждый стебелек.

Все разобрали серпы, взял и я. Разделся было, по примеру остальных, до пояса, но через несколько минут побежал к машине за рубашкой — хоть какая-то защита от оводов...

На втором часу работы, обливаясь потом в три ручья, кланяясь за каждой травинкой, отбиваясь от оводов, я стал с тревогой подумывать о своем ближайшем будущем. Хоть бы облачко какое... Но небо было безнадежно ясным, а солнце палило все злее.

Выручил Зубарев. Заметив, видимо, мой предобморочный вид, почти в приказном тоне скомандовал:

— Вот что, Володя, отправляйтесь в тень. Нет-нет, не надо храбриться. Опасно не только солнце. Вы ведь дышите испарениями трав. С непривычки это может плохо кончиться, как врач вам говорю.

И я с облегчением ползл к соседний холм, под ближайшее дерево. Часа через два они приехали ко мне, под развесистую дикую грушу, пообедать.

Они — это сборщики трав во главе с заведующим лечебным центром «Травы Кавказа» 42-летним Александром Зубаревым. Независимо от должностей во время сезона все заняты самым главным — сбором трав. А сезон — с февраля по ноябрь... И даже зимой особой передышки нет: лазают по деревьям, собирая омелу — растение-паразит с красивым названием и целебными свойствами.

Расстелили под деревом широкий полог, разложили всевозможную снедь.

— Я ж говорил — не надо было вам ехать, — слегка улыбаясь, сказал Зубарев.

— Да нет, Александр, очень хорошо, что я с вами поехал. Буду теперь знать... Но как же выдерживать такой режим без отдыха?

— Отпусков у нас не может быть! Постоянно поспевают все новые травы, и мы должны готовить их впрок. Всех поступающих на работу я предупреждаю об этом. И еще нам надо опередить колхозы, пока они не вывели на луга сенокосилки. Скашивают травы, когда те еще не успели сбросить семена, — и всё, эти растения на следующий год исчезают. Мы потеряли в этом году сорок видов трав!

Не особо расслаживаясь, пообедали, запили колодезной водичкой — и снова отправились в луга. Работали бы до темноты, но часов в шесть надвигающаяся гроза заставила тронуться в обратный путь: по мокрой густой траве мы просто не выехали бы. Но все же Зубарев был доволен: загрузили буквицей полный прицеп, теперь этой травы ему на год хватит. А случается, если какая-то трава растет поблизости от лечебницы, успевают в день по 2—3 раза обернуться.

— Смешно иногда читать в прессе, — говорил на обратном

пути Александр,— о какой-нибудь деревенской бабушке, которая ходит с котомкой, собирает травку и якобы лечит ею тысячи людей. Для этого ей с самосвалом ходить нужно! Был я у одной такой бабушки — к ней со всей страны ездят — поговорил с больными. Так она всем один диагноз ставит: «Спазм головы». Не очень верю я и в рассказы про то, будто за день можно с помощью мануальной терапии вылечить полтысячи человек...

Зубарева учил разбираться в травах дед; и прабабка его была травницей. Александр — травник в пятом поколении... (Судя по всему, будет и шестое: девятилетний сын Димка третье лето выезжает с отцом на сбор трав.)

— У нас в стране,— говорит Зубарев,— много всевозможных фитокабинетов, фитоцентров. Но врач, прошедший тридцатидневную специализацию, еще не «созрел» для траволечения, а травы, которыми он пользуется, как минимум «перезрели». Да и кто те травы собирает? Школьник, который скажи: не соберешь энное количество — не будет отметки по природоведению. Он собирает где попало, на обочинах дорог, в пыли... Причем собирает **со злостью**, а это недопустимо ни при каком случае. Собирать надо с радостью в сердце, с чистой душой — я убежден, что мое эмоциональное состояние передается через траву больному. Есть еще заготовители от райпотребсоюза. Они никогда не будут, как мы, срезать по травинке. Косами косят! Понятно, в их травах больше мусора, чем лекарства.

Словом, нужно было создавать собственную лечебницу. Года четыре назад Зубарев и его единомышленники — Николай Белкин, Георгий Жангаров — рассказали о своей идее председателю колхо-

за имени Чапаева (ныне — агрофирма «Адыгея») В. И. Кулакову. И... после первого же обстоятельного разговора получили в свое распоряжение три заброшенных строения и деньги на ремонт.

Я встретался с Виктором Ивановичем.

— Вы,— спросил его первым делом,— наверное, уже были знакомы с Зубаревым и его коллегами?

— Первый раз видел. Но он меня здорово заинтересовал. Я как-то сразу поверил, что Зубарев и его товарищи хотят сделать людям добро... Предложил им вступить в колхоз и строить наши отношения на основе хозрасчета, как со всеми другими производственными участками. Но с условием: колхозников лечить бесплатно. Так лечебный центр стал отделением колхоза, а потом и агрофирмы.

Весть о новой необычной лечебнице быстро разошлась по Краснодарскому краю, а потом — через пациентов, их родственников — и по многим другим городам. Ежедневно — десятки приезжих. А с чем они отсюда уезжают? Вот некоторые записи из книги отзывов:

Вера С.: «У сына с рождения кривошея, 4 года ездила по врачам — безрезультатно. Здесь его быстро вылечили».

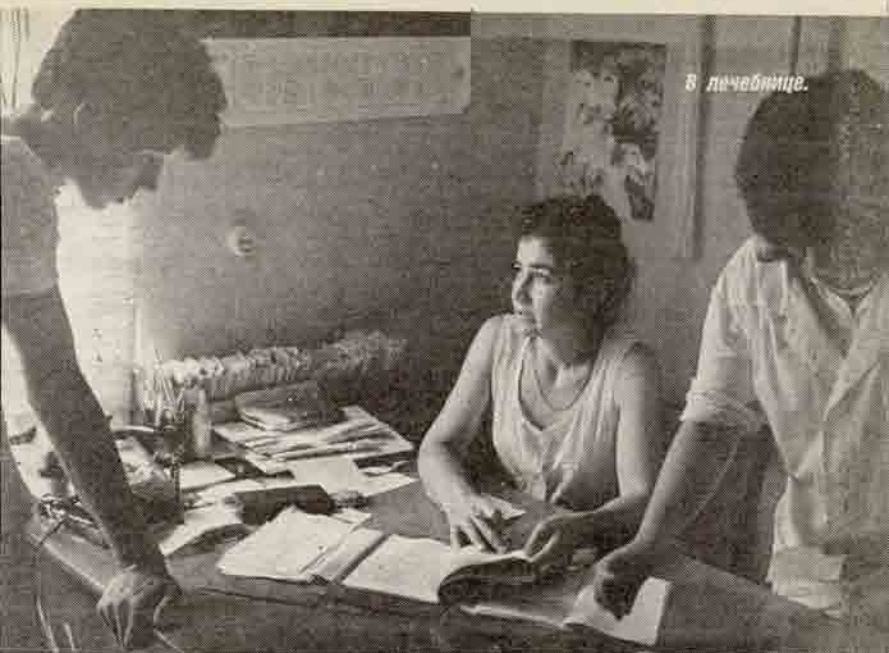
Валентина С.: «У меня был остеохондроз, опущение желудка, варикозное расширение вен. Сейчас ничего этого нет».

Иван Ф.: «30 лет из 47 болел. Лечился везде, даже в военно-медицинской академии. Направили к психиатру. Диагноз: самовнушение болезни. Здесь получил массаж позвоночника, травы. Боли в животе исчезли, вышел камень из почки. Чувствую себя здоровым».

Евгения Н.: «25 лет болела:

Тяжело собирать травы.

В лечебнице.

Немного отдохнем.

язва желудка, остеохондроз, колит. Теперь здорова».

Антонина Л.: «Лечили меня всего 2 недели, теперь хожу без костылей».

Зинаида К.: «17 лет болела бронхиальной астмой... До сих пор не могу поверить, что ежедневно не колюсь и не дышу аэрозольями».

Первым делом пациент попадает к Аминат Алиевой. Она и администратор, и заведующая регистратурой. Здесь нет окошечек-амбразур, как в обычной поликлинике. Анимат предложит присесть, выслушает, посоветует, объяснит.

Следующий визит, как правило, к фитотерапевту Николаю Белкину — блестящему диагносту, по отзыву коллег.

— У нас методика диагностики и лечения уникальная. Она впитала и научные данные, и старинные способы. Мы считаем, что одним из основных органов, отвечающих за работу всего организма, является позвоночник. Его можно сравнить с проводником энергии от мозга к печени, желудку, почкам и так далее. По позвонку мы определяем патологические нарушения. Например, недавно привезли женщину из Краснодара — у нее в области паха была опухоль размером с гусиное яйцо. Причиной оказалось нарушение в позвоночнике, которое мы и устранили. Мышечный спазм прекратился, и через двадцать минут опухоль исчезла. А ведь женщине предлагали лечь на операционный стол...

Белкин занимается траволечением давно, он и сыновей своих вылечил от желтухи настоями.

Георгий Жангаров — специалист по мануальной терапии. Считает, что в большинстве случаев хирургическое вмешательство не нужно:

— Многие патологии происходят от смещения, неправильного

расположения органов в брюшной полости. Мы можем без всякой операции, руками, поставить их на место.

Я видел однажды, как из его кабинета на руках вынесли парня.

— Что с ним, Георгий Александрович?

— Лечится у нас после операции на позвоночнике.

— Пойдет сам?

— Надежда слабая...

Недавно открыли в лечебнице кабинет иглорефлексотерапии, заведует им Виктор Трапезов. Разумеется, и он прошел специальную подготовку по траволечению.

Сейчас ищут психотерапевта. Он очень нужен больным — кому на начальной, кому на завершающей стадии лечения. Очень часто человек не может преодолеть своеобразный психологический барьер — поверить, что он выздоровел. Вот тут-то и нужна помощь психотерапевта.

Аптекой лечебного центра заведует Светлана Ушиева. Четыре года специализации в «Травах Кавказа» сделали из обычного фармацевта первоклассного специалиста, умеющего безошибочно различать сотни трав даже по запаху.

В аптеке хранятся около трехсот видов трав, разрешенных Фармкомитетом (а всего здешние врачи знают примерно три тысячи). Каждому пациенту по рецепту готовится индивидуальный сбор трав — обычно он состоит из 10—15 видов. Помогает Светлане две сотрудницы. Они отмеряют, взвешивают, упаковывают в фирменный пакет, пишут на нем способ приготовления — да еще устно повторяют, как заваривать настой.

— На слуху у всех, — говорил Зубарев, — одни и те же травы: зверобой, душица, ромашка, мать-и-мачеха... А я считаю, облегчить ими серьезные заболевания невоз-

можно. Врачи прописывают их потому, что вреда, во всяком случае, они не принесут. В то же время есть тысячи никому не известных лечебных трав. Вот, знаете, такая интереснейшая трава — сухопарник. Ее можно определить только в воде: срезать и бросить в речку. Если это сухопарник — он пойдет против течения и, дойдя до мели, воткнется в дно. Есть травы, которые можно собирать один час в году — после захода солнца в первый день новолуния. Это любка, дремлик альпийский, ластовень сколопендровый... Мы подобрали сбор трав, помогающих организму в борьбе с вирусными заболеваниями. К примеру, грипп вылечивается за день. Но травы, входящие в этот сбор, встречаются редко и в малом количестве.

— А разве нельзя выращивать травы на плантациях?

— Не будет того лечебного действия. Нет, трава должна выжить в естественных, не тепличных условиях, тогда она нам поможет.

Лечиться здесь трудно. Мы ведь, кто хвор, как рассчитываем? Придем к целителю, он нам даст что-нибудь чудодейственное — и все в порядке.

При мне Зубарев довольно сурово наставлял пациента:

— Вы сами растранижили свое здоровье! И теперь обязаны его заработать. Мы не можем дать вам здоровье — мы можем только помочь вам. Поймите, лечит не врач — лечит организм. А мы должны ему вместе создать условия — подобрать траву, диету, медикаменты. В этом суть лечения.

Каждому больному предписывается особая диета. И если я, допустим, к очередному приезду в лечебный центр не сбросил ни килограмма лишнего веса — меня могут не принять. Вернут деньги за первый прием и отправят назад.

Потому что не выполнял назначений врача. Жестоко? Но без моего активного участия в лечении врач бессилён, зачем ему заниматься безнадежным делом, портить репутацию своего заведения? Нет, если я хочу здравоохранения с «комфортом» — вот районная поликлиника...

Иной пациент, которому иглоками, массажем позвоночника или травами сняли боль, на радостях забывает обо всем — режиме, процедурах, диете. Но это ведь не излечение — всего лишь скорая помощь в критической ситуации. «У нас есть такие травы, — говорили мне врачи, — мы можем снять все боли. Ну и что? Мы не лечим боль — мы устраняем ее причину. Боль же — великий дар Бога! Иногда мы мечтаем, чтобы у пациента начались боли — это сигнал начала регенерации больных органов. Мы предупреждаем: когда станете поправляться, у вас должны начаться боли, причем в самых неожиданных местах. Это нормально — в организме идет борьба, добро вытесняет зло. Почему мы так строго требуем соблюдения диеты? Мы почти не пользуемся общепринятыми травами — зверобоем, ромашкой и тому подобными. У нас каждый грамм травы в сборе имеет четкое, целенаправленное действие. Если ты съел жареного и запил травяным настоем — могут быть непредсказуемые последствия.

Это **не те** травы, это медикаменты серьезные. Вы обязаны уважать самого себя, то тело, в котором находитесь».

Словом, нужно иметь большую силу воли, чтобы лечиться здесь. Скажем, курс лечения от аллергии, астмы — 3 месяца. За это время нужно 6 — 7 раз побывать в лечебнице, потом еще два месяца пунктуально пить травы и весь год сидеть на диете.

Зубарев и его коллеги не фанатики в том узком смысле, что, кроме травы, вообще ничего не признают. Как видите, тут комплексный подход: фито-, игло-, психо- и мануальная терапия, тибетский массаж, диетология. Не отвергают и современную фармакологию: например, признают, что воспаление легких травами не вылечишь, нужны антибиотики. Список недугов, с которыми здесь успешно справляются, слишком длинен. Поэтому я лучше перечислю болезни, за которые здесь пока не берутся: психические, онкологические и инфекционные.

Условия приема приемлемые: обследование, диагностика и назначение лечения — 10 рублей. Курс траволечения до 20 дней — 15 рублей.

Не скрою: в Лабинске я слышал и скептические разговоры о лечебнице — мол, один знакомый ходил туда, но безрезультатно. До-

пускаю: Зубарев и его товарищи — не боги. Во-вторых, не мешал ли тот знакомый травяного настоя с иными настойками?..

...Я очень боюсь, что, прочитав этот очерк, тысячи страждущих со всего Союза без предупреждения ринутся в село Вольное. Там и жить-то негде, да и наплыв больных уже теперь велик: в выходные дни бывает больше сотни человек. Врачи работают до позднего вечера... Так что сначала лучше напишите по адресу: **Адыгейская ССР, Кошехабльский район, село Вольное, агрофирма «Адыгея», лечебно-оздоровительный центр «Травы Кавказа»**. Вам ответят, пришлют памятку с условиями приема и режима жизни до приезда.

Недавно агрофирма заказала для своего отделения гостиницу на 50 мест. Но когда еще она построится? Да и невозможно лечить в одном селе больных со

Надеюсь, ты пойдешь...

всей страны. А ведь Россия богата травами, почему бы в любом городе не организовать нечто подобное?

Зубарев отнесся к моему предложению скептически:

— Пока все здравоохранение стоит на старых позициях, пока отношение медицины к траволечению не изменится — о травах, как лекарствах, можно не вспоминать. И еще одно: **кто** будет их собирать? Страшно, что почти не осталось людей, разбирающихся в травах. Я и в разных центрах фитотерапии бывал, и у бабок на базарах многих городов. Везде примерно один и тот же примитивный набор трав. Мне повезло: наша семья всю жизнь связана с двумя дедами-травниками. До этого года они работали вместе со мной. Но Трофиму Алексеичу Трофименко — больше ста лет, Антону Алексеичу Гладских — 76. Знаешь, они всегда начинали сбор травы с молитвы — это для них святое дело. Молились, чтобы Бог помог, чтобы травы исцелили. Сегодня они со мной ездить не могут — возраст, но я знаю: когда утром выезжаю в поле, они молятся за меня, благословляют...

В последний день командировки я спохватился: неплохо бы самому обследоваться, раз такая оказия. Но вот беда: благая мысль пришла в голову после плотного обеда с жареным мясом. Трудно пальпировать набитое брюхо... Успел все же записать несколько советов, могу бесплатно поделиться с читателями.

Мясо — только отварная говядина, 30 граммов в день.

Никаких мясных и рыбных бульонов, только овощные супы.

Из молочных продуктов не противопоказан обезжиренный кефир. Можно есть любые овощи, вареные грибы.

Минимум хлеба и вареной рыбы!

Следите за осанкой! Когда спина колесом — вы зажимаете все внутренние органы и тем самым ведете себя к разнообразным болезням.

Выдержите? Сам Зубарев периодически, для профилактики, сидит на такой диете. Подтянут, спортивен, работоспособен.

...После общения с травниками я перестал понимать, почему их методы относят к так называемой «нетрадиционной медицине». Вернее, раньше не обращал внимания на термины. А ведь травами лечились тысячи лет! Порошки, таблетки, ампулы появились относительно недавно. Так какая же медицина более традиционна? Нет, я вовсе не хочу противопоставлять методы врачевания. Наверное, все они нужны. Но разве обязательно в ходе медицинского прогресса забывать доброе, проверенное временем?

Выпусти большую собаку в лес, поле — она сама найдет нужную травку. Мы же, люди, растеряли и инстинкты, и знания. И при огромном естественном лекарственном богатстве (которое, кстати, не надо покупать за валюту!) в наших аптеках — силос... А перед телевизором — банка с водой, «заряжаемой» из Останкина...

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Мне тридцать четыре года. До освобождения из заключения осталось полтора года. Если бы вы знали, сколько во мне злости и ненависти ко всем, кто думает, что тюрьма исправляет. Мне кажется, если мне не встретится человек, который сможет меня понять, а таким человеком для меня может стать только женщина, я окончательно погибну. Зачем мне выходить на свободу, когда меня там никто не ждет и никому нет до меня дела... С 15 лет, как сюда попал, каждый день методично и последовательно во мне убивали самостоятельность. Каждый день мне давали понять, что я не человек. А сознание того, что ты никому не нужен, делает тебя неполноценным и требует от тебя немедленного мщения. Пройти через все и не потерять здравого смысла трудно. Хотя где-то в душе надеешься на лучшее: что, мол, не все еще потеряно, все образуются и станет на свои места.

Извините, что показываю свою слабость и изливаю свою душу, просто мне тяжело и хочется выговориться.

ВАЛЕРИЙ ДЕНИСОВ,
Салават

Читаю я ваши публикации — прямо зло берет. До чего же все горазды говорить красивые слова! Вот в недавно опубликованном письме заключенный пишет: «Я устал от этой жизни!» Господи, это надо же! А кто от него терпел притеснения, унижения — они не устали? На каждую вещь годами деньги собирай, а потом отдай за здорово живешь такому вот «уставшему от жизни». Не стесняясь, общается, что научился насилью, просит, чтобы какая-нибудь добрая душа его пожалела, а он ее потом... Люди, ну ужели вы так глупы и доверчивы? Он самый несчастный на свете! А те девочки, которых он насильничал? Они счастливы теперь? Он же им жизнь сломал! Да таких вешать надо! Я тоже была наивной дурочкой и жалела таких. Права народная мудрость: «Горбатого могила исправит». Вы бы, люди, жалели искалеченных девчонок, а не их насильников! Ведь девочки мечтали о любви, о принцах, а в результате...

ОЛЬГА,
Екатеринбург

**С народным депутатом СССР
КОНСТАНТИНОМ ЛУБЕНЧЕНКО
беседует парламентский
обозреватель «Смены» ВАЛЕРИЙ
МАЙОРОВ.**

**Первоначально беседа была
подготовлена к публикации
в начале августа, когда
отшумели летние баталии
в Верховном Совете СССР и на
финишной прямой политической
жизни маячило подписание
Союзного договора...**

Днем в воскресенье 18 августа я позвонил Лубенченко домой, чтобы уточнить детали намечающейся процедуры. Его сын Дмитрий ответил мне: отец на торжествах, посвященных Дню авиации, дома будет вечером, часов в десять. В десять вечера домашний телефон заместителя председателя Комитета Верховного Совета СССР по законодательству был заблокирован. Мне-то показалось, что это технические неполадки на линии или АТС. Но на следующее утро все стало ясно...

— Константин Дмитриевич, вспоминаю одно из ваших выступлений в июне на сессии Верховного Совета, когда премьер Павлов, не согласовав, как оказалось, вопрос с Президентом, запросил передать Кабинету министров чрезвычайные полномочия. Этот демарш был пропагандистски обеспечен закрытыми выступлениями Крючкова, Пуго, Язова, а также массовой атакой лидеров депутатской группы «Союз» против подписания Союзного договора. Тогда во многом благодаря вам, определившему ситуацию как попытку «бархатного переворота», были остужены горячие головы...

— Оглядываясь назад, могу сказать, что действительно в Вер-

ДЕПУТАТ

ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

СШАЯ «РАЗБОРКА»

ховном Совете страны обстановка тогда была как никогда подходящая для того, чтобы попытаться конституционным путем скрепить расплывающуюся тоталитарную систему.

— А если б попытка эта удалась?

— Последствия мы бы имели пострашнее, чем сейчас... Только политический слепец способен предположить, что республики, где народ сознательно выбрал путь суверенитета и независимости, можно было бы «запрячь» в старую узду.

— Выходит, путч оказался меньшим из двух зол?

— Да. Хотя, к сожалению, крови избежать не удалось... Знаете, чем больше я думаю об августовских событиях, чем больше документов, свидетельств становится известно мне, как члену парламентской комиссии по расследованию событий, все больше прихожу к убеждению, что абсолютно мирный, сугубо парламентский путь глубинной реформации государства был в практическом плане невозможен: критическая масса накапливавшегося противостояния двух мировоззренческих систем не могла разрешиться мирным способом. Адепты великодержавных концепций сталинского толка рано или поздно вывели бы танки на городские улицы, пустили в ход автоматы, саперные лопатки, газы, психотропные препараты — все, что угодно, лишь бы отстоять то, чем они не могут поступиться. И давайте на этот счет не заблуждаться: такое заложено в сознание, а может, уже и в гены немалого количества людей, населяющих шестую часть земной суши. И не только старого, но и среднего возраста, чему самый близкий пример — Жириновский. Продержись пучисты хотя бы неделю — это все проявилось бы

в полноте и повсеместно...

— Парламентской работой вы были связаны в той или иной мере со всеми, кто составил присной памяти ГКЧП. Что вы можете сказать об этих людях?

— Из восьмерки выделяется, пожалуй, Бакланов, который не высывался, как говорится, а дело умел делать. Имел авторитет в руководящей (да и не только) среде военно-промышленного комплекса, определял его вес в государственной структуре, влиял на «верхний эшелон»... Сейчас (в начале сентября.— **В. М.**) еще неизвестны многие скрытые пружины заговора, но предполагаю, что именно он в тандеме с Крючковым был своего рода стратегом и тактиком переворота. Ну, а вообще-то надо сказать, что среди заговорщиков не оказалось ни одной яркой, сильной личности, способной взвалить себе на плечи тяжкий груз государственности.

— Если б Лукьянов собрал чрезвычайную сессию не 26-го, как было объявлено в первый день переворота, а сразу же, 19-го или 20-го числа, узаконила ли бы она создание «государственного комитета» и введение чрезвычайного положения?

— Знаете, это самый «хитрый» политический момент во всей истории тех августовских дней. Многие обозреватели и политологи в своих комментариях высказали такую точку зрения, что сессия была оттянута на несколько дней для того, чтобы, собравшись, лишь проштамповать законоуложение, конституирующее новый порядок государственного правления. Предположение более чем логичное. Но... Надо хорошо знать Лукьянова. Этот человек, подобно саперу, всегда принимал крайне точные и просчитанные решения. Сколь ни наблюдал за ним, он ни разу не ошибся в личном плане,

выходя только на те решения и действия, которые оставляли ему возможность маневра, были для него беспроигрышными и, уж тем более, безопасными. Во время августовских событий бывший Председатель Верховного Совета столь же расчетливо выбрал и недельный срок для созыва сессии. Будучи опытным, цивилизованно мыслящим политиком и функционером, он в отличие от других не мог не предполагать, что переворот вызовет сильную парламентскую оппозицию, которая — назначь сессию на первые дни путча — если и не сорвет принятие нужного хунте акта, то наделает шума на весь мир. И тогда все равно его служебная карьера будет предрешена. За неделю же станет ясно, какие силы возьмут верх. И при любом раскладе будет возможность вести игру...

— Ясно, что путч родился в недрах высшего аппарата компартии. Но не уйти от вопроса: а не стал ли путч (равно как и июньская попытка конституционного переворота) возможен потому, что высший государственный орган страны был сращен с партией, которая, несмотря на все демократические декларации, уже генетически не могла избавиться от большевистских методов борьбы за власть?

— В вашем вопросе уже заложен ответ. Тот факт, что в депутатском корпусе большинство составляют коммунисты и среди них почти все высшие партийные руководители областного, республиканского и союзного уровней, уже говорит о степени сращения компартией и союзно-парламентской структур в доавгустовский период. Это констатация факта, уже как будто бы отошедшего в прошлое. Но все-таки за ним очень важно разглядеть технологию, методику функционирования

сращенных структур. Это важно как урок на будущее: нынешние функционеры дискредитировавшей себя компартии, весьма вероятно, растекутся по другим общественно-политическим формированиям, чтобы, сплотившись на другой, якобы многопартийной основе, взять реванш пусть не на идеологическом, а на хозяйственно-управленческом или каком ином фронте...

Можно сколь угодно критически оценивать деятельность ВС, но нельзя не признать очевидную объективность: за два года существования Верховный Совет утвердил новую политическую систему, создал, образно говоря, совершенно иной плацдарм власти. Согласитесь, как бы ни влиятелен был в доавгустовское время ЦК монопольно сильной и организованной партии коммунистов, имевшей мощные структуры в армии, КГБ, МВД, безраздельное, тотальное, длившееся свыше семидесяти лет политическое и экономическое господство партийной верхушки отходило в прошлое. Конечно, партия еще продолжала править, но уже не напрямую, а опосредованно, через своих представителей, выбранных (даже при всех издержках избирательной системы и злоупотреблениях!) путем, близким к истинно демократическому.

Но случилось то, чего не могло не случиться на первом этапе становления парламентаризма в нашей стране: на новом плацдарме власти многие ключевые посты заняли представители старой, партийно-бюрократической системы. Ими-то, собственно говоря, и был разработан «удобный» избирательный закон и структура Верховного Совета. Мы его привычно называем парламентом. Но, знаете, по аналогии с пресловутой социалистической демократией термин «парламент» приложим к нашему

Верховному Совету доавгустовского образца разве что тоже с поправкой «социалистический». Ведь фокус-то в том, что парламента — в истинном значении этого слова — у нас пока нет. А есть именно некий совет, которым руководит Президиум. В его руках вся технология, методика, режим работы ВС. От него зависит кадровая политика — будь-то вопросы ротации, выборы руководителей комитетов и комиссий, их состав, включение депутата в официальную делегацию, выезжающую за рубеж... Другой важный момент: фактически Президиум (а не депутаты) руководил работой аппарата Верховного Совета, а именно аппарат является главным звеном взаимодействия со службами Президента, кабинета министров, других мощных и авторитетных ведомств.

— Значит ли это, что именно аппаратчики, люди-инкогнито (не любящие — знаю по своему опыту, — чтоб о них писали, даже упоминали в публикациях), фактически определяли законотворческий процесс?

— Определял Президиум, депутатская верхушка. Аппаратчики же, а это — надо им отдать должное — умные, грамотные люди, обеспечивали исполнение того, что задумано руководством. Из их кабинетов выходили неожиданные для комитетов и постоянных комиссий ВС варианты проектов законодательных актов, там нарабатывались документы, влиявшие на ход обсуждения, вплоть до «нужных» подборок писем и откликов избирателей...

— Из кого формировался аппарат Верховного Совета? Этим людям подбирали депутаты?

— Такое было бы нереально. Ведь институт помощников депутатов, который начал складываться у нас, еще очень слаб и неква-

лифицирован в своей массе. Так что приход в Верховный Совет аппаратных работников из ЦК КПСС, других ведомств был логичен и закономерен. Вопрос в другом: чьи интересы легально или втайне от посторонних взоров они обслуживали?

— На практике получилось — консерваторов и ортодоксов, связанных с партийной верхушкой...

— Объективно — да. И это можно было разглядеть и непосредственно в законодательном процессе. Например, при разработке и обсуждении законов об органах госбезопасности, об отзыве депутатов. А мучительное, с долгими оттяжками прохождение законов о печати, о въезде и выезде и других, касающихся фундаментальных, общепринятых в мире прав человека!..

— А вы лично не испытывали некоторого разочарования?

— Однозначно не ответишь... Все подвергать сомнению, анализировать — одно из моих неукоснительных правил. Как человека, как юриста — ныне и как парламентария... Все недостатки ВС, провалы в работе, равно как и достижения, исторически объективны. Следует даже заметить, что могло бы быть и хуже. Ибо политический процесс определяется не столько экономическими, материальными реалиями, сколько интеллектуальным уровнем общества. А отодрать общественное сознание от «гулаговского» мировосприятия — самое тяжелое, наверное, что выпало на долю нашей замордованной стране. В этом плане изначально иллюзорны были надежды, что в депутатском корпусе соберутся лишь те, кто свободен от рабской психологии. Кто не соблазнится на какие-то подачки, скрытые льготы...

— Согласен с вами, Константин Дмитриевич... Поговорим теперь

вот о чем: как вы оцениваете законотворческую работу, сделанную Верховным Советом за два года? При том, что многие государственные акты, по общепризнанному мнению, не работали, а в стране шла так называемая «война законов»...

— Не считите это за некий парадокс, но юридическое качество большинства принятых законов весьма высоко. Говорю это как специалист. К этим бы законам нормальное, не раздираемое противоречиями, не распадающееся на части государство. Но реальность, увы, настолько нестабильна, переменчива и неопределенна, что любой закон как бы пытается, но не может реальность эту догнать... Отчего так происходит? Не была выстроена с самого начала, как выражаются юристы, цепочка легитимности. То есть в идеальном варианте сначала следовало бы определиться с государственным и общественно-политическим устройством обновляемого Союза, безоговорочно признав суверенитет республик и их право на самоопределение, принять новую Конституцию и лишь после этого браться за законы. Кстати, именно такой путь предлагал Сахаров, другие депутаты из межрегиональной группы. Тогда об этом большинство и слушать не хотело. Теперь же сама жизнь, проведя нас через путч, заставляет вернуться на единственно верный законотворческий путь.

— Не считаете ли вы, что в условиях полной суверенизации и независимости республик-государств все наработки Верховного Совета СССР окажутся такими музейными экспонатами, не пригодными к действию в новых политических условиях?

— Безусловно, у республик будут свои законы. Те же, что разработали мы, станут фактом исто-

рии, «отработанной деталью» эпохи. Но и в этом случае нельзя сказать, что они окажутся никому не нужными. Уверен, что многие из принятых в Кремле законов, будучи доработанными, еще послужат на пользу нового Союза независимых государств. Другие станут своего рода сравнительными эталонами для работы республиканских парламентов...

— Вы, Константин Дмитриевич, сказали о высоком качестве большинства законов. А оставшееся меньшинство?

— Сейчас нет смысла подробно останавливаться на изъянах тех или иных актов, но они, и весьма существенные, есть в законах о земле, о собственности, о кооперации, банковской деятельности, о въезде и выезде... Есть недостаток даже в таком в общем-то хорошем законе, как о печати: не предусмотрена ответственность за пропаганду национальной ненависти, унижение достоинства человека, равно как не предусмотрена ответственность и за факты давления на редакции изданий. Очень плохим считаю закон о госбезопасности, который рожден и поддержан теми, кто если не фактически, то идейно оказался сторонником путчистов...

— А как вы относитесь к закону об основах государственной молодежной политики?

— Он не соответствует моим юридическим представлениям о законе. Что он узаконивает? Хорошее отношение к молодежи? Это пустая декларация! Каждый закон должен опираться на формы юридической ответственности. А здесь лишь документ пропагандистского толка... И потом с рядом положений я принципиально не согласен: например, что молодежи необходимы особые стартовые условия для вхождения в рыночную экономику. Звучит при-

влекательно, но как на практике это осуществить? Молодежи — привилегии, а остальных — по боку?

— У меня лично сложилось впечатление, что этот закон создавался как фундамент для еще одного правительственного подразделения — комитета по делам молодежи. Показательно, что председатель парламентского комитета по делам молодежи занял и председательское кресло в однотипном управленческом ведомстве.

— ...Это примерно то же самое, как если бы комитет ВС по обороне и госбезопасности возглавлял председатель КГБ или министр обороны...

— Но надо полагать, что уже в ближайшее время, еще до того, как этот материал появится на страницах «Смены», многое изменится. Как уже изменились — решением чрезвычайного съезда народных депутатов — структура и роль Верховного Совета... Я знаю, что вы принимали участие в выработке предложений по реорганизации законодательной и исполнительной власти. В заключение, Константин Дмитриевич, скажите несколько слов об этом.

— У меня нет никаких сомнений в том, что государственные органы, построение которых предложено в Заявлении Президента и руководителей республик, наиболее оптимальны в переходный период, когда создается новое содружество наций. Замечания по некоторым частностям, а именно по Совету представителей Верховного Совета я высказал со съездовской трибуны — учитывая юридическую специфику, сейчас нет нужды их повторять. Говоря же о работе обновленного Верховного Совета в целом, подчеркну, что нынче он должен осуществлять не законодательные

функции, а функции подготовки необходимых законодательных актов для представления их на обсуждение Государственного Совета и республик. А также функции контрольные, информационные, аналитические...

Одним словом, после августовских событий страна, перейдя некий водораздел в своей истории, вступила в абсолютно новый период своего существования. Качественно новым станет и Верховный Совет.

...ПО ЧЕРНОМУ ЛАКУ

БОРИС ЗОТОВ

Лаковые промыслы возникли в Федоскине стараниями сельского купца Коробова. Было это еще в екатерининские времена, в конце позапрошлого века, когда в просторной избе мастерились незамысловатые табакерки, клеились козырьки для картузов, выполнялись заказы армейского интендантства. Да, да, колонны кутузовской пехоты, маршировавшие по Бородинскому полю, сверкали киверами федоскинского рукоделия. Эти превосходные головные уборы придавали воинам вид грозной силы, вселяли бодрость, укрепляли ратный дух.

Со временем лаковая миниатюра из Федоскина прижилась в богатых гостиных, в будуарах знатных дам. В основе миниатюры — техника классической масляной живописи. То есть последовательное нанесение на грунт множества слоев полупрозрачного масляного лака. В искусстве это называют

«лессировочным письмом». Особую роль играла основа — проваренный в льняном масле слой бумаги давал прочный и долговечный пласт. Этот материал поддается резке, шлифовке и другим видам механической обработки.

Твердая, идеально гладкая поверхность давала художникам богатейшие возможности для экспериментов. Под свою живопись мастера подкладывали бронзу, золото, другие металлы, а также перламутр. Но главное в технологии создания прелестных миниатюр — глаз, рука да колонковая кисточка.

Шкатулки из папье-маше украшались миниатюрными копиями картин больших мастеров. Делались они большей частью не по оригиналам, а по гравюрам. Это ставило перед крестьянами-художниками сложные проблемы, выходящие за круг задач обычного копииста. Да и сама технология

64

масляного лака требовала творческой переработки оригинала. Рождался особый «федоскинский» колорит, ремесло поднималось до искусства. Создавались авторские оригинальные работы: пейзажи, портреты, жанровые сценки из народной жизни, исторические композиции. Но на продажу шли копии или вещицы, украшенные лишь орнаментом по черному лаку и особой декоративной обработкой — «шотландкой», «циривкой», «берестой», «черепашкой». Возникли «кентавры» — комбинированные изделия из палье-маше и металлической проволоки или перламутра.

Федоскино гремело по всей России. Ходовые «Чаепития», «Тройки», «Пляски», «Хороводы» расхватавались, как семечки. Промысел процветал. Но постепенно вкусы и потребности покупателей менялись, спрос на лаковую миниатюру снизился, в связи с чем приходилось гнать ширпотреб по невысокой цене.

Расчетливые хозяева немедленно прикрыли фабрику, бросив мастеров на произвол жестокой коммерческой стихии. В судьбе промысла наступил драматический момент...

Художники сражались как могли — в одиночку или семейными кланами — и в 1910 году образовали артель. Менее способные готовили основу, крыли лаком, выписывали орнаменты и второстепенные детали, а мастера «с глазом» доводили изделия до кондиции. В таком виде промысел и переживал бурное десятилетие. Но старый семейный принцип передачи мастерства от отца к сыну противоречил артельному способу, при котором работа расчленялась на десятки отдельных операций, притом операций довольно тонких и деликатных. Поэтому уже при Советской власти

в Федоскине возникла фабрика со школой.

В школу брали самых способных. А лучшие из мастеров передавали им тайны художественного творчества, секреты профессионализма. Творения А. А. Кругликова, В. Т. Лаврова, И. С. Семенова остались в фабричном музее и в памяти федоскинцев, а на слуху уже появились новые имена: М. С. Чижов, И. И. Страхов, Г. К. Точенов.

Эти миниатюристы отошли от копиизма, подражательности и заимствования сюжетов. Они начали искать собственные темы, выйдя на натуру. Возник оригинальный, неповторимый сплав реализма с исключительными декоративными свойствами традиционного федоскинского стиля. Засеребрились на лирических пейзажах снега, загорелись грустные закаты, заискрилась узорчатая и нежная весенняя зелень. На «Федоскино» появилась мода, бросовые цены круто взмыли. Федоскинские нарядные миниатюры появились в музеях, в частных коллекциях.

Но проблемы у фабрики остались.

Главный художник Юрий Васильевич Гусев с горечью рассказывал о пиратских кооперативах, которые крадут сюжеты, темы, перехватывают приемы работы; о завалах пошлых подделок и халтурных имитаций федоскинской миниатюры на старом Арбате в Москве.

Предвижу возглас: это рынок, конкуренция, нормальное соперничество. Я не против честного предпринимательства и рынка, но конкурирующие стороны должны быть в равных правовых и экономических условиях. Кооперативу проще. Он свободен от пут, пользуется всем готовеньким. Кадры он тоже сманивает в готовом виде: «кладёт» полторы-две тысячи, и не всякий устоит. К тому же для

В. Кругликов. Летняя тройка.

М. Пашинин. Поднос «Хоровод».

С. Рогатов. Лошади на водопое.

В. Саввин. Загорская Лавра.

И. Камбарова. Дюймовочка.

На этюдах...

Цех лакировки. 50-е годы.

*М. Фонарева, Н. Марчуков.
Без названия.*

Е. Дулепина. Муха-Цокотуха.

П. Пучков. Вид на Покровский монастырь, г. Владимир.

Арбата можно клепать копии без особого напряжения глаз. При ажиотажном спросе и низком вкусе идет халтура. Такое было уже в истории промысла, когда в 1910 году в Федоскине образовалась артель. Артельцы пытались пригласить большого мастера старой школы Д. А. Крылова. Он посмотрел на ширпотребовскую продукцию и резко ответил: «В силу экономики у вас исполняется живопись посредственного качества, с чем мириться я не могу...»

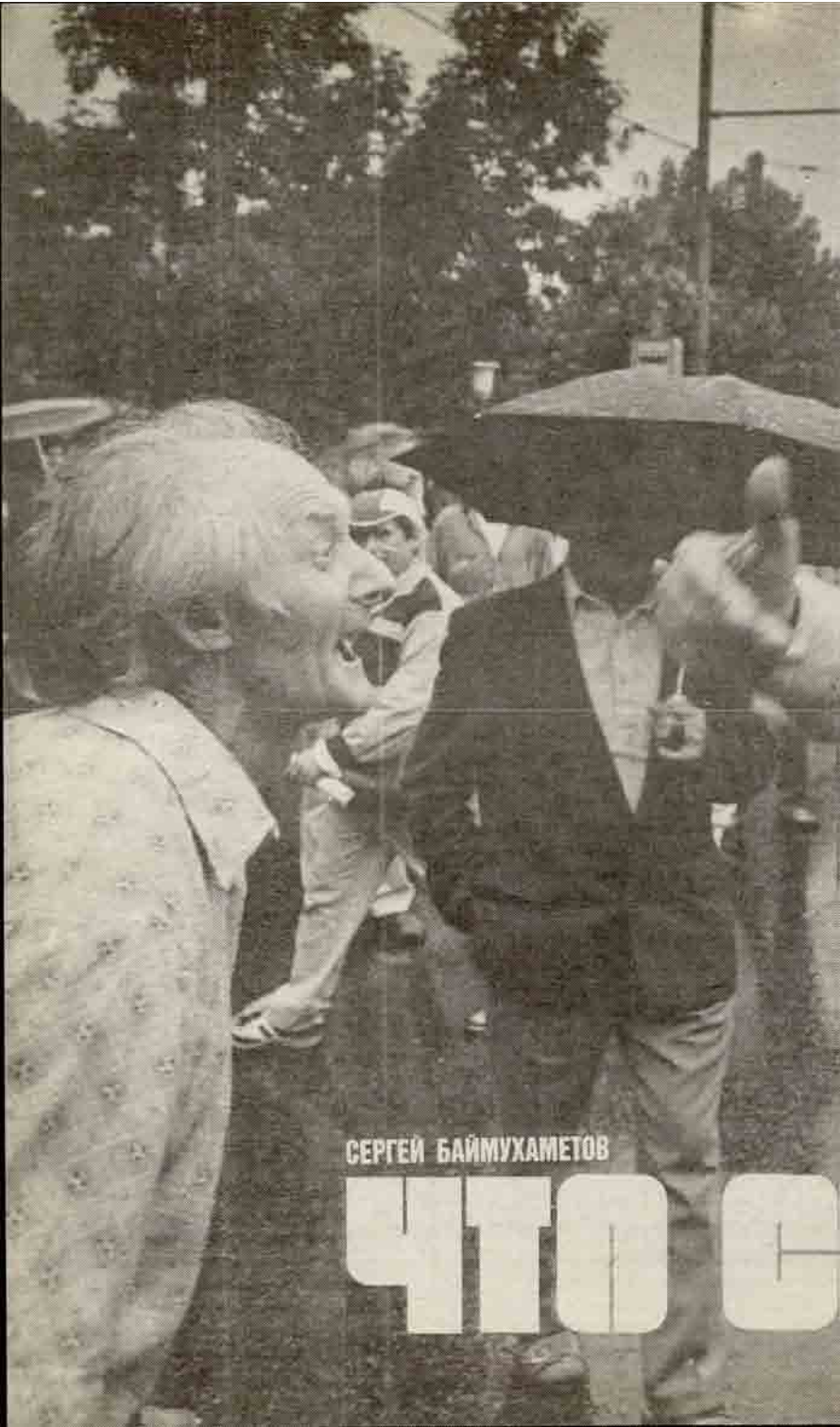
Кооператоры до доньшка выкачивают все из льготного, безналогового — слава законодателям — периода, а потом закрываются. Создают новую лавочку, например, малое предприятие; получают новый кредит и новый безналоговый срок. Эти процедуры освоены давным-давно и прекрасно описаны, со всеми деталями финансовых ходов, Ильфом и Петровым. Кто не помнит «самовзрывающиеся» кооперативы «Интенсивник», «Трудовой кедр», «Южный лесорубник» и, наконец, знаменитую химартель «Реванш» со вздыхающим мальчиком? Было, проходили. Даже суммы убытков те же.

Фабрика скорее всего выживет. У нее есть главный козырь — уважение к традициям. Традициям искусства большого стиля. Здесь и в массовой продукции не опустятся ниже планки, задаваемой требовательным художественным советом. Здесь — алмазная кладовая технологического опыта и методический центр по воспитанию и обучению новой смены мастеров. Художника учат художники да музейные стенды, на арбатской продукции глаз не отточить. Жаль, что Арбат и кооперативные отделы художественных салонов развращают вкус покупателя, предлагая яркие, броско обработанные заимствования из творческой кладовой истинных масте-

ров. Подчас наивный уличный оценат хватает так, называемые «венки», принимая их за подлинное искусство. Эти ловкие подделки имеют в основе фотокопии. Их наклеивают на шкатулки и покрывают прозрачным лаком. Бывает, имитатор для вящего правдоподобия слегка «проходит» рисунок маслом и «под Федоскино» или яичной темперой «под Палех» (иногда «под Мстёру»). Такая слегка облагороженная фотокопия под толстым слоем покрывного лака в глазах неспециалиста сходит за оригинал.

Как защитить авторов от воров, растаскивающих сюжеты, другие продукты творческих усилий? От плагиаторов, применяющих новейшую фотокопировальную технику? Авторское право на практике защищено пока очень слабо. IV раздел Основ гражданского законодательства СССР, посвященный этим вопросам, увы, далек от совершенства.

В 1995 году промыслу исполнится двести лет. Есть надежда на новый расцвет русской лаковой миниатюры. Надежда на то, что никогда не иссякнет интерес к высокому народному творчеству, в основе которого лежит стремление к добру, красоте и истине.

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ

ЧТО С

Фото НИКОЛАЯ АНТИМОНОВА,
ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА,
ВЛАДИМИРА ЧЕИШВИЛИ
и других

НАМНУ?

В семье Максима Ошуркова и в нашей семье теперь есть свои, личные исторические документы. Вернее, один документ на всех. Но зато большой, подробный.

К сожалению, в нем много неточностей. Наша хроника создавалась не после, а во время, в часы и минуты переворота. И в те же самые часы и минуты передавалась нашим друзьям в газеты Петропавловска-Камчатского, в Алма-Ату, в Ярославль. Там ведь, как и по всей стране, люди не знали ничего. Совсем. И не должны были знать, по замыслу заговорщиков. Незнание порождает подавленность. Обреченность... Но когда мы передавали, что Ельцин выступал, стоя на танке, то этот танк невольно гиперболизировался в сознании людей чуть ли не во всю армию, в оплот, в твердыню — и было уже не так страшно...

Наша хроника там, вдалеке от Москвы, отливалась в металлические строчки, оттискивалась на бумаге и в тот же миг становилась и уже стала документом. Впрочем, необходимо рассказать, как она началась...

Максим Ошурков, моя жена Маша и я отнюдь не бойцы. Самые обыкновенные люди. Еще рано утром, когда только стало известно о перевороте, мы с Машей (Максим еще не приехал) решили: отсидеться, никуда носа не высовывать. У нас маленькая дочь Динка, и гори оно все синим пламенем, мы живем для нее.

— Все, кончились твои писания, — сказала Маша.

— Ерунда, — сказал я. — Их будут судить и расстреляют.

— А если нет? Если победят?

— Тогда надо собираться за бугор. Я уже не смогу молчать, задохнусь.

— Кто нас выпустит?

— Выпустят. В первое время они будут хоть как-то прикидываться перед Западом.

— А там ты кому нужен?

— Буду прислуживаться где-нибудь на «Свободе».

— Так тебя и ждут, таких там уже полно...

— Да уж пригожусь на Родину-то клеветать...

Острили.

Вдруг звонок из Петропавловска, моего родного города, где я каждый год по нескольку раз бываю, знаю очень многих, дружу. Из редакции газеты «Провинциальные ведомости» — Саша Коцераба, Сережа Овчаров, Андрей Петягин. Расселись у параллельных телефонов, слышу их дыхание. Конечно, тревожные вопросы: что, как, что будет? Ничего, говорю, не будет, сейчас такие штучки не пройдут. Андрей Петягин удивился: с чего, мол, такой оптимизм?

А с того, говорю, что они одного Президента свергли, но им еще надо свергать всех остальных президентов в республиках... А это утомительно и, главное, саморазоблачительно.

Условились, что они будут звонить каждый час, узнавать. Но мы тогда еще не думали ни о какой целенаправленной, полезной, газетной работе, передаче информации.

Приехал Максим Ошурков. Они с Машей — соавторы по переводам с английского. Включили наш маленький телевизорчик, который на комнатную антенну принимает передачи Си-эн-эн.

Позвонил наш друг — художник Марат Ким и закричал, что ему только что звонил его дядька (знаменитый бард Юлий Ким), он в Верховном Совете России и говорит, что!.. В общем, Верховный Совет России жив-здоров и дей-

стует! А никто ничего не знает...

И тут я заметался. Это же срочно надо передавать в Петропавловск, в газеты! Почему не звонят? Неужели связь отключили? Да, так и должно быть по всем законам путча.

Стал набирать Петропавловск. Есть связь! Попал на Валеру Орлова. Он там собственный корреспондент республиканской молодежной газеты «Ленинская смена» и по совместительству работает еще в областной партийной газете «Ленинское знамя». Кричу ему:

— Давай, Валерка, гони информацию в «Ленинку», вы ведь живете в суверенной республике, вы сами по себе. И ребятам из «Провинциальной» скажи, я жду их звонков.

— Всем передам, мы с ребятами вместе! — закричал Валерка.

А тут из другой комнаты подбежал Максим с записями Си-эн-эн. И закурилось...

Начались звонки друзей, знакомых. Расспрашивают, рассказывают, что и где видели, слышали. Мы, сообразив, просим их передать всем своим знакомым, чтобы они на наш телефон сообщали, что увидят, а мы — уже в газеты...

Затрезвонили из Петропавловска. Валера Орлов. Говорит, что информацию из «Ленинского знамени», областной партгазеты, снял редактор, сказав, что они будут печатать только официоз.

— Передай ему! — закричал я. — Пусть задумается: чей официоз он будет печатать? Завтра окажется, что это официоз мятежников, путчистов, и что он тогда будет говорить? И всем другим нашим передай... Нам вместе жить, в глаза смотреть друг другу, пусть поймут хоть это!

— Передадим, — включился Саша Коцеруба, редактор «Провинциальных ведомостей». — Да только...

— Ну ладно, — понял я его. — Давайте принимать информацию.

Так сложилось наше как бы пресс-агентство...

С самого начала Маша поставила условие: чтобы там, в газетах, наших имен не было. Наивная... Мы же с Максимом, оставшись вдвоем, поговорили и решили: обязательно наши имена должны быть, кроме Машиного, конечно, и как можно заметней. Чтобы, если возьмут, хоть догадались люди за что. А еще я съездил на час в «Смену» и «Огонек», рассказал там друзьям, чем мы занимаемся, и мы коротко договорились, что если нас возьмут, то они хоть какой-нибудь хай поднимут. А то ведь, когда никто ничего не знает, сгинуть в такой смуте все равно что камешку в воду упасть.

Я понимаю, что сейчас наши страхи кажутся смешными, наверно, вызовут даже скептическую улыбку. Но ведь тогда все было всерьез. Тем более уже вышли их указы о закрытии некоторых газет и, больше того, об уголовной ответственности за распространение информации. Пуще всего они боялись слова. Вся репрессивная страшная машина была в их руках, а слова боялись.

А то, что мы вздрагивали от каждого звонка в дверь, наверно, вполне понятно и объяснимо. Мы же и в обычной жизни привыкли многозначительно кивать на телефон, когда кто-то заговаривал слишком откровенно. А уж когда режим агонизирует, можно ожидать всего, самых безумных действий.

...Из Ярославля позвонил обозреватель газеты «Золотое кольцо» Борис Черных, бывший политзаключенный. Обрадовался, узнав, что мы ведем хронику. Договорились, что будем передавать им новости каждые два часа.

Из Владивостока, через полми-

ра, пробилась журналистка Галя Арбатская. А с улиц Москвы уже звонили, сообщали, что видели и узнали, Ольга Балалаева, Татьяна Шмачкова, Марат Ким, Илья Цуркис и другие, незнакомые, безымянные. Спасибо им всем.

Так складывалась наша хроника. Полностью, с 12 часов 19 августа до 17 часов 5 минут 21 августа, она напечатана в газете «Провинциальные ведомости», выходящей в Петропавловске, в Казахстане.

Конечно, ей не сравниться с теми хрониками, что появились в печати после. Сточными, выверенными, а главное, полными. Мы же не могли знать всего. Это была не только хроника событий, но и в немалой степени хроника тревожного узнавания о событиях, о том, что происходит. То есть простой рассказ о трех днях жизни трех самых обыкновенных москвичей среднего возраста.

Как же мы прожили эти дни?

Конечно, в страхе. Их было два. Первый — страх большой, общий, за будущее. Свобода ведь жесткая штука. Стоит только вдохнуть ее воздуха — и все. Обратной дороги — в рабство, в немоту — уже нет. А второй — ежечасный, ежеминутный. Что придут и возьмут. Ведь все мы живем под гипнозом всесильности и всеведущности нашей тайной полиции, уверены, что все телефоны прослушиваются. Да еще после того, как наши депутаты — «защитники народа» шпионство за народом радостно узаконили... Да мало ли что может быть в нашей благословенной стране!

Но совершенно точно одно: общим фоном и наших страхов, и нервического зубоскальства было ощущение нереальности происходящего. Какая-то фантазмагория. А проще говоря, словно бы не с нами все происходит. Словно бы понарошку. И даже

танки как бы игрушечные. Как будто бы все — дурной сон. Ну как так: уснул при демократии — проснулся при военной хунте?! Кажется, тряхни головой — и все рассеется. А не рассеивается. Только хуже становится. Потому хуже, что нет никакой логики. Нет простой, прямой и грубой логики переворота. А есть абсурд. В каждой детали, в каждой жизненной ситуации. Президента арестовали, а Ельцина и Попова, центр вольной московской оппозиции, не успели. В «Белом доме» отключили правительственную связь ВЧ, а простые телефоны оставили. За распространение информации пригрозили арестами, а мы круглые сутки висим на междугородной линии, и хоть бы что. А ведь, бывало, телефонную связь между городами страны прерывали тотчас же в момент кончины генсека...

Сейчас-то мы понимаем, почему и как у заговорщиков одно не стыковалось с другим. Почему кругом были одни проколы. Понимаем, до какой же степени они не знали страны и народа.

Они думали, что главная опасность — Президент. Отстранят его — и все остальное покатится само собой, как по маслу. И отстранили Президента достаточно четко, без организационных ляпов. Но оказалось вдруг, что для успеха дела им надо еще устранять нас, то есть народ. Народ, который не встал тотчас же по стойке «смирно», не попрятался по нормам при первом же зычном окрике: «На место!» Оказалось, им надо устранять нас, сорокалетних и пятидесятилетних, долгие годы проживших в угрюмом молчании и не бунтовавших потому, что другой жизни не ведали. А теперь, когда мы узнали вкус свободы, ее у нас не возьмешь — придется отни-

мать... Оказалось, им надо устранить двадцатилетних, которые вообще успели вырасти во взрослых людей, почти и не зная нашего страха... Тех же тетушек-телефонисток надо устранять! Никто же еще точно не знает, был или не был отдан приказ прервать связь между городами. Вполне возможно, что был. В некоторых городах, во всяком случае, отключали. Но также вполне возможно, что московские телефонисты этот приказ просто-напросто проигнорировали.

Да что там о гражданских говорить... Милиция, на которую они надеялись, милиция, которая в последние годы сильно обижаются на нас, а мы на нее, — та же милиция саботировала практически все приказы союзного министра-путчиста. Помню, утром 20 августа все улицы, ведущие к «Белому дому», были перекрыты, как и положено, милицейскими постами. Но если машины сами не сворачивали, а нахально шли вперед — милиционеры... отворачивались. Один из них остановил нас слабым мановением руки, но я высунулся в окно и заговорщицки прохрипел: «На митинг...» Постовой быстренько отвернулся, и мы покатали дальше. И остановились уже у «Белого дома», там, где путь преграждали наши баррикады и наши танки.

Вся Москва знала и весь мир видел, что Ельцина, Шеварднадзе и других лидеров на улицах своими телами закрывает не кто-нибудь, а омоновцы или спецназовцы, в общем — черные береты, те самые черные береты, которых режим хотел сделать своими опричниками...

Они думали, что стоит только цыкнуть, и те же газетчики, журналисты сразу прижухнутся, как бывало всегда, когда со Старой площади доносилось даже не повеле-

ние, а просто «мнение». Но это было целых шесть лет назад. А сегодня московские журналисты даже и не вздрогнули от скалозубовского окрика, как будто его и не было, как будто и не было вбитого в них страха и послушания. «Вы запретили газеты, а мы будем выходить в листовках!»

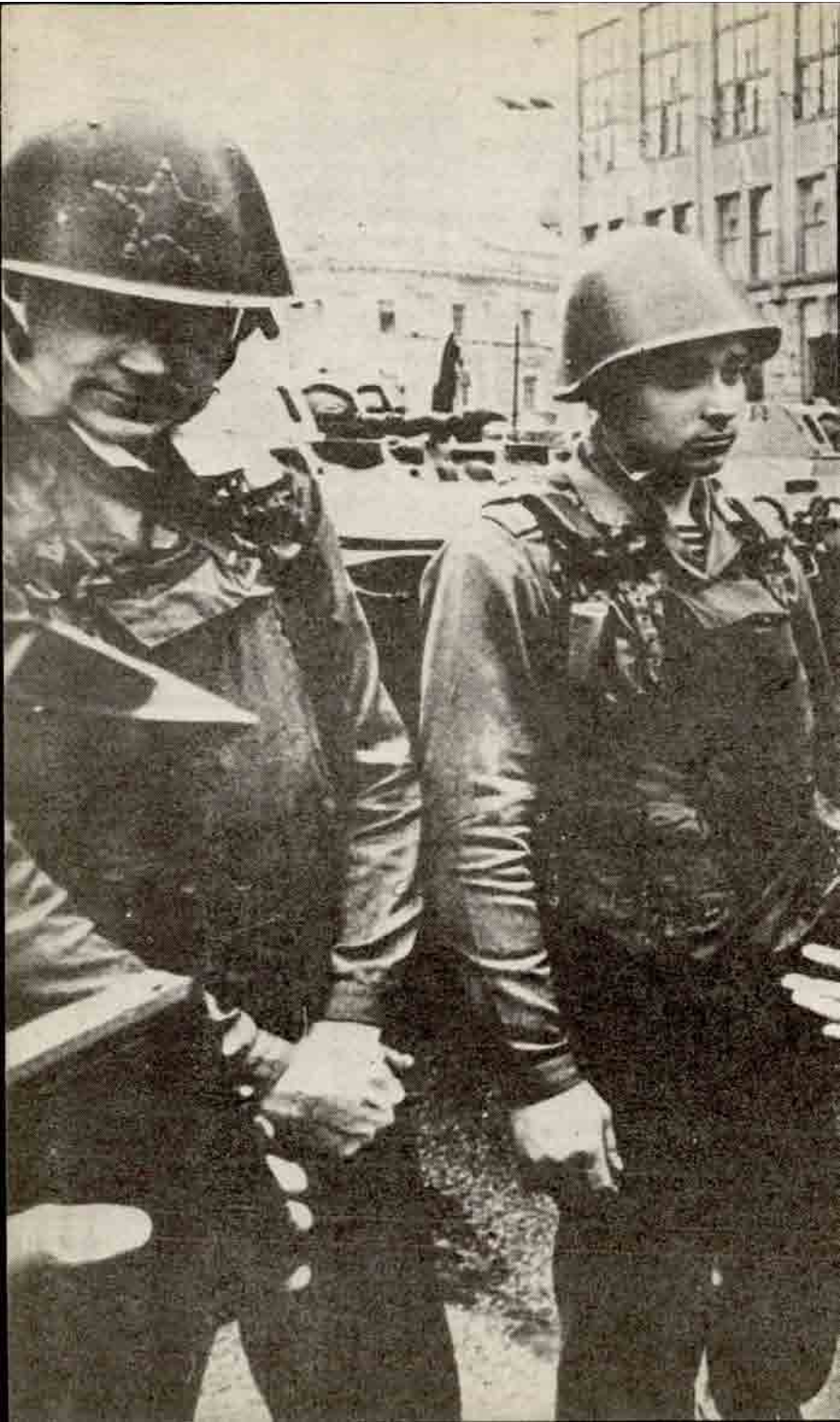
Они думали, что стоит только ввести танки — и народ попрячется по норам. Им больше ничего и не надо было. «Горячее одобрение» они потом организуют, уже начали организовывать. Сейчас же главное — напугать.

А народ вышел на улицы. И путч провалился уже днем 19 августа. Когда на Манежную площадь хлынули люди и блокировали войска, когда на танках похозяйски расселись москвичи, когда с танков в мегафон начали кричать ораторы: мол, смотрите, это первые демократические танки в нашей стране! — в этот момент все стало твердым и ясным: путч провалился.

Наверно, в кинохронике часто показывали и будут показывать Манеж того дня. Как женщины кричали, вцепившись в рукава танкистских комбинезонов: «Зачем вы сюда пришли? Сынки! Вы наши дети, что вы делаете?»

Солдаты смущенно прятались, бормотали что-то, а один из офицеров взмолился: «Мамаша! Ну куда мы от вас денемся?!» Я слышал, как один танкист говорил другому: «Надо уходить отсюда». Но также и видел, как угрюмо отмалчивались многие офицеры, а те, кто решался что-то сказать, бормотали косноязычно, путаясь в одних и тех же трех словах: выполнение поставленной задачи, которую мы обязаны выполнить, потому что наш долг — выполнять поставленные задачи...

А один из танкистов, не то рядовой, не то офицер, не разобрать

в толпе, раздраженный наступающими людьми, закричал: «Да ведь бардак же в стране, бардак!»

Вот ведь как научили мальчишку, забили мозги. Вокруг тысячи людей, что ему в отцы и матери годятся, а он их учит, утверждает, что порядок в обществе наводится не вольным трудом, не признанием священности и неприкосновенности человеческой личности и собственности, а исключительно танками, которые он привел сюда по велению полковников и генералов, самых больших наших экономистов, политиков и философов-мыслителей одновременно. Да разве он один такой? У него-то хоть есть еще время прозреть, научиться читать, узнавать, мыслить, сопоставлять и сомневаться. А вот шофер, с которым я ехал на тот же митинг, уже вряд ли что переосмыслит. Не потому только, что ему уже за пятьдесят, нет... Впрочем, не объяснить.

Он был не таксист, а водитель чьей-то персональной машины, добротной серой «Волги». Всю дорогу он ругательски ругал нынешние порядки, обличал «бардак в стране» и через слово зывал к имени Сталина: вот, мол, тогда был порядок, при Сталине за пятнадцать минут опоздания на Колыму отправляли, а сейчас все что хотят, то и творят, откуда ж порядку быть?

Вначале я раздражался, а потом, вникнув в суть абсурда, стал смеяться про себя, просто-таки ликовал. Такого ведь нарочно никогда не придумаетшь! В казенное, то есть рабочее, время, на казенной машине, на казенном бензине совершает левый рейс и при этом зывает к сталинским временам, тоскует по сталинскому порядку!

Хотел я спросить его: как, мол, думаешь, сколько бы лет лесоповала ты заработал за этот рейс при твоём любимом порядке, но пере-

думал. Знал, что бесполезно. Тут не прошибешь ничем. Тут своя логика, свой строй мысли. И сколько же нас таких! С искаженными, искривленными, изуродованными мозгами! И ведь уже все: наглухо зацементировано, залито бетоном. На любую попытку обратиться к разуму, к логике, сопоставить очевидные факты в ответ не будет тебе ни аргументов, ни фактов, ни возражений — один только дикий взрыв агрессии. Много, много нас таких...

А уходишь из центра, с Манежной, с Краснопресненской набережной, попадаешь в свое Свиблово — и словно в другом мире оказываешься: ходят себе люди, никаких танков и митингов, смеются, разговаривают. Как будто и нет в Москве никакого переворота, как будто и нет вокруг «Белого дома» многотысячного живого кольца, в котором стоят, между прочим, не только москвичи. Со всех краев страны там люди: и шахтеры, и активисты Руха под жовтоблакитным прапором, и — вот парадоксы жизни! — под черным своим флагом на защиту российской государственности встали самые ярые и убежденные противники любой государственности — анархисты...

Фантазмагория. Все выплеснулось на улицы. Все смешалось.

Так что наша хроника складывалась не только из сухих сообщений, но и в немалой степени — из этих ярких деталей, неожиданных картин жизни, которые там, в далеких городах и селах, воспринимались с особой чуткостью, с особым вниманием.

Но если бы мы только передавали информацию, а Саша Коцераба, Сергей Овчаров, Андрей Лятягин только принимали ее, делали газету, выпускали — жить было бы легче.

Так ведь нет. Первый же экстренный выпуск «Провинциальных ведомостей» вызвал в Петропавловске что-то вроде шока. Газету выпустили практически подпольно и распространяли точно так же подпольно, вручную, минуя официальные каналы. И правильно сделали. В любом другом случае система сработала бы мгновенно. С утра уже были подняты на ноги все инстанции, вплоть до госбезопасности, разумеется. Но было уже поздно. А теперь, когда газета вышла и в ней ничего худого, кроме просто информации, власти оказались в тупике. Понятно, что всех безумно раздражало слово «путч», крупно вынесенное на первую полосу. Как так?! Да ведь там, в комитете, руководство страны! Кто позволил этим газетчикам употреблять слово «путч» по отношению аж к самим товарищам Пуго и Крючкову!.. Но эмоции эмоциями, а принимать решение надо. И в то же время опасно. И до Петропавловска дошло, что в такой ситуации расправа с газетой будет расценена как прямая поддержка путчистов и что об этом станет известно стране.

Нелегкое положение...

И здесь надо сказать, что, ко всеобщему горю и позору всех пишущих людей, к давлению на редакцию со стороны властей присоединились и некоторые журналисты. Ведь учредитель «Провинциальных ведомостей» — первичная журналистская организация партийной газеты «Ленинское знамя». Вот некоторые учредители и поднялись на свое же детище как на классового врага. А за что? Получается, за то, что пошли поперек, за то, что сказали правду, прорвали информационную блокаду вокруг событий в Москве?!

Выходит, у нас, в Москве, свободные газеты закрывает хунта,

а там, в Петропавловске, в суверенном и независимом Казахстане, расправе со свободными журналистами помогают сами же братья-журналисты! Бред какой-то, честное слово...

Выходит, за семьдесят лет у нас выросло и воспиталось социально-биологическое чудовище: журналисты, которым не нужна свобода слова!

Но это в общем. А там, в Петропавловске, особо не рассуждали. Сразу газету закрыть не осмелились. Но через несколько дней, когда был готов номер с некими документами о прямой или косвенной поддержке путча в Петропавловске, номер этот практически арестовали. Собрание учредителей-журналистов сняло Александра Коцербу с должности редактора, назначив другого человека. Понятно, что вся редакция в знак протеста тут же подала в отставку. Так хроника путча стала лебединой песней маленькой отважной газеты...

Но, к счастью, времена все же изменились. И очень сильно. Новой жизни нужны эти ребята. И тотчас же нашелся спонсор, и возникла идея новой газеты — «Вознесенский проспект». Так называлась центральная улица в дореволюционном Петропавловске. «Проспект» — это всего лишь другое произношение слова «перспектива». То есть свободная, ничем не закрытая даль.

Дай вам Бог простора и удачи, ребята.

Нереальными казались дни и ночи путча. Но еще более нереальными, фантастичными — первые дни после.

За окнами черная августовская ночь. Там, за окнами, громадная, издерганная наша страна, которая бурлит, возмущается, ахает, узнает подробности, докапывается до

корней... И больше всего, как мне представляется, людей тревожит одна мысль: марионетками были заговорщики или вполне самостоятельными фигурами? А если марионетки, то кто стоял за их спиной?

Надеюсь, время ответит на вопросы. Но уже сейчас можно сделать достаточно основательные предположения. На мой взгляд, о том, что они марионетки, убедительнее всего говорит сама неудача переворота. Сама нерешительность заговорщиков.

Но даже серые кардиналы, если таковые обнаружатся, мало что значат сами по себе. Потому что и за спинами марионеток, и за спинами серых кардиналов возвышается гигантский серый монолит, называемый коммунистической партией. Разумеется, я имею в виду не только центральное и прочее руководство, но прежде всего общую сумму руководящих и направляющих идей, которых придерживалась партия в эти годы.

Причем здесь никаких тайн нет. Не надо ничего искать за семью печатями. Раскроем подшивки «Правды» за последние два года, прочитаем внимательно выступления руководителей республиканских, краевых и областных организаций на пленумах ЦК, которые печатались без сокращений, полностью. Уверяю вас, за головы схватимся!

Подавляющее большинство участников слово в слово говорило то, что угрюмо и косноязычно талдычили нам три дня члены комитета восьми, то бишь люди, обвиняемые в государственных преступлениях. Весь скудный угрожающе-идеологизированный набор слов — вот он!

Увлекательное чтение. Они, руководители партии, открыто угрожали своему генсеку, он же — наш Президент. Требовали от него

усилить и возвысить роль партии, которая одна только и печется об интересах трудящихся. Пугали империалистической угрозой и настаивали на новых вложениях в военно-промышленный комплекс. И так далее, и так далее...

И если они открыто не встали во главе заговора, открыто не поддержали его, то только по одной причине. Прекрасно понимали, что тем самым отпугнут людей, саморазоблачатся. Отдавали себе отчет, что популярность и их организации в народе — величина отрицательная. Причем очень сильно отрицательная...

В эти дни много говорят о национализации имущества компартии. О том, что некоторые республиканские организации пытаются избежать этого, срочно выйдя из состава всесоюзной компартии.

А это ведь не просто возвращение или невозвращение народу того, что у него было отнято.

Здесь таилась и таится мина страшной психологической силы.

Оглянем наши города и веси и уясним простую истину: они десятилетиями строились и строятся по законам коммунистической архитектуры, по законам, попирающим нашу историю.

Не где-нибудь на отшибе, на окраине, в ряду других зданий, а на исторически сложившихся центральных площадях воздвигнуты партийные архитектурные ансамбли. Там, где из века в век собирались наши предки, на местах, которые из века в век почитались как центры людской общины, именно там возвышаются серые громады обкомов, горкомов и райкомов.

И если в каких-то республиках, отделивших свои компартии от всесоюзной, они, комитеты, там и останутся, то считайте, что все было зря. Шесть лет перестройки,

кровь, жертвы, угроза и страх фашизма, победа над ним — все было зря. Все — слова. А люди слушают свое нутро, ими руководит подсознание. И, что бы им ни говорили, нутром они будут знать одно: если они там, значит, все остается по-прежнему, значит, сила там, власть там.

Каждый человек сам себе судья. Если только он способен оглядеться и задуматься...

А рядом с этими неизбежными размышлениями, которыми заняты сейчас почти все, звучат совсем другие слова, встают другие картины, сцены, детали, без которых не будет полной панорамы тех трех дней.

Почему-то очень ярко запомнилась семья на площади перед «Белым домом». Старые, очень старые отец и мать, совсем седые. И их сын рядом, примерно лет тридцати. Видно, последыш. И по облику типичный маменькин сынок. Знаете, бывают такие, до седых волос. Но он, этот маменькин сынок, готовится идти на ночное дежурство, в пикет, к баррикадам. А седые отец и мать наставляют его: самое страшное — сырость, надо надеть резиновые сапоги, сынок, и теплые штаны, а сверху — еще брезентовые, и телогрейку со свитером, и шапку не стесняйся надеть, сынок, ночь есть ночь, а от костров тепло надежно...

Было это за семь-восемь часов до того, как пролилась кровь.

А рядом с ними другая семья. Из домов, что неподалеку от площади. Тащат в баррикаду свой старый диван и приговаривают: «Вот и пригодился, вот и пригодился...»

Вспоминается и маленькая моя дочь. Неприкаянно бродит по квартире и жалуется:

— Как только этот переворот сделался, со мной никто не игра-

ет... И «Спокойной ночи, малыши!» не показывают...

Легко представить, как мы себя чувствовали, когда я открывал в телефон: «Трансляция российской сессии началась! Значит, все! Москва, 21 августа, 17 часов 5 минут...»

Да, мы чувствовали себя как мячи, из которых выпустили воздух. Никак не могли поверить. Но когда молчавшие, немые до сих пор радио- и телепрограммы сразу же и бесстрашно взорвались сообщениями, комментариями, а особенно когда на экране возникли некоторые люди... со мной что-то случилось, что-то внутри слетело с катушек. И я заорал Максиму что-то вроде: «Вырубай все на ...! Там пацаны под танки легли, а сейчас, когда все кончилось, появятся сотни б....., которые громче всех будут орать, что они тоже там были, если не телом, так душой!...»

В общем, это называется истерикой. Хорошо, Маши не было в квартире, она к родителям ушла, мы в одном коридоре живем. Да при ней, наверно, сдержался бы...

Когда она пришла и узнала, то отреагировала достаточно спокойно. «Ничего, — сказала. — У меня тоже припадок был, вчера, в ванной. Слезы и прочее...»

«Все, — сказал я тогда. — На территории моей суверенной квартиры объявляется чрезвычайное положение и закрываются все средства массовой информации».

«Ну, раз так, то и я пойду на свою суверенную фатеру, — решил Максим. — Надо бы родичам показаться».

Да уж. Там жена, маленькая дочь, теща. А мужа в такое-то время нет дома трое суток. Он занимается политической, извините за выражение, деятельностью.

«Если у тебя есть знакомые

обозреватели, — сказал на прощание Максим, — то передай им вариант заголовка для очередной статьи: «Михаил Горбачев возвращается из отпуска».

И ушел.

«Когда еще путчевать будем?» — крикнула ему вслед Маша.

Но он уже не расслышал.

Не успела закрыться за Максимом дверь, как позвонила его теща. И Маша закричала (привыкла уже кричать в телефон): «Да! Уже! Только что! Ну да, Ошурков сверг хунту и пошел домой!»

Вот это, пожалуй, все. Если человек с чувством выполненного долга спокойно пошел к своей теще, значит, действительно все...

И последнее. Вся страна видела на экранах людей, что стояли на митингах, в оцеплении вокруг «Белого дома». Видела их лица. Это были лица, с которых ушло все суетное, мелкое, а проступило самое высокое, гордое, светлое.

Наверно, все обратили внимание, что это в основном была молодежь. От восемнадцати до тридцати пяти. То есть люди, которым в восемьдесят пятом году лет еще было немного, а у некоторых сознательная жизнь тогда только начиналась. Люди, которых уже не успела, уже не могла перемолоть, раздавить, переломать наша чудовищная система. И московские, и немосковские юноши, вышедшие в те дни на улицы и площади, и ребята из маленькой отважной газеты в далеком провинциальном городе — они сверстники, они из другой, новой генерации.

Оно уже есть — первое несломленное поколение.

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Хочу затронуть очень серьезную, злободневную тему. Сегодняшнюю демократию многие понимают, как время, когда можно говорить все, что хочешь; слышишь и рядом слышишь бесконечные разговоры о том, как бедно мы живем да какое плохое у нас руководство — все беды от него. Не спорю. Это так. Но зло не только в этом, но и в нас самих.

Уверен, что бедность наша и от большой дружбы с «зеленым змием». Давайте вместе задумаемся: сколько же мы тратим на спиртное в месяц, в год, за всю жизнь? Сумма получится приличная. Многие тратят на водку больше, чем на питание.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: пропитые деньги — это некупленные автомобили, телевизоры, холодильники, одежда, продукты питания. Ведь мы, не задумываясь, покупаем бутылку водки, долго потом всей семьей ломая голову: как купить ту или иную вещь? А сколько из-за пьянок недо выпускаем продукции?!

Конечно, пьянство — не самая главная причина нашей бедности, но одна из основных.

Об этом я заявляю с уверенностью, так как с того момента, когда бросил пить сам, у меня практически исчезла

проблема с денежными средствами, даже появилась возможность что-то откладывать. Я уж не говорю о моральном облике пьяницы. Правда, употребляя спиртные напитки, я сознавал, что качусь вниз, деградирую; да и семья была на грани распада. Но почти два года назад я нашел в себе силы (а они есть у каждого человека) бросить пить. Теперь я не связываю праздники, получку, свадьбу, похороны с обязательной ранние пьянкой. Отказавшись от спиртного, я ничуть не жалею. Вышло так, что тридцать лет прожил, будто проспал, а сейчас живу полноценной жизнью, чувствую себя хозяином своей судьбы.

Если хотя бы один человек задумается над моим письмом, значит, я не зря взялся за перо в первый, да, наверное, и в последний раз в жизни.

**А. С.
Брянск**

МАРИЯ КУСТОВА

МАЙСКАЯ НОЧЬ

ХОДЫНКА:

**боль
СКВОЗЬ
ГОДЫ**

«Люди били друг друга, сколько позволяла теснота. Пинали друг друга ногами. Кусались. Хватали друг друга за горло, душили. Более слабых затискивали на землю и становились на них».

Ф. Соллогуб. «В толпе».

Ясную майскую ночь с 17 на 18 мая 1896 года можно по праву считать одной из самых мрачных ночей царствования Николая II. Именно тогда произошла знаменитая «Ходынская давка», ставшая как бы прообразом правления последнего русского царя, — катастрофа, в которой погибло и было изувечено свыше двух тысяч человек. Что же случилось на Ходынском поле и кого можно считать виновником этой забытой ныне трагедии?

Хотя слово «Ходынка» и обогатило русский язык, став синонимом огромного скопления людей и вызванной этим давки, сами события той давней ночи уже много лет не привлекают внимания историков или писателей, а ведь в свое время им были посвящены произведения таких известных литераторов, как В. А. Гиляровский, Ф. В. Соллогуб, последствия Ходынки блестяще описаны в «Жизни Клима Самгина» Горького.

Итак, с чего все началось?

Как известно, ни один монарх не считается действительно законным, пока не пройдет церемонию коронации и помазания на престол. Эта процедура традиционно во всех странах (а в некоторых государствах и до сего времени) проводилась очень пышно и сопровождалась многочисленными «торжествами и увеселениями» как для придворных, так и для простого народа.

В мае 1896 года в Московском Кремле должно было состояться коронование Николая II. Фактически великий князь Николай Александрович Романов взошел на престол уже в 1894 году, после смерти своего отца, российского императора Александра III. Но коронация — очень сложное дело, требующее длительной подготовки. Так, только для организации народных гуляний в Москве уже в марте 1895 года было создано «Особое Установление по устройству коронационных народных зрелищ и увеселений», подведомственное Министерству императорского двора. Во главе его стоял действительный статский советник Н. Н. Бер.

Москва не случайно выбрана местом официального вступления на престол главы Российской империи — она традиционно была центром русского государства, а Московский Кремль являлся резиденцией всех царей, пока Петр I не перенес двор в Санкт-Петербург. Но и тогда Москва сохранила статус «второй столицы державы», то есть второго по значению города страны. В Кремле проводились коронации российских государей, и на это время сюда переезжал весь «Большой свет», включая иностранных дипломатов. Для населения же устраивались массовые гулянья с бесплатной раздачей угощения, концертами и театральными представлениями на свежем воздухе. Очень часто подобные гулянья в Москве проходили на Ходынском поле (сейчас на этом месте стадион ЦСКА и аэровокзал). Еще Петр I устраивал там свои «машкерадные» шествия, а Екатерина II выбрала это поле для торжеств по случаю заключения Кучук-Кайнарджийского мира с турками.

В организованное в 1895 году «Установление» (в наше время его называли бы комиссией или комитетом), кроме Бера, вошли полковник Иванов и титулярный советник Петров — как чиновники особых поручений, а в качестве архитектора — гражданский инженер В. В. Николая. Они должны были составить общий план и программу народных увеселений, организовать строительные работы, определить, как было сказано в указе об «Уста-

новлении», «количество угощаемого народа», обеспечить порядок и санитарный надзор.

Функции достаточно обширные, и работать им пришлось очень много. Но уже здесь крылась одна из основных причин будущей трагедии — дело в том, что, помимо «Установления», обеспечение порядка на месте гулянья возлагалось на исправляющего должность московского обер-полицеймейстера А. А. Власовского, который со своими помощниками и должен был устанавливать количество полицейских и казаков в праздничные дежурства, часы их нарядов и расположение на местности. Подобное дублирование обязанностей у разных ведомств еще нигде, никогда и никому не приносило пользы, особенно если учесть личность московского обер-полицеймейстера, который в итоге был признан основным виновником трагедии.

А. А. Власовский был назначен на высший полицейский пост в Москве в 1891 году, в тот же год, когда сменилась верховная московская власть, — вместо В. А. Долгорукого с его патриархальным отношением к управлению городом генерал-губернатором второй столицы стал великий князь Сергей Александрович. Он сразу же возбудил острую неприязнь москвичей, во многом вызванную вынужденной отставкой «добраго батюшки» Владимира Андреевича Долгорукого. К этому добавлялось недовольство отчужденно-высокомерной манерой обращения Сергея Александровича в отличие от радушной любезности прежнего генерал-губернатора. Естественно, что такое же отношение распространялось и на ставленников великого князя, к которым причислили Власовского, — его имя очень быстро стало известно по всей Москве, особенно среди извозчиков.

В конце XIX века московские извозчики славились по всей стране своей грубостью и беззастенчивостью. Еще недавно от старых москвичей можно было услышать выражение: «Ругается, как московский извозчик».

Став московским обер-полицеймейстером, Власовский энергично взялся за наведение порядка в городе. Буквально за несколько месяцев грязные, захлапанные улицы приобрели ухоженный вид, городские и другие полицейские стали проявлять необычное рвение на службе, а извозчики, за которых он взялся особенно жестко (в ежедневных приказах обер-полицеймейстера извозчики штрафовались десятками), боялись лишней раз слезть с козел своих экипажей и люто его возненавидели. Штрафовали за любой пустяк, например: «Слез с козла и толпился на тротуаре; произнес неуместное замечание — штраф 15 рублей» и т. д.

Наравне с бешеной энергией, фанатичной преданностью делу Власовскому были присущи крайнее властолюбие, нетерпимость к чужому мнению и резкость в обращении. Вот как он выглядел в воспоминаниях его современника историка М. М. Богословского: «Невысокий, незрочный, с какого-то черного цвета гарнизонной физиономией, с усами без бороды, с пристальным злым взглядом, которым он, казалось, видел сквозь землю на три аршина и там следил, нет ли каких-нибудь беспорядков, он целый день и всю ночь летал по городу на своей великолепной паре с пристяжной, зверски, исподлбья высматривая нарушителей порядка, и немилосердно попавшуюся жертву казнил... Когда Власовский спал, совершенно неизвестно. Говорили, что он,

когда придется, не раздеваясь, садился в кресла и так дремал часа четыре в сутки, остальное время посвящал службе. Впрочем, к обеду, который ему приносили из ресторана «Эрмитаж», так как был холост и своего хозяйства не вел, приглашались его приближенные люди; с ними он напивался коньяком, но пьян никогда не бывал, так как поглощал алкоголь, как губка, и алкоголь на него не действовал. После обеда или ужина, освежаясь, ездил всю ночь по городу. В приказах его отмечались замеченные им при проездах нарушения полицейской службы в 2, в 3, в 4 — словом, во все часы ночи в самых различных частях города». Поддерживал А. А. Власовского исключительно великий князь Сергей Александрович, такой же сторонник европеизации Москвы.

Ближайшим помощником обер-полицеймейстера был полковник И. Н. Руднев, человек очень исполнительный, ставивший превыше всего приказы начальства.

Таковы основные действующие лица грядущей драмы.

Приехав в Москву, члены «Особого Установления» энергично взялись за работу. За составление плана гулянья отвечал архитектор Николая. В основу проекта им был положен план, сделанный архитектором Бадером в 1883 году для праздника на Ходынке в честь коронации Александра III. Но здесь члены «Установления» проявили непростительную беспечность — они ни разу не позаботились осмотреть местность, окружающую площадь гулянья. А посмотреть было на что, ведь Ходынское поле в промежутках между праздниками, выставками и другими мероприятиями было местом расположения летних военных лагерей для дислоцирующихся в Москве полков и на нем неоднократно устраивались военные маневры, для которых были вырыты окопы; проводились такие маневры, как обычно, и перед последним гуляньем. Незадолго до того, как Николая начал составлять план, на Ходынке прошла очередная Всероссийская художественно-промышленная выставка, и после разборки выставочных зданий и их фундаментов образовалось значительное число ям и неровностей почвы.

Николая же при составлении проекта не принял этого во внимание. Достаточно сказать, что если по плану 1883 года буфеты для раздачи угощения были расположены хотя и со стороны Москвы, перпендикулярно к Петербургскому шоссе (сейчас — Ленинградский проспект), но подходили к оврагу, пересекающему местность лишь в одной точке, то по плану Николая большая их часть (120 из 150) была расположена вдоль оврага, изрытого ямами, с колодезем на дне. Кроме того, Николая не сумел технически грамотно расположить входы (а внутри проходы) непосредственно на место гулянья, не обеспечил правильного регулирования людского потока.

В результате линию входа обнесли тесовым забором, проделав в нем большое количество отверстий, с широким началом и узким концом, так что ни один человек не мог попасть именно в тот вход, куда направлялся: толпой он оттеснялся в сторону и попадал в другие проходы. Таким образом, давление монолитной толпы направлялось под прямым углом по стенкам этих треугольных воронок. Для того же, чтобы направить давление под прямым углом (в этом случае люди могли бы идти прямо в избранный вход), мер не было принято. (Они могли бы сводить-

ся к устройству длинных барьеров из толстых бревен, вроде коновязей, поставленных перпендикулярно ко входам.) В итоге хлынувшая толпа попадала в эти многочисленные воронки, как в западню, входили сотнями, а выходить могли только по одному человеку.

Невзирая на явную слабость плана Николая, его приняли к исполнению. Впоследствии, когда следственная комиссия пыталась выяснить, кто из отвечающих за подготовку праздника поставил свою подпись, утверждая проект, ни одного экземпляра с подписью Бера, Власовского или хотя бы его помощника Руднева, найдено не было — то есть подлинного виновника, проявившего преступную халатность, так и не обнаружили. Немалую роль здесь сыграла и бессмертная (кстати, действующая до сих пор) уловка российской бюрократии перекладывать вину друг на друга, так что истину обнаружить практически невозможно. Немаловажное значение имела и вечная боязнь чиновника сделать что-то лишнее, выходящее за пределы его обязанностей. Так, архитектор В. А. Бадер, организовывавший гулянье в 1883 году, беседовал с Николаем вечером 17 мая 1896 года непосредственно на Ходынке: «...я высказал ему, во-первых, свое удивление тому, что уже в то время, то есть часов около семи вечера, на внутренней площади гулянья (то есть уже за заборами и линией буфетов) было много народа, а во-вторых, выразил свое мнение об опасности для народа в том, что линии буфетов, расположенных параллельно шоссе и вдоль рва, были расположены не по дуге, а под прямым углом, на что Николай сказал, что это не его дело, так как планы утверждены начальством». И это говорилось в то время, когда люди, не входившие в «Установление», а просто бывшие на Ходынском поле (о них речь пойдет позже), уже предвидели возможность трагедии! Да и глава «Особого Управления» Бер, отношения которого с обер-полицеймейстером с самого начала сложились напряженно, не смог обеспечить должного контакта с московской полицией, чему немало способствовали и политика Власовского, и нежелание Бера брать на себя лишнюю ответственность.

Так, в своих показаниях следственной комиссии Бер вспоминает: «...я заговорил с Власовским (разговор происходил 13 апреля 1896 года) по поводу учреждения комиссии для совместного обсуждения всех вопросов, касающихся охранения порядка на народном гулянье. На мой вопрос, почему он не желает комиссии, о чем он прямо высказал... Власовский опять дал тот же ответ, а именно, что наше дело — устроить увеселения и угощения народа, а его дело — позаботиться о порядке при этом. Аргументы, которые при этом высказывал Власовский, мне показались разумными, а именно, он говорил: «Неужели Вы думаете, что я, приехав на место и убедившись, что нужно сделать совсем не то, что постановлено комиссией, стеснюсь каким бы то ни было постановлением ее? Конечно, нет. Я сделаю то, что найду нужным сделать. Ответственность моя — оставьте же мне и распоряжение; незачем нам тратить время на какие-то комиссии, для дела ненужные». И хотя на следствии все члены «Особого Установления» дружно пытались представить Власовского как единственного виновника трагедии, Бер вполне с ним согласился и даже утверждал, что «наши заботы должны ограничиться самим местом, отведенным для гулянья, и тем, что на

нем надо было устроить». Иначе, как иронически замечал он, «Особому Установлению пришлось бы, пожалуй, чинить и проселочные дороги, ведущие к гулянью». Ирония звучит здесь несколько неуместно, особенно если учесть масштабы катастрофы, — организаторы должны были предусмотреть все возможные сложности, не исключая, может быть, и дорог к Ходынскому полю.

Итак, организация охраны порядка на Ходынке и определение количества людей для этого полностью зависели от московского обер-полицеймейстера, и распорядился он не лучшим образом. В основном полицейские, жандармы и казаки должны были появиться на гулянье, начиная с раннего утра (с 6 часов утра и далее их число должно было постепенно увеличиваться), причем их было явно недостаточно — так, в наряд на 5 часов утра 18 мая было назначено всего 500 человек (и это когда, по самым приблизительным подсчетам, там уже было несколько сотен тысяч людей). Расстановка дежурных была тоже неудачна — бывшие ночью в наряде немногочисленные стражи порядка не смогли ни удержать толпу, ни обеспечить прибытия подкрепления.

Такова была картина накануне гулянья.

Афиша «Особого Установления» о празднике была выпущена лишь 17 мая 1896 года, но весть о нем задолго до этого дня широко распространилась за пределами Москвы, и народ стал стекаться на Ходынское поле еще с вечера 16 мая. Главной приманкой были не обещанные увеселения, а **БЕСПЛАТНЫЕ** подарки (состоявшие из завернутых в белые платки с царским портретом кружки с «орлом», больших сладких пряников и незначительного количества других грошовых сластей) и бесплатное угощение с пивом.

17 мая количество народа, направлявшегося к Ходынке, было уже так велико, что местами люди шли сплошь по улицам, включая мостовые, и мешали проезду экипажей. Очевидец событий Н. С. Леонард, автор газетной статьи «Кто виноват?», так описывает это: «Накануне гулянья, 17 мая, вечером часов в шесть, я был у Чистых прудов и видел массу народа, направляющегося к Ходынке. Почти весь бульвар Чистых прудов, вся Мясницкая были запружены народом, шедшим с кулками под мышкой».

Во второй половине дня 17 мая стечение народа к месту гулянья стало принимать угрожающие размеры. Но даже во время самых страшных катастроф всегда появляются свои герои. Был такой и на Ходынке — единственный человек, который уже вечером 17-го предвидел опасность и в меру своих сил пытался ее предотвратить, по иронии судьбы, один из тех, кто не нес никакой ответственности за происходившее на поле. Этим героем стал никому не известный комендант летнего военного Ходынского лагеря капитан Львович. Именно он организовал спасение многих людей во время давки (не получив, кстати, за это никакой награды).

Уже в 16 часов 45 минут 17 мая Львович, имевший в своем распоряжении для внутрилагерных нужд 12 казаков, 2 урядников и военный караул, понял, что они не смогут навести порядок в многотысячной толпе при фактически полном отсутствии полиции, поскольку назначенные в наряд полицейские получили

приказ только вечером 17 мая. Львович обратился по телеграфу в Распорядительное отделение Канцелярии обер-полицеймейстера и попросил доложить Власовскому о приливе народа на Ходынской поляне. Он предложил также прислать в его распоряжение 30 казаков и хотя бы несколько околоточных надзирателей.

А приток людей все увеличивался. Прибывавший со стороны Москвы народ располагался сначала бивуачными группами по всей площади между линией буфета и местом бывшей выставки, но постепенно все ближе и ближе придвигался к буфетам. Настроение у собравшейся толпы было благодушное — кое-где горели костры, раздавались песни и звуки гармоник, многие, сидя на траве, закусывали снедь, принесенной из дома. Тем не менее скопление людей к 10 часам вечера стало принимать угрожающие размеры, к 12 часам ночи можно было насчитать десятки тысяч, а к 2—3 часам ночи (уже наступившего 18 мая) — сотни тысяч человек. Несмотря на это, народ продолжал прибывать, двигаясь к Ходынскому полю целыми группами, не только по близлежащим городским улицам, но даже и из тех местностей, которые отстояли от Ходынки более чем на 10—15 километров.

Полиция на месте гулянья и подступах к нему по-прежнему отсутствовала, и не было ни одного официального уполномоченного лица, которое бы приняло меры к регулированию и более правильному размещению прибывающих в несметном количестве людей.

Первое ходатайство капитана Львовича обер-полицеймейстеру о присылке полицейского наряда (на которое, кстати, не последовало никакой реакции) в течение ночи было многократно повторено по телефону разными людьми — поручиком 7-го Гренадерского Самогитского полка Беляковичем (полк был расквартирован в Ходынском лагере), полицеймейстером Кремлевских дворцов Солины — единственным из высокопоставленных чиновников, кто откликнулся на отчаянные звонки Львовича по разным инстанциям, и, наконец, тем же Львовичем. Звонки продолжались с 9 часов вечера до 3 часов ночи, когда уже появились первые жертвы. Единственным результатом этих ходатайств было распоряжение Власовского в 11 часов вечера (сам он в это время находился на представлении в Большом театре, где присутствовала и царская семья) о командировании на Ходынку московского полицеймейстера барона Будберга с сотней казаков. Обер-полицеймейстер же явился на место трагедии только в половине девятого утра 18 мая, уже после получения сведений о катастрофе и просьб о присылке телег для уборки трупов. От казаков уже не было никакой пользы, и даже рота Самогитского полка вместе с батальоном Московского полка (их вызвал лагерный комендант по собственной инициативе еще в 10 часов вечера 17 мая) не могли ничего сделать с толпой, скопившейся перед буфетами и стоявшей настолько плотно, что выбраться удавалось немногим — тем, кто смог взобраться на плечи соседей и по головам толпы добраться до проходов между буфетами. Все усилия небольшого количества солдат и офицеров, оказавшихся на Ходынке благодаря энергии и распорядительности Львовича (в обязанности которого, подчеркнем еще раз, это никоим образом не входило), ограничивались спасением отдельных людей, сдавленных поблизости от проходов между буфетами.

Схематический план местности
на Ходынской пале.

Земля военного ведомства.

Место бывшей Воставы

Холщуха

Полотно бывшей желѣзной дороги

Канавы отведенная Ходынская пале отъ земли города

Песчаный
отвалъ

Колодезь

Буфетъ

Городская военная
земля

С. Петербургское шоссе

Планъ по поручению Управы составленъ
Николаемъ Секретаря (подпись)

27 Мая 1896 г.

Попытки солдат, расставленных цепью вдоль толпы, проникнуть хотя бы немного вглубь, ни к чему не привели.

В показаниях капитана Московского полка Иванова говорится, что на расстоянии пяти шагов от буфетов в толпе уже нечем было дышать, а над всей толпой стоял туман от испарений несметной массы, казавшейся стороннему наблюдателю зловещим облаком. Давка была настолько сильна, что уже с двух-трех часов ночи многие стали терять сознание и умирать от удушья. Ближайшие к проходам пострадавшие, а также трупы вытаскивались солдатами на внутреннюю площадь гулянья, а мертвецы, находившиеся в глубине толпы, продолжали стоять на своих местах, наводя панический ужас на соседей, тчетно стремившихся избавиться от них и тем еще более увеличивавших давление.

Вот как это выглядело в описании человека, побывавшего внутри толпы, — зрителя Пречистенского полицейского дома В. С. Маленко: «Народу была масса... человек за десять от буфетов толпа оказалась настолько плотной, что мне нельзя было двинуться ни взад, ни вперед... Духота и давка были страшные, со всех лил пот, над толпой стоял пар в виде густого тумана и была ужасная вонь, от которой одной уже можно было лишиться чувств. Стоявшие рядом со мной говорили, что они стоят уже с 11 часов вечера (сам Маленко оказался там около 4 часов ночи. — Авт.), не имея возможности двинуться ни взад, ни вперед;

Многие из лиц, стоявших рядом со мною... имели широко раскрытые, налитые кровью глаза, точно у людей, потерявших сознание или, скорее, готовых потерять его... Вытолкнутый на внутреннюю площадь гулянья, я почувствовал, что избавился от верной смерти, хотя и оказался сильно помятым, так что мне трудно было дышать и я до сих пор чувствую боль в левой пояснице». (Маленко давал показания следственной комиссии спустя месяц после трагедии.)

Неудивительно, что полицейские, которые к 4—5 часам стали подходить на дежурство к Ходынке, не смогли даже пробраться сквозь толпу, представлявшую собой плотную монолитную массу, не говоря уже о возможности прекратить давку.

Все это побудило капитана Львовича (который был в течение всего кровавого кошмара этой ночи единственным человеком, пыгавшимся овладеть ситуацией) в последнем своем телефонном сообщении обер-полицеймейстеру просить о предоставлении права немедленно начать раздачу угощения. Единственным последствием этой просьбы была присылка Власовским своего помощника И. Н. Руднева, прибывшего на Ходынку в 4 часа 30 минут утра, всего на полчаса раньше срока, назначенного ему в приказе на 18 мая.

К прибывшему в 5 часов утра Н. Н. Беру с той же просьбой о немедленной раздаче подарков (что было назначено на 10 часов утра) обратилось сразу несколько человек — батальонный командир Подъяпольский, известный московский общественный деятель, купец С. В. Лепешкин и Львович. Но Бер никак не хотел поверить, что праздник, подготовку которого возглавлял он, может омрачить какая-то трагедия, он просто не хотел думать об этом, — а каждая минута промедления уносила чью-нибудь жизнь. Только когда на глазах у главы «Особого Установ-

ления» при обходе им буфетов из толпы выкинули в проходы два трупа, и когда артельщики, взявшие на себя безвозмездную выдачу угощения и подарков, заявили, что они будут вынуждены уйти от буфетов, опасаясь за свою жизнь, только тогда, в 5 часов 30 минут утра, было разрешено начать раздачу.

Как только известие об этом через артельного старосту Максимова распространилось по буфетам, истомившиеся люди с огромной силой устремились в проходы, и тут произошла невообразимая свалка. Ее усилило и то, что народ, успевший попасть на внутреннюю площадь гулянья, ничем не огражденную со стороны Всесвятской роши и Ваганьковского кладбища, также бросился к буфетам, навстречу внешней толпе.

Все усилия немногих полицейских, уже появившихся к этому времени, казаков, солдат и жандармов ослабить давку могли помочь только отдельным людям, но предотвратить несчастье было уже невозможно — по единогласным показаниям всех свидетелей, на Ходынке собралось свыше 500 тысяч человек.

Сама раздача угощения продолжалась от двадцати минут до часа, а когда толпа стала редеть, то вся местность у буфетов со стороны Москвы и вдоль Петербургского шоссе оказалась усеянной трупами и изувеченными людьми. Вот как это выглядело по описанию очевидца поручика Московского жандармского дивизиона М. А. Величковского: «По приказу полиции на 18 мая я был назначен в наряд с 20 конными и 50 пешими жандармами. Я приехал с моими людьми в назначенное время, к пяти часам утра. На Ходынском поле толпа была несметная, я хотел добраться с моими людьми до линии буфетов, обращенной к городу, куда я был назначен, но добраться до палаток с поля не было возможности; тогда мы доехали до трибун и въехали на площадь гулянья. Едва мы вступили на площадь гулянья, как началась раздача угощения из палаток; я бросился со своими людьми к буфетам, обращенным к городу, ближе к углу. Давка здесь была страшная, и в первые минуты, когда напор толпы был всего сильнее, никого не было в этом месте, кроме меня с жандармами. Затем я увидел помощника пристава Языкова и еще другого полицейского чиновника... Вслед за ними подошли еще человек сорок казаков, но всего этого было слишком мало, чтобы остановить давку, и люди погибали на наших глазах. Посоветовавшись с казачьими офицерами, мы решили, что изнутри площади гулянья невозможно остановить давку, но необходимо прекратить дальнейший прилив народа от Москвы к палаткам. Для этого я выехал с конными жандармами и с казаками, в числе около сорока человек, через выход у трибун в поле, и, подъехав к буфетам со стороны поля, с большим трудом мы отрезали толпу, напиравшую с поля, от буфетов. Мы проехали шагах в десяти от линии буфетов, обращенной к городу, и таким образом отрезали от буфетов всю громадную толпу, еще стоявшую в поле; от этого теснота около самих буфетов и в проходах сразу уменьшилась; но нас было слишком мало, чтобы надолго сдерживать натиск громадной толпы, и притом на значительном расстоянии. Напор людей был так силен, что они отталкивали и даже валяли лошадей, поэтому народ вновь устремился к буфетам, топча тех, которые падали. На моих глазах было задавлено множество народа, и я с горстью моих людей ничего не мог сделать. Хотя раздача уже прекратилась, но оставалось еще

много народа в поле, которые еще ничего не получили и ломались к палаткам...

Около семи часов утра толпа уменьшилась, но помощи раненым не оказывалось никакой часовой до десяти утра, и тогда же стали убирать трупы. Полиция появилась в значительном количестве только в девятом часу утра».

А вот как выглядит давка в показаниях есаула I Донского казачьего полка В. В. Долгова, побывавшего в эпицентре трагедии. Он командовал сотней, стоявшей у буфетов: «...когда я увидел народ на внутренней площади гулянья, то часть своих казаков я провел через проходы туда. Толпа все пододвигалась ближе и ближе к будкам, подошла к ним, наконец, вплотную и вытеснила казаков и солдат вовнутрь гулянья, так что солдаты стояли в проходах, а казаки стали у будок с внутренней их стороны. Толпа настолько сильно давила на будки, что часто были слышны крики, и люди, успевшие протиснуться как-нибудь в проходы еще до начала раздачи подарков, выходили на внутреннюю площадь гулянья и тут же падали без чувств, все мокрые, так что от них шел пар... Вдруг разом по всей линии началась раздача подарков. Произошла невообразимая свалка, многие падали в проходах, но вначале внутренняя толпа была сдерживаема казаками и солдатами, а затем и она также кинулась к буфетам; тут стали многие из толпы выламывать доски у будок с внутренней стороны гулянья, а артельщикам, чтобы несколько ослабить напор толпы, приходилось выбрасывать узелки, которые и подхватывали на лету...

Тут оказалось много трупов, как в самих проходах, так и возле будок с внутренней и с внешней стороны. Казаки по моему приказанию вытаскивали из проходов еще полуживых людей и клали их около будок, а также отгоняли от них толпу. Когда появились трупы, возбуждение толпы стало усиливаться, стали раздаваться крики, что нет надлежащего распоряжения, вследствие чего и давят людей, что нет докторов и воды. Двое из моих казаков были зашиблены; в одного из них попала брошенная бутылка, а в другого — палка... Когда мы подошли к пивным сараям, то я увидел, что пивные бочки выкинуты из сараев и разбиты».

Трупы находили не только у буфетов, они были рассеяны и в разных местах оврага, изрытого ямами и имеющего на левом склоне колодец. Перед гуляньем все ямы были наскоро забиты досками, которые во время давки проломались, и люди падали в эти ямы. Колодец же в народном сознании сразу стал главным местом гибели людей, и в слухах, ходивших по Москве, количество трупов в нем постоянно увеличивалось — чуть ли не половина жертв Ходынки погибла именно там. Следствию, кстати, так и не удалось найти в этом колодце следов падения хотя бы одного человека.

Всего на Ходынке погибло 1389 человек и примерно столько же получили тяжелые увечья — итог, достаточно впечатляющий.

О происшедшей катастрофе в Москве узнали к вечеру 18 мая. Утром же и днем ничего не подозревавшие москвичи беззаботно веселились на том самом поле, где еще в укромных местах лежали необранные трупы. Известный в литературных кругах Москвы Н. Д. Телешов тоже побывал утром на Ходынке: «Вскоре мы приблизились к месту гулянья, где шумели толпы, гремела

в разных местах музыка, слышались хоровые песни, и нигде как будто не было ничего тревожного или подозрительного.

Гулянье по всему пространству у входа на Ходыньское поле было в полном разгаре; на открытых платформах, повыше зрителей, работали фокусники и акробаты в блестящих мишуриных фуфайках и трико; далее большой хор в ярких национальных костюмах исполнял русские песни, мужчины в парчовых кафтанах, женщины в кокошниках и сарафанах; далее с веселым визгом и смехом взлетали высоко в воздух в пестрых кузовах на качелях молодые девушки и с ними парни. Все поле гудело и пело; ржали лошади у арены состязаний; толпились и бродили беззаботно зрители; в театрах и балаганах усердно звонили к началу, и тут и там гремели оркестры — где струнные, где военные; плясали балетные артисты в красных рубашках и черных безрукавках, в круглых шляпах с павлиньими перьями; пели солисты во фраках и белых перчатках. Куда ни падал взгляд — везде народ, и зрелище, и звуки.

...А далеко от центра веселых развлечений и музыки, под каким-то навесом, довольно длинным (уже не помню теперь подробностей), лежали на спинах мертвые люди с серыми от пыли лицами, с закрытыми и открытыми глазами, большинство в новеньких праздничных одеждах, тут и женщины, молодые и старые, и юнцы, и мужчины, крестьяне и рабочие, бородатые старики и горожане в пиджаках, видимо, служащие. Лежали один возле другого в несколько линий; от солнечных лучей их оберегал навес, не то холщовый, не то брезентовый. Осматривать их дозволялось всем желающим, в целях опознания и раскрытия их имен и адресов».

По Москве до вечера курсировали пожарные и ломовые дроги, нагруженные трупами. Они развозили их по моргам.

Царь узнал о случившемся днем 18 мая. По воспоминаниям генерала А. А. Игнатьева, бывшего в то время молодым камерпажем царицы, вечером того же дня должен был состояться бал во французском посольстве, и он, как и многие другие придворные, «считал, что царь обязательно отменит в знак траура... бал; другие шли дальше и ожидали с минуты на минуту, что нас вызовут к Иверской (часовне), куда царь придет для совершения всенародной панихиды. Но ничего не произошло, и, бродя по залам посольства, я старался успокоить свою совесть предположением, что, видно, царь, исполняя тяжелую обязанность монарха, хочет скрыть от иностранцев наше внутреннее русское горе».

Но так думали немногие. Москва, а за ней и вся Россия, узнавшая буквально на следующий день из газет о катастрофе, была потрясена бездушным поведением царской семьи, сделавшей вид, будто ничего не произошло. Появился ряд язвительных газетных статей, где осуждалась царская фамилия, и, несмотря на запрещения подобных корреспонденций, несмотря на выплаты солидных компенсаций пострадавшим и семьям погибших на Ходыньском поле (в Москве на улице Покровка — ул. Чернышевского, был еще и построен специальный приют для детей погибших), несмотря на создание Следственной комиссии, нашедшей козла отпущения в лице А. А. Власовского, это уже никого не удовлетворило — тем более что работа комиссии закончилась только отставкой обер-полицеймейстера, других же виновников, как всегда, не нашли...

КОНКУРС

ДНОГО
СТИХОТВОРЕНИЯ
ПРЕДСТАВЛЯЕМ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ

98

АЛЕКСАНДР ДИКУСАР,
архитектор, Владивосток

—

*Я — сонмище людей, прошедших сквозь меня,
умерших и живых, великих и ничтожных.
Ты слышал, как ключи над городом звенят,—
не каждый может петь и вылезать из кожи.
Налево по полям раскатывает снесь.
Направо красота на серых плитах дремлет.
Сломается твой дух — забудешь, кто ты есть
и для чего пришел, мальши, на эту землю.
Нет хуже ничего, когда себя крадем,—
нас покидает Бог, и радуются черти.
Не слушай никого, иди прямым путем —
там правда и борьба, и слава, и бессмертье!*

—

*Есть счастье тихо плыть, себя
обняв руками,
сморкая вострый нос и глазками дрожа,
когда вокруг пожар, и драка с пирогами,
и ключья парусов пылают на ножах.*

Есть вера — ровный слог поверх
всего, что дышит.
Улыбка грустных вод — сургучная печать
на белые уста, где память все услышит
и где от скверных глаз укроется свеча.

≡
Кто может рассказать, зачем все это было,
куда она, душа, так бешено рвалась?
Влюбленные глаза, и влажная могила
и ветер на часах — чудовищная связь!
Взываешь к небесам и таешь, леденя
от холода его божественной руки.
Пустая трата сил — вот все, что

мы имеем,
напрасно изводя мозги и языки.
В желаньях, как в сетях, барахтается чудо:
ты раб своих друзей, тиран своих родных.
Посредственность спешит поправить
нас, покуда,
как дорогих гостей, мы принимаем их.
Мой крест! Моя судьба! Бегу я прочь,
но знаю —
везде одно и то же, — вельможи и кроты,
одни играют мир, другие мир играют
и ползают во тьме, не закрывая рта.
Где смысл, глупый червь? Где истинно
блаженство?

Снаружи и внутри ломание и зуд:
театр чепухи с карикатурой жестов
и голова-поднос, которую несут.
Закованная злом, трясется от рыданий,
довольная рука лежит на петухе,
у толстого всегда найдутся оправданья
и золотым очкам, и сытой требухе.
Детишки сели в круг, им головы морочат.
Хрустящая река воротников и шуб.
И роза в синяках после разгульной ночи
рассеянно несет опухший фантик губ.
Я вздорный пешеход. Для всех, идущих мимо,
не более чем снег, летящий к облакам,
материя-фантом из розового дыма,
которую поймать умеет лишь строка.
Я загнанная цепь смешных причин и следствий,
не ждущая дверей у равнодушных стен,
единственное, что я передам в наследство, —
умение дерзить и думать на листе,
и, лежа на краю, дыханье этой ночи
пить легче и светлей неведомых даров,
и, может быть, цветок, прорвавший оболочку,
дотянется рукой гармонии миров.

Опыт — мастер спокойных
и точно отмеренных слов.
Липы тонут в цветах под веселые трели
пернатых,
и угрюмо сидит у пруда потрясатель основ,
по траве разбросав дорожие ненужные латы.

Тучи пыли и стоны изрубленных в щепки дорог,
колыханье идей,
извращенных до писка претензий.
Ты все Бога искал, ненормальный,
так вот же он,
Бог,— в деревянной коре
и в любовном нектаре гортензий.

ВЛАДИМИР ПЕНЬКОВ,
служащий, Москва

До геркулесовых столпов
Дойду — тогда и помолюсь!
Тогда, быть может, и поверю в Бога.
Тогда. И если не свалюсь
В горячке белой у порога...

Соединив усилье линий,
Рванется пленная спираль.
Как брызги, разлетится время,
И на мгновенье станет жаль
Дорогу, движущую племя
До геркулесовых столпов.

Дойду, тогда и помолюсь.

Белая птица,
Вьюга,
Коснулась меня крылом.
Как по-щеничьей упруга
Осень
Во взгляде твоём.
В нем утомленная проседь
С ним холостячка свеча.
Спи,
Моя рыжая осень.
Спи!
Это было вчера.

Сердце зайдетса,
Пожалуй,
Только в ладошках зари,
Там,
Где лиловым пожаром
Бредят в снегу снегири.
Белые птицы —
Вьюги,
Осень в зрачках янтаря.
Господи,
Эти руки —
Два отшумевших крыла.

Тучи...
Кончилось господство света.
Тени —
Это пришлых голоса,
Свечи —
На поминках у поэта.
Небо...
Отчужденные глаза.

Суета ютилась в пуле,
Мир теснился в черный круг.
Умирая, звезды в ульях
Вешались на лунный крюк.

И в пустом небесном теле,
Свесив голову на грудь,
Семена бумажным змеем
По тропинкам Млечный Путь.

ДМИТРИЙ ТОНКОНОГОВ,
студент, Москва

СТОРОЖ

Польный гроб зарыт глубоко.
Вдоль ограды одиноко
Сторож ходит, глух и слеп.
Тишины зловецей склеп.

И летит большая птица,
На плечо ему садится.
У могилы дремлет ель:
Мудрых дум виолончель.

Тьма в гробу вся задохнулась,
Солнце в тучу окунулось.

*Робко трогает старик
Птичий клюв и птичий крик.*

*Между мыслей нет просвета.
Он от Бога ждет ответа.
Уши старца так глухи,
Что рождаются стихи.*

*Тишина в гробу распалась,
Ничего в нем не осталось.
Тишина, особый звук,
Облетела сотый круг.*

*И старик подумал: «Боже!
До чего же я ничтожен,
До чего же одиноко».
Но покинуть пост не мог.*

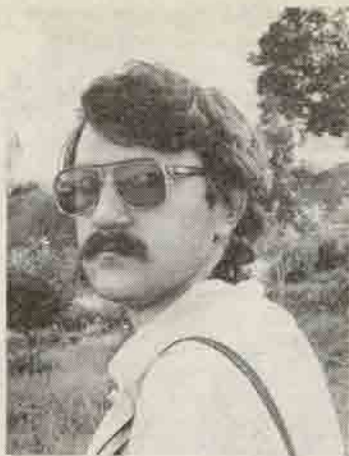
*Люди падают, как листья,
Но воскреснет, смерть поправ,
Обладатель странных истин,
Дух колеблющихся трав.*

*Если вы не умирали
И не пробовали жить,
В этом случае едва ли
Вас удастся рассмешить.*

*Где ты, строгий композитор,
Душ оглохших инквизитор?
Но спираль его музыки
Распадается при крике.*

*Штормы в море солипсизма.
Жизнь, как женщина, капризна,
Но как можно обижаться
Нам на кошку, если кошка
Станет с чашкою сражаться
И толкнет ее с окошка?*

**АЛЕКСАНДР
ГРАЩЕНКОВ**
Фото автора

ПОД ЗНАКОМ РЫБ

После журфака МГУ я пополнил славный хор певцов «советского образа жизни» агентства печати «Новости». Но, как утверждают астрологи, рожденные под знаком Рыб натуры противоречивы: две рыбы в созвездии, плавающая в разных направлениях, определяют двойственность характера. Стоило мне познакомиться с творчеством французского фотографа Анри Картье-Брессона, как принцип «решающего мгновения» стал решающим поворотом в творчестве. Но метод социального репортажа в агентстве ругательно назывался «правдой жизни», «чернухой» и изгонялся, как ересь. Например, фотографию «Любители пива» я малодушно прятал подальше от глаз редактора, дабы не быть уличенным в инакомыслии. Впрочем, это не проходило бесследно для меня самого. Работа по шаблону деформировала меня в угоду идеологической системе. Не только я делал снимки, но и мои фотографии создавали меня.

Первое кровопускание сытой души произошло в Афганистане в 1985 году. Там стыдно было врать...

Когда «фоточернуха» стала модной в наших изданиях, я не ощутил особого подъема, напротив, из глубины души поднялась вторая рыба, светлая и жизнеутверждающая. Высшую для фоторепортера награду «Золотой Глаз» конкурса «Уорлд-Пресс-фото» я получил в категории «Счастливое событие», а за фоторассказ о самом несчастливом событии — землетрясении в Армении — премию Союза журналистов СССР.

Наверное, моя главная тема — это повседневная жизнь — противоречивая, двойственная, непредсказуемая и именно поэтому интересная.

Учреждение общества трезвости
в Ульяновске, 1988 г.

Прогулка с папой.

Сварщик. (Норильск)

В. Высоцкий и Е. Евтушенко, 1978 г.

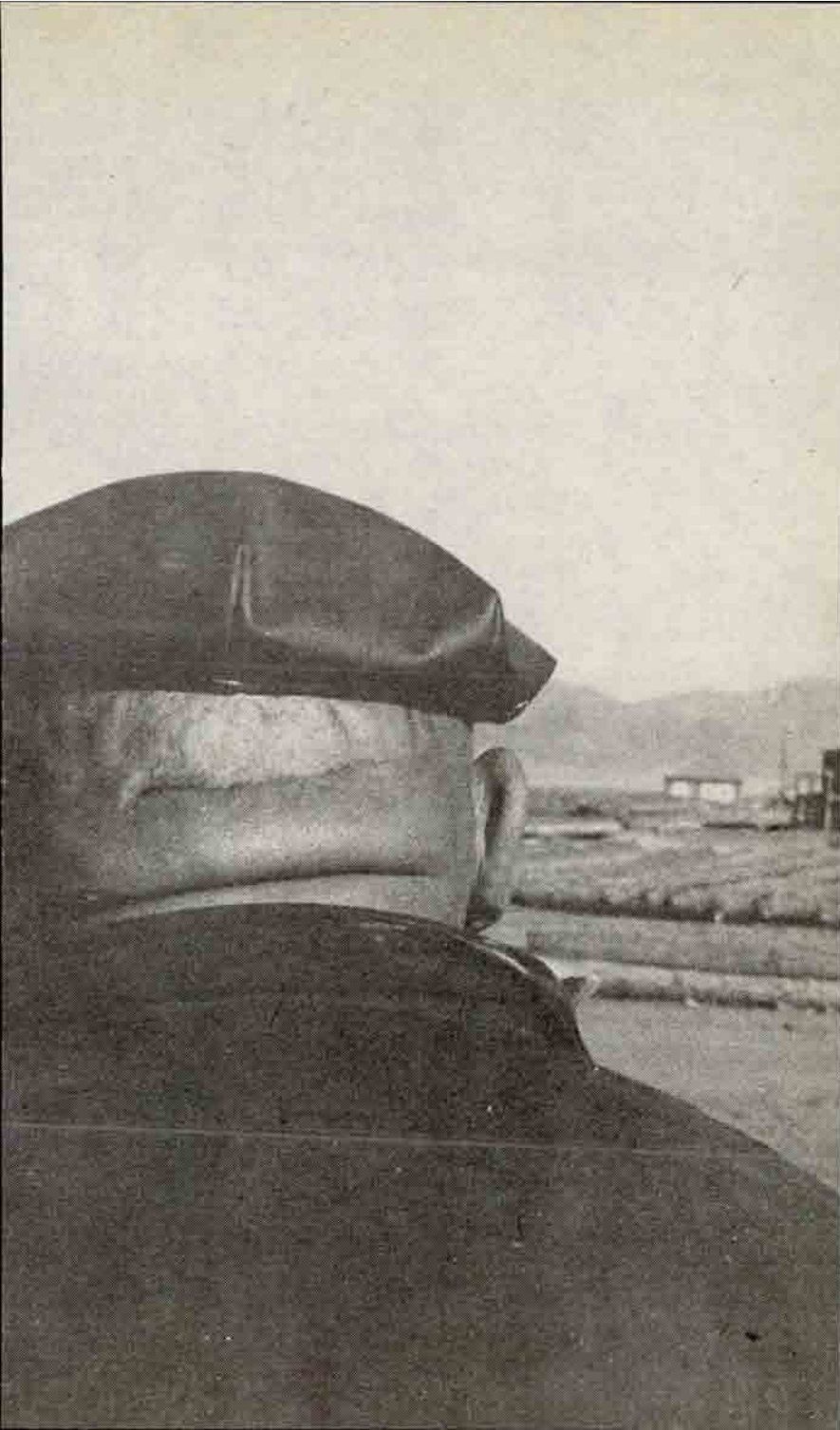
Цыган.

Старик из племени Белуджи. (Афганистан, 1987 г.)

«Хозяин»...

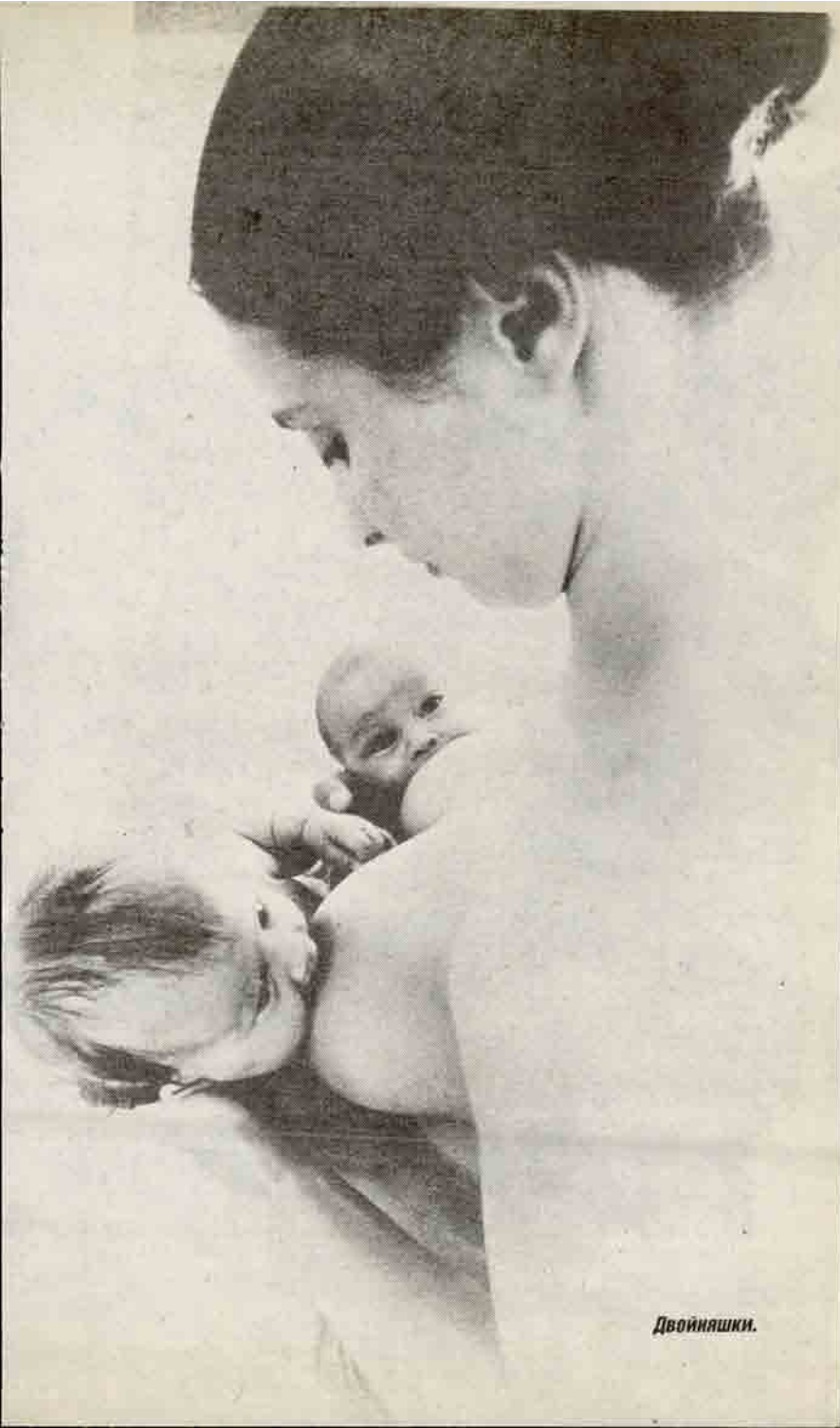

Любители пива.

Поздняя осень.

Двойняшки.

ГРЕГОРИ МАКДОНАЛД

СОЗНАВАЙТЕСЬ,

ПРЕДУ

Рисунки ИГОРЯ ГОЧЛАРУКА

Флетч раздумывал над тем, где бы ему поужинать, когда в дверь позвонили.

— О Боже,— выдохнул он, открыв дверь.

В холле, среди чемоданов, стояла графиня ди Грасси.

— Вы сказали восемнадцать — двадцать миль! Вы живете гораздо ближе.

— Я уже говорил об этом.

— Вы все время лжете, Флетч,— она попыталась, не прилагая, правда, особых усилий, поднять один из чемоданов, самый большой.— В вашем доме такой мильный швейцар. Он позволил мне подняться.

— Сильвия, что вы тут делаете?

Даже холл между квартирами она смогла превратить в сцену.

— Вы сказали, что «Риц» мне не по карману,— глаза широко раскрылись, переполненные беспомощностью, руки заметнулись вверх и в сторону.— Вы оказались правы. Они дали мне счет.

— Вы заплатили?

— Разумеется, заплатила. Вы думаете, графиня ди Грасси — мошенница? Все, кто может, грабят графиню ди Грасси. Графиня ди Грасси не грабит никого!

Флетч все еще загоразживал дверной проем.

— Почему вы приехали сюда?

— А куда мне ехать? Как, по-вашему? Почему графиня ди Грасси должна снимать номер в дорогом отеле, когда ее зять живет за углом в отличной квартире?

— Я не ваш зять, слава тебе, Господи.

— Вы женитесь на Энди и станете моим зятем. Войдете в семью ди Грасси. Я — графиня ди Грасси!

— Я слышал,— он отступил на шаг.— Кем же я вам буду приходиться? Приемным зятем?

— Не путайте меня с вашим американским английским.

— Я? У меня и в мыслях такого не было.

Она протиснулась между Флетчем и косяком. Флетч закрыл дверь, оставив багаж в холле.

— Очень мило,— Сильвия оглядела гостиную, заглянула в кабинет.— Отличная квартира. Отличная.

— Сильвия, есть же другие отели.

— Не для графини ди Грасси. Она может останавливаться только в самом лучшем. Что бы сказал бедный Менти, узнав, что графиня ди Грасси поселилась в клоповой дыре?

— Думаю, он сказал бы: «Слава Богу. Я оставил мизерное наследство».

— Он оставил не мизерное наследство. Он оставил прекрасное наследство. Мои картины!

— В городе полно приличных отелей, Сильвия!

— Приличных? Да у вас что-то с головой, сукин вы сын. Приличные отели не для графини ди Грасси.

— Понятно.

Она взмахнула руками, чтобы привлечь внимание к кольцу с крупными бриллиантами на пальце.

— Итак, где моя комната?

— Сильвия, вы пришли сюда не для того, чтобы приглядывать за мной, не так ли?

— Приглядывать за вами? Пусть за вами приглядывает дявол!

— Видите ли, я не имею никакого отношения к вашим картинам. Я ничего не знаю о ваших картинах, — Флетч репид, что самое время повисить голос. — Я пишу книгу о творчестве одного американского художника, и вы будете мешаться у меня под ногами!

— Еще как буду мешаться! — едва ли кто мог перекричать уроженку Бразилии, побывавшую замужем за французом и итальянцем. — Вы не сделаете ни одного шага без моего ведома! Чего мне сидеть в отеле? С таким же успехом я могла быть в Риме! В Ливорно! Я прилетела сюда не для того, чтобы угостить вас коктейлем и отправиться обратно. Я здесь, потому что мне нужны мои картины!

— Сильвия, я ничего не знаю о ваших картинах, — повторил Флетч.

— Пусть так. Где моя комната? Пусть слуги занесут багаж.

— Сильвия, тут нет слуг.

— Нет слуг! Вечно вы ждете. А кто намерен подходил к телефону? Женщина, которая зацемила ресницы дверцей холодильника!

— О Господи!

Графиня ди Грасси прошествовала к спальням, зажигая все лампы.

Флетч все еще стоял в прихожей, когда зазвонил телефон.

Он снял трубку в кабинете.

— Это вы, мистер Флетчер?

— Да.

— Говорит мистер Хорэн, из Галереи Хорэна.

— О, слушаю вас.

— Извините, что беспокою в пятницу вечером, да еще после семи часов, но спешу сообщить вам хорошие новости. Мне удалось найти интересующую вас картину «Вино, скрипка, мадемуазель».

— Это прекрасно.

— Я переговорил с ее нынешним владельцем. Как, полагаю, многим из нас, ему не хватает наличных, и он обрадовался, узнав, что кто-то проявляет интерес к его картине. Я обратил его внимание, что он может назначить несколько более высокую цену, поскольку покупатель ищет именно эту картину. Во всяком случае, намекнул, что он получит меньше, продав ее кому-нибудь.

— Я надеюсь, он не потребует невозможного.

— Нет, нет. Это обычный элемент переговоров о купле-продаже. Но, разумеется, положение продавца всегда предпочтительнее, если первый шаг делается покупателем. Вы понимаете?

— Разумеется.

— Разница будет незначительной. Если после осмотра картины ваши намерения не изменятся, я сделаю все, что в моих силах, чтобы цена оказалась приемлемой.

— Скажите, мистер Хорэн, где сейчас картина? — на том конце провода явно медлили с ответом. — Кто ее нынешний владелец?

— Обычно я не отвечаю на такие вопросы. Это конфиденциальная информация.

Флетч молча ждал.

— Впрочем, в данном случае я не разглашу никакого секрета. Картина принадлежит некоему Коуни. Он живет в Далласе, штат Техас.

— Техас. Техас по-прежнему не теряет позиций в живописи?

— В Техасе несколько превосходных частных коллекций. Мистер Коуни не стремился собрать большую коллекцию. Хороших картин у него с десятков, не больше, в том числе и эта. Банк «Барклоу» в Нассау подтвердил вашу кредитоспособность. И я попросил мистера Коуни прислать картину для осмотра. Самолетом. Ее доставят в Бостон к утру.

— Картина прибудет в Бостон?

— Она уже в пути. Я пытался дозвониться вам днем. Надо отметить, я потратил немало времени, объясняя мистеру Коуни, как упаковать и застраховать картину.

— Я очень удивлен, что картина отправилась в столь далекое путешествие.

— Ну, я и сам хочу взглянуть на нее. Если это подлинник, в случае вашего отказа я, возможно, куплю ее сам или предложу другому покупателю. Как только владелец преодолевает психологический барьер и видит в картине не произведение искусства, а товар, который можно выгодно продать, а именно это превращение произошло с мистером Коуни сегодня, на первый план выступает брокер и делает все, чтобы максимально ускорить заключение сделки.

— И вы обо всем договорились по телефону?

— О, да. В Техасе меня знают.

— Чудесно. Что еще вы можете сказать мне о мистере Коуни?

— Практически ничего. Меня вывел на него куратор Далласского музея, мой друг. Он знал, что у Коуни есть картина Пикассо, но никогда не видел ее. Я позвонил мистеру Коуни вчера вечером и спросил, ему ли принадлежит картина «Вино, скрипка, мадемуазель» кисти великого мастера. Кажется, он выронил из рук бутылку бербона. Но ответил утвердительно. Я сказал, что у меня есть на нее покупатель. Он попросил дать ему ночь на размышление. Насколько я понимаю, у него в Техасе большое ранчо. А в семье восемь детей.

— Поэтому ему и нужны зелененькие, да?

— В любом случае, мистер Флетчер, завтра утром, когда вы придете ко мне, — половина десятого не слишком рано? — мы вместе сможем взглянуть на картину и, возможно, назвать мистеру Коуни нашу цену.

— Да. Время меня устраивает. Так вы говорите, картину привезут ночью на самолете?

— Именно. Если не случится ничего непредвиденного. Если ее не доставят ко мне рано утром, я вам позвоню. Но я уверен, что все будет в полном порядке.

— Хорошо, увидимся утром,— и Флетч положил трубку на рычаг.

Сильвия возникла в дверном проеме.

— С кем вы увидите утром?

По крайней мере она не подслушивала по параллельному телефону в спальне.

— Я должен увидеться с одним человеком насчет лошади.

— Лошади Дега?

— Нет, Сильвия. Речь пойдет о пинтоу*.

— Что такое «пинтоу»? Нарисованная лошадь, да?

Она уселась в кожаное кресло.

— Как насчет моего обеда?

— А что?

— Слуг нет. Вы же не намерены обречь меня на голод, Флетч? Я — ваша гостя.

— Совершенно верно,— кивнул Флетч.— Вы никогда не пробовали приготовленные мною блюда?

— Вы умеете готовить?

— Еще как! Пальчики оближешь! — Он поцеловал кончики своих пальцев.— Лучше, чем в «Рице». Давайте подумаем. Начнем с нарезанного кресс-салата, да? Паштет из куриной печени, запеченный в тесте. Хорошо! Омар по-американски! Потом, разумеется, фрикасе из цыплят по-индейски с зеленым горошком. Что может быть лучше, а? А на десерт шарлотка «шантилья» с малиной! Великолепно! — Он озабоченно глянул на Сильвию.— Вы согласны с таким меню, графиня?

— Звучит неплохо.

— Конечно, потребуется время, чтобы все это приготовить.

— Я привыкла обедать поздно. С удовольствием посмотрю, как вы готовите.

— Я бы предложил вам что-нибудь выпить, но до обеда как-то не решаюсь.

— И правильно. До обеда я ничего пить не буду.

— Вы пока посидите здесь, а я пойду на кухню.

Флетч пересек прихожую, потом кухню, через дверь черного хода вышел на лестницу, спустился вниз, побежал к гаражу на Речной улице. Не теряя времени на изучение карты города, поехал к дому 60 по Ньюбери-стрит знакомым маршрутом, мимо собственного дома. Двое полицейских в штатском, сидящих в машине напротив подъезда, даже не посмотрели в его сторону. На всякий случай Флетч, проезжая мимо, почесал левый висок.

Он свернул налево, на Арлингтон-стрит, затем направо — на Ньюбери. Остановил автофургон во втором ряду у маленькой закусочной, заказал два сэндвича, пару бутылок «пепси», два стаканчика кофе. Нашел место у тротуара наискось от Галереи Хорэна. Втиснул фургон меж двух машин, выключил габаритные огни и двигатель и приготовился ждать.

* Пегая лошадь.

Только тут Флетч понял, что погорячился, выскочив из квартиры в одном пиджаке. В кабине становилось все холоднее.

Не прошло и двадцати минут, как распахнулись ворота гаража дома 60, и на Ньюбюри-стрит выкатился «роллс-ройс» с зажженными фарами.

Шестидесятилетний дворецкий, или служащий галереи, возможно, его должность называлась иначе, закрыл ворота.

По Ньюбери-стрит разрешалось движение только в одну сторону, на запад, и «роллс» поехал именно туда. Следом за ним тронулся с места и Флетч. Друг за другом они проехали несколько перекрестков, добрались до конца Ньюбюри-стрит.

Хорэн не превышал положенных пятидесяти пяти миль в час. Остановился у контрольного пункта, заплатил за проезд и поехал дальше. Не доезжая второго контрольного пункта, свернул направо. Флетч прочитал на указателе: «УЭСТОН, 128 СЕВЕР/ЮГ». На выезде из развилки их ждал очередной контрольный пункт. К нему Флетч подъехал по другой полосе практически одновременно с Хорэном. Замешкался, словно не мог найти мелочь, и дождался, пока Хорэн не выедет на Уэстон-роуд.

Дорога вилась меж полей, клубов для гольфа, старых фермерских домов, более современных загородных дач, поднималась на пологие холмы, возвращалась на равнину. Флетч не отпускал «роллс» более чем на сто пятьдесят метров, внимательно следя за его задними огнями.

После очередного поворота огни исчезли. Тут же сбавив ход, Флетч увидел, что «роллс» свернул на проселок, слева от шоссе. Флетч проехал следующий поворот, остановил автофургон. Заглушил двигатель, но оставил включенными габаритные огни. Побежал назад, к проселку, на который, как ему показалось, свернул Хорэн. На почтовом ящике прочитал: «МИЛЛЕР».

В доме по его левую руку зажглись огни. Флетч прошел по шоссе до следующего поворота. На почтовом ящике значилось «ХОРЭН».

Флетч перешел на другую сторону шоссе. Вдоль него тянулся сплошной забор высотой за два метра. Но, не пройдя и десяти шагов вдоль забора, Флетч обнаружил пролом, перегороженный ржавой железной цепью.

Он вернулся к фургону, подогнал его задом к пролому, уперся задним бампером в цепь, погасил подфарники и дал задний ход. Цепь тут же лопнула.

Флетч загнал фургон за стену, маневрируя, поставил его так, чтобы, находясь под прикрытием кустов, видеть съезд к дому Хорэна.

В темноте съел сандвич и выпил стаканчик кофе.

В доме Хорэна погасли огни. Без четверти двенадцать отправились на покой и хозяева соседнего дома.

В половине второго Флетч ступил на проселок, ведущий к дому Хорэна. Луна появлялась и исчезала за бегущими по небу облаками. Пройдя узкую полоску леса, Флетч вышел на лужайку перед домом. Трехэтажный особняк производил впечатление. В лунном свете белел шифер крыши. Флетчу пришлось пересечь усыпанную гравием дорожку. Предварительно он снял туфли.

Гараж примыкал вплотную к дому. За ним располагался навес для сельскохозяйственной техники. Самой техники не было. Чувствовалось, что рука человека давно не прикасалась к тянущемуся за домом огороду.

Флетч внимательно осмотрел окна. Все, включая кухонные, были оборудованы датчиками системы охранной сигнализации. За огородом начинался лес.

Флетч вернулся к фургону, съел сэндвич, запил его вторым стаканчиком холодного кофе. К половине четвертого он так замерз, что решил заглянуть в грузовой отсек фургона в надежде найти какое-нибудь одеяло, хотя и знал, что ничего там нет. На его счастье, маляры забыли в грузовом отсеке полотно брезента. Краска на нем уже высохла.

Вернувшись в кабину, Флетч закутался в брезент. Когда занялась заря, он уже согрелся.

Зарядил дождь, стекающая по стеклу вода затрудняла наблюдение. Флетч повернул ключ зажигания и с интервалом в несколько минут включал щетки.

В четверть девятого к выезду на шоссе подкатил «роллс» Хорэна. Флетч мог рассчитывать, что за пеленой дождя и кустом Хорэн его не заметит.

«Роллс» повернул направо и без задержки тронулся в обратный путь.

После того как Хорэн скрылся за поворотом, выехал на шоссе и Флетч. Следом за Хорэном он добрался до дома 60 по Ньюбери-стрит. Остановившись за несколько домов, увидел, как по гудку Хорэна дворецкий открыл ворота. «Роллс» задним ходом въехал в гараж, ворота захлопнулись.

Часы показывали восемь пятьдесят. В эту субботу в Бостоне шел дождь.

В четверть десятого Флетч подъехал к аптеке, по соседству с закусочной. В первой купил безопасную бритву, лезвие, крем для бритья. Во второй — стаканчик чая. В кабине фургона выбросил из стаканчика пакетик с чаем, побрился с помощью бритвы, лезвия, брезента, крема и горячей воды.

В половине десятого Флетч уже звонил в дверь Галереи Хорэна.

Глава 21

Картина Пикассо стояла на мольберте в кабинете.

— А, доброе утро, мистер Флетчер. Мокрое утро.

— А я вот выскочил из дома без плаща, — вину за собственный неопрятный вид пришлось возложить на погоду. — И такси, как назло, подъехало не сразу.

— В дождь их никогда не поймаешь, — сочувственно покивал Рональд Хорэн в прекрасно спитом, идеально отглаженном костюме. — Ну, вот и она.

Флетч замер перед картиной.

Чертовски глупое название, но как назвать картину иначе, чем «Вино, скрипка, мадемуазель»? Базисная форма, повторенная трижды, каждая последующая охватывала предыдущую.

В центре — тот камень, от которого, словно по воде, пошли круги.

— Великолечно, — выдохнул Флетч.

— Полагаю, я могу гарантировать подлинность.

— У меня нет слов.

— Меня гложет любопытство. Почему вы хотите купить именно эту картину?

— Я видел ее слайд на маленькой выставке в Кане, вскоре после смерти Пикассо. Среди множества других слайдов. У меня сложилось впечатление, что это ключевое произведение кубизма, более других соответствующее именно этому направлению живописи.

Хорэн, задумавшись, вглядывался в полотно.

— Возможно, вы правы.

— Но давайте не скажем об этом мистери Коуни, — Флетч обошел мольберт. — Все в порядке. Картина прибыла без повреждений?

— Никаких повреждений, — Хорэн подошел поближе. — И, смею добавить, по-моему, это подлинная рама. Хотя, возможно, я и ошибаюсь.

— Вы сами привезли ее из аэропорта?

Хорэн уклонился от ответа.

— Я намекнул мистери Коуни, что мы свяжемся с ним сегодня утром. Хотя это и необязательно. Все зависит от вас.

— Что бы вы мне посоветовали?

— Вы могли бы начать с шестисот пятидесяти тысяч долларов.

Флетч отошел к креслу, из которого он мог видеть и картину, и Хорэна.

— Вы говорили, мистер Коуни не является активным коллекционером.

— Да, коллекция всего лишь его хобби, — кивнул Хорэн. — В прошлом году или годом раньше я покупал у него одну или две картины. Обе оказались подлинниками.

— За последние два года вы купили у него еще две картины?

— Мистери Коуни незачем заботиться о своей репутации, как, скажем, музею или профессиональному торговцу произведениями искусства, но то, что он продал, во всяком случае, через эту Галерею, не вызвало никаких нареканий.

Высокий, стройный, эlegantный, с благородной сединой в волосах, Хорэн заходил по ковру, заложив руки за спину, терпеливо ожидая ответа.

— Меня интересует происхождение этой картины, — сухо заметил Флетч.

— А! — Хорэн сразу оживился. — Я не уверен, что смогу удовлетворить ваше любопытство.

— Не сможете?

— Видите ли, во многих частных сделках не спрашивают, откуда взялось у продавца то или иное произведение искусства, — в Хорэне вновь проснулся лектор. — Особенно в таких случаях, как наш. Сведений о существовании этой картины не существует. Я по крайней мере ничего не нашел. Что более

важно, нигде не отмечено, что эту картину вывезли из какой-либо страны и переправили в Штаты. Государства, с их налогами и разными ограничениями, с растущей заботой о сохранении национальной культуры, в наши дни ревностно следят за провозом через границы всего того, что является, по мнению чиновников, национальным достоянием.

— Я знаю. Поэтому мне важно знать происхождение этой картины.

— Да, понимаю. Вы живете в Италии, не так ли?

— Иногда.

— Разумеется, мы можем прямо спросить мистера Коуни.

— Вы не задали ему этого вопроса?

— Я знаю, что услышу в ответ.

— Позвольте мне. Он скажет, что приобрел картину у уважаемого торговца произведениями искусства в Швейцарии. Было это давно, поэтому фамилию он запомнил.

— Да, — Хорэн весь лучился, словно услышал удачный ответ серенького студента. — Я полагал, что услышу от него именно это.

— А в Швейцарии уважаемых торговцев произведениями искусства больше, чем французов во Франции. И все вместе они составляют национальную культуру страны.

— Вам, насколько я понимаю, известно, что швейцарские торговцы редко подтверждают факт продажи.

— Я думаю, вы должны спросить мистера Коуни.

— Мы обязательно спросим, — заверил его Хорэн.

— Я хочу знать, кто продал картину мистеру Коуни и ее историю.

— Вполне возможно, что вы не получите внятного ответа, мистер Флетчер.

— Все равно, я считаю себя обязанным задать этот вопрос.

— Обязанным перед кем? Вы же говорили, что никого не представляете.

— Прежде всего перед собой, а также перед теми деятелями культуры, кто не забывает о своем долге. Я поражен, что вы прежде всего не выяснили происхождение картины.

Под серебряными висками Хорэна зарделись пятна румянца.

— Наверное, вы не представляете себе, мистер Флетчер, сколь обыденна данная ситуация. Искусство — международный язык. И международная валюта. И рынок произведений искусства по своей природе международный. Он не может признать юрисдикции национальных границ. А государства все более суют свой нос в вопросы, выходящие за пределы их компетенции. Люди должны настаивать на невмешательстве в их личные дела, особенно, когда речь идет об эстетике.

— Да, конечно.

— Вы, я уверен, помните о потоке произведений искусства, хлынувшем из Британии в конце 1975 года в результате невероятных ошибок лейбористского правительства. Вы, полагаю, встали бы на сторону их владельцев?

— Во всяком случае, мне понятны их мотивы.

— Вполне возможно, хотя и необязательно, что «Вино, скрип-

ка, мадемуазель» попала к мистеру Коуни из Британии.

— Возможно, что и нет. В любом случае, мистер Хорэн, я должен обезопасить себя.

— Мой дорогой мистер Флетчер! Вы защищены. Полностью защищены. Вы же не новичок в этом деле. После дополнительного осмотра я без малейшего колебания подтвержу подлинность картины. Если вам нужно второе подтверждение или даже третье, это можно устроить в течение нескольких дней, а то и часов.

— Очень хорошо.

— Вы купите картину через Галерею Хорэна в Бостоне, с соответствующими документами. У меня безупречная репутация, и мои решения никогда не оспаривались. Если кто-то и спросит меня, в чем я сильно сомневаюсь, я без малейшего колебания скажу, что продавец картины — мистер Коуни из Далласа, штат Техас. Если спросят его...

— ...он ответит, что приобрел картину в далеком прошлом у уважаемого торговца в Швейцарии, — закончил фразу Флетч. — А уважаемый торговец, если Коуни и вспомнит-таки его фамилию, откажется подтвердить факт продажи, на что имеет полное право, будучи гражданином Швейцарии.

— Благослови, Боже, швейцарцев. У них еще осталось какое-то понятие о неприкосновенности личной жизни граждан, хотя и там оно начинает размываться.

— Все это я понимаю, мистер Хорэн.

— Тем не менее я уверен, что никто не оспорит вашего права на картину после ее покупки.

— И все-таки я хочу получить точный ответ на мой вопрос. Я хочу знать, где мистер Коуни приобрел картину, пусть даже он не сможет представить какой-либо документ.

— Вы, конечно, правы, мистер Флетчер. Мы должны задать этот вопрос. Но одновременно я должен назвать мистеру Коуни вашу цену.

Хорэн подошел к столу, чтобы взять телефонную трубку. Флетч едва расслышал приглушенный звонок.

— Слушаю. Да, это мистер Хорэн... Кто хочет со мной говорить?... Нет, нет... Не желаю я говорить с Чикаго... Это третий звонок за сегодняшнее утро из «Чикаго трибюн»... Я уже говорил, что все это чушь... Как ваша фамилия?... Мистер Поток?... Мне уже звонили два ваших репортера, мистер Поток. Сколько раз я должен повторять одно и то же?... Я не дарю и не собираюсь дарить картину чикагскому музею... Что значит, какую картину я не собираюсь дарить? Мой Бог... Понятия не имею, почему об этом написала бостонская газета. Наверное, это «Стар». Я не читал заметки. Держу пари, написал ее идиот-критик Чарльз Уэйнрайт, который вечно все путает... Послушайте, мистер Поток, я не дарю картину чикагскому музею. Я никогда не собирался дарить картину чикагскому музею... Что вы хотите этим сказать? Я ничего не имею против чикагского музея... Мистер Поток, мое терпение лопается. Заметка эта — чистая ложь. Пожалуйста, больше мне не звоните.

Хорэн положил трубку и вышел из-за стола.

— Какая-то бестолковая бостонская газета написала, что

я собираюсь подарить картину чикагскому музею.— Хорэн покачал головой.— Абсолютное вранье. И откуда они только такое берут?

— Пресса у нас непредсказуема,— посочувствовал Флетч.

— Мы обсуждали цену.

— Да. Обсуждали. Я думаю, мы можем предложить мистеру Коуни двести семьдесят пять тысяч долларов.

Хорэн аж отпрянул назад, словно ему отвесили оплеуху.

— Едва ли он согласится.

— Я знаю. И, разумеется, готов заплатить больше. Но скажите мистеру Коуни, что меня очень беспокоит происхождение этой картины.

— Я сомневаюсь, что он продолжит переговоры, получив такое предложение.

— Возможно, продолжит. Посмотрим.

Глава 22

— Кто там?

— Большой, подгнивший гранат.

Часы показывали половину двенадцатого. По пути из Галереи Флетчу пришлось завернуть к магазину хозяйственных товаров. Там он купил отвертку, клещи и маленькую банку машинного масла. Все покупки он оставил в фургоне.

Поставив его в гараж на Речной улице, Флетч вернулся домой черным ходом. Разумеется, он забыл, что по субботам в квартиру приходит миссис Сэйер. Дверь она, естественно, заперла.

— Уходите,— крикнула миссис Сэйер через дверь.— По субботам мусор не забирают.

— Это я, мистер Флетч. Пожалуйста, откройте, миссис Сэйер.

— Что вы там делаете?

Она сдвинула оба засова, открыла дверь.

— Вы только посмотрите на себя! Прошляться всю ночь! И где ваше пальто? Вы насквозь промокли.

— Доброе утро.

— В вашей постели спит европейская графиня, а вас нет дома!

— В моей постели?

— Она называет себя графиня дель Гасси.

— Меня это не удивляет.

— Я никогда не видела столько багажа. Или она приехала навсегда?

— Она спала в моей постели?

— Разве не вы положили ее туда?

— Нет. Где она?

— Сказала, что пойдет за покупками. Потом она собиралась зайти в музей и в какие-то художественные галереи.

— Отлично.

— Я ее покормила, и она ушла. Милосердный Боже, какая же она была голодная. Мне уж подумалось, что ее месяц морили голодом.

— Возможно, вы не ошиблись,— теплая, светлая кухня рази-

тельно отличалась от темной, сырой, холодной кабины автофургона. — Я весь мокрый.

— Глядя на ваши волосы, можно подумать, что вы всю ночь были в тоннеле в копне сена. Может, этим вы и занимались? Хотите поесть?

— Конечно, хочу. А где вещи графини?

— Увидите сами. По всей квартире. Я еще не встречала более властной женщины. Она говорила со мной, как сержант — с новобранцем.

— Вас не затруднит перенести вещи графини в комнату для гостей? И закройте дверь. Покрепче.

— Я не уверена, что они поместятся в одной комнате. Вам приготовить завтрак или ленч?

— Мне без разницы. Между прочим, где тут телефонный справочник?

Приняв горячий душ, Флетч сел на кровать и начал пролистывать телефонный справочник.

Люси Коннорс в нем не значилась. Зато он нашел телефон Марши Гауптманн. Жила она на Фентон-стрит.

Он набрал номер. Трубку сняли после четвертого гудка.

— Слушаю.

— Добрый день. С вами говорит Мартин Хед из журнала «Трэ»*. Миссис Коннорс дома?

— Одну минуту, — ответила, как уже понял Флетч, мисс Гауптманн.

— Слушаю, — послышался в трубке другой голос.

— Миссис Коннорс, я — Мартин Хед из журнала «Трэ». Пытаюсь дозвониться до вас всю неделю.

— Зачем?

— Миссис Коннорс, я буду очень признателен, если вы внимательно выслушаете все то, что я собираюсь вам сказать. А потом примите решение, соглашаться или нет.

— Наверное, отвечу нет.

— Не торопитесь. Вы увидите, что намерения у нас самые добрые, и, при вашей помощи, таким же будет результат.

— Вы меня заинтриговали. Я не читала вашего журнала.

— Мы хотели бы дать статью, очень искреннюю, идущую от души, разумеется, не указывая имен, без фотографий, о женщинах, признавших, что они лесбиянки, особенно после нескольких лет семейной жизни.

— Как вы узнали мое имя?

— От вашего мужа.

— Барт в Италии. Я в это не верю.

— Мы встретились во вторник вечером в Монреале. У меня сложилось впечатление, что он, если не оправдывал вас, то пытался понять, в отличие от большинства мужей, попадавших в аналогичную ситуацию.

— Барт? Наверное, вы правы.

* «Трес» — «Весьма» (франц.).

— И я полагаю, что вы можете помочь нашим читателям увидеть, что чувствует женщина, открывшая в себе тягу к существу того же пола. Второго такого интервью нам не получить.

— Я в этом сомневаюсь. Вас зовут мистер Хед?

— Мартин.

— Ваш звонок каким-то образом связан с убийством?

— Убийством?

— Недавно в квартире моего мужа убили женщину. Я не хочу отвечать на вопросы, касающиеся происшедшего. Они совершенно неуместны.

— Я ничего не знал об убийстве.— Взгляд Флетча прошелся по бывшей спальне Барта и Люси Коннорс.— Если они неуместны, я их не задам.

— Все-таки мне не хочется давать вам интервью, Мартин. Зачем ворошить прошлое?

— Люси, подумайте, как тяжело приходится женщине, попавшей в такой же передел, что и вы. Смею предположить, вам было очень одиноко в вашей борьбе.

— Еще бы.

— Иной раз просто необходимо прочитать о том, что пришлось пережить другому. Вы справились с возникшими перед вами проблемами, и достаточно успешно. Я полагаю...

— Убеждать вы умеете, Мартин.

— Я гарантирую, что ваша фамилия упоминаться не будет. «Миссис К.», не более того. И милые, возможно, абстрактные рисунки в качестве иллюстраций.

— А если вы все-таки укажете мою фамилию?

— Вы сможете подать на нас в суд. Как вы понимаете, такой статьей мы вторгаемся в личную жизнь. Пишем не о фактах, а о чувствах. И просто не имеем права упоминать имен.

— Ясно. Вы позволите мне прочитать статью и завизировать ее перед публикацией?

— Мне не хотелось бы этого делать. Редакторы полагают, что это их работа.

— Я не буду говорить с вами, если не смогу прочитать статью перед публикацией.

Флетч вроде бы замаялся.

— Ладно, Люси. Я согласен. Я покажу вам статью перед сдачей в редакцию, но это должно остаться между нами. Когда мы сможем увидеться?

— Днем мы с Маршей собирались поехать в магазин, если не помешает дождь. А вечером у нас гости.

— Могу я прийти завтра утром?

— Пожалуй, да. Десять часов вас устроит?

— Лучше в половине одиннадцатого. Дом 58 по Фентон-стрит?

— Квартира 42.

— Мисс Гауптманн будет дома?

— Конечно. И если вы упомянете в статье хоть одну из нас, берегитесь.

Съев бифштекс и яичницу, приготовленные миссис Сэйер, Флетч улегся в свежезастеленную постель со вчерашним выпуском «Бостон стар».

Убийству Рут Фрайер уделили куда меньше места по сравнению с убийством женщины из Городского совета. Вероятно, полиция не сообщила репортерам ничего нового. Зато для второго убийства газетных полос не пожалели. В мельчайших подробностях описали сцену убийства, дали биографию убитой с фотографиями в разном возрасте, старейшина репортерской братии написал о личных встречах с «безвременно ушедшей», высказались все городские знаменитости, друзья и враги, правда, на этот раз и те, и другие сыпали комплиментами.

Через час Флетч добрался до рекламы сдвоенного дневного сеанса. Показывали «Банду Лавандового холма» и «Мужчину в белом костюме» с Алеком Гиннессом в главной роли. Почему бы и нет, решил он. Чем еще можно занять себя в дождливую субботу? Тем более что кинотеатр находился неподалеку. Последнее Флетч почерпнул из карты.

Одеваясь, он услышал, как в дверь позвонили. И решил, что принесли продукты, заказанные миссис Сэйер. Она пришла к выводу, что необходимо пополнять запасы на кухонных полках.

Выйдя в коридор в брюках, рубашке с отложным воротником, свитере и твидовом пиджаке, Флетч, к своему удивлению, увидел в прихожей Флинна. В свитере крупной вязки его грудь и плечи казались еще больше, а голова стала совсем крошечной.

— А! — Флинн добродушно улыбнулся. — Я надеялся застать вас дома.

В руках он держал пакет с бутылкой.

— А где Гроувер? — Флетч подошел к инспектору, и они обменялись рукопожатием.

— Иногда у меня появляется свободное время, знаете ли, — ответил Флинн. — Обычно по выходным полицейское управление спускает меня с поводка. Оказался рядом с вашим домом и вспомнил, что Бостон задолжал вам бутылку виски. — С улыбкой он протянул Флетчу пакет.

— Премного вам благодарен. — Из пакета Флетч выудил бутылку «Пинча» двенадцатилетней выдержки.

— Надеюсь, я не помешал? — поинтересовался Флинн.

— О, нет. Я как раз собирался посмотреть две картины с Алеком Гиннессом. На Эксетер-стрит. Это поблизости, не так ли?

— Прекрасный актер. Он, кстати, ирландец. Как и многие талантливые люди, которых в Штатах считают англичанами. — Флинн потер руки. — Я подумал, что в такой дождливый день вы не откажетесь посидеть со мной, выпить...

— А у меня сложилось впечатление, что вы не пьете.

— Не пью. Но не против того, чтобы пили другие. — Флинн повернулся к миссис Сэйер. — Полагаю, у вас нет ромашкового чая?

— У нас есть «ред зингер».

— Не откажусь от любого цветочного чая. И, если вас не затруднит, принесите в кабинет бокал, лед и воду для мистера Флетчера.

Флинн прошел в кабинет, Флетч — следом за ним. Он включил свет и начал открывать бутылку.

Флинн залез под свитер, вытащил из кармана рубанки два сложенных листка.

— Я смог достать полный список пассажиров, прилетевших в прошлый вторник рейсом из Рима. — Он протянул листки Флетчу, который уже открыл бутылку. — Не могли бы вы прогледеть его? Вдруг увидите кого-то из знакомых.

— Вы думаете, убийство Рут Фрайер каким-то образом связано с моими римскими делами?

— Мистер Флетчер, вы сами сказали, что в мире полно ненавидящих вас людей. Вполне возможно, один из них потратился на билет до Бостона, чтобы крепко насолить вам.

Большую часть списка составляли итальянские фамилии, остаток приходился на ирландские — современные пилигримы отправлялись в Америку в поисках душевного утешения или материального благополучия.

Флинн стоял, засунув руки в карманы, на его лице играла добродушная улыбка.

— Если бы мы были друзьями, мистер Флетчер, как бы я обращался к вам? Уж, наверное, не Ирвин Морис. Или вы привыкли к Питеру? А может, хватит и Пита?

— Флетч, — ответил Флетчер. — Люди зовут меня Флетч. Ни одна фамилия не кажется мне знакомой. — Он отдал список.

— Я ожидал именно такого ответа.

— А я должен называть вас Фрэнсис Ксавьер?

— Люди зовут меня Фрэнк. Кроме моей жены. Для нее я — Фрэнни. Она видит меня не таким суровым, как остальные.

Миссис Сэйер внесла полный поднос. Ведерко со льдом, бокал, кувшин с водой, чайник с заваркой, сливки, сахар, чашка, блюдце, ложечка.

— Отлично. — Флинн потер руки. — Скажите мне, миссис Сэйер, когда в понедельник вечером вы уходили, закончив уборку, этот кувшин с водой оставался на столике в гостиной рядом с бутылкой виски?

— Нет, сэр. Разумеется, нет. Я вымыла кувшин, высушила и убрала его.

— Действительно, зачем оставлять воду в кувшине, если так легко налить свежую. Но бутылка виски стояла на столике?

— Какая бутылка? Какого виски?

— Там была не одна бутылка?

— Конечно. Бутылок там хватало. Столик служил баром мистеру Коннорсу. Там были бутылки с виски, бербоном, джином, шерри, портвейном. И чистые бокалы.

— Что с ними произошло?

— Мистер Флетчер их убрал. Я нашла их в буфете на кухне. Наверное, он, как и я, не выносит вида спиртного.

Флинн вопросительно взглянул на Флетча.

— Нет, я их не трогал.

— Миссис Сэйер, вы, конечно, переставляли бутылки с места на место, уничтожая тем самым оставленные на них отпечатки пальцев?

— Конечно, переставляла. Не потому, что делала это специально, а чтобы добраться до сахара, соли, перца.

— Сахар, соль, перец. Самый ходовой буфет. — Флинн вздохнул. — Благодарю вас, миссис Сэйер.

— Если вам понадобится что-то еще, дайте мне знать, — ответила та. — Мне пора заниматься своими делами, если я хочу закончить их до полуночи.

— Хорошие люди. — Флинн налил себе чай. — Соль земли. — Дверь кухни хлопнула. — Разумеется, именно они всегда уничтожают улики.

Они сидели в креслах, обитых красной кожей, оба в свитерах, один еще в пиджаке, Флинн — с чашкой чая, Флетч — с бокалом виски с водой.

Сквозь прозрачные шторы в окна заглядывало темное небо. Резкие порывы ветра секли стекла струями дождя.

На Бикон-стрит, шестью этажами ниже, сновали машины. Изредка до кабинета долетал визг их тормозов.

— В такие темные, мрачные дни мне вспоминается детство, годы, проведенные в Мюнхене. Вот уж действительно мрачные дни.

— В Мюнхене?

— Да, да. В такие дни мне приходилось идти в спортзал, отжиматься, подтягиваться на перекладине, бороться до кровавых зайчиков в глазах.

— Вы же ирландец.

— Или бегать кроссы с мокрым от дождя и пота лицом, когда прерывается дыхание и каждый шаг дается тяжелее предыдущего. Отличный способ воспитания юношей. Именно Мюнхену я обязан сегодняшним здоровьем.

— А почему вы все это делали?

— Я был членом гитлерюгенда.

— Вы?

— Да, я. Чего только не узнаешь о человеке, если покопаться в его прошлом.

— Вы говорите о Jugendfuehrer?

— Совершенно верно.

— Это же невозможно.

— Тут вы не правы. Как виски?

— Отличное.

— Сам я не пью, поэтому мне трудно выбирать для других. В данном случае мне понравилась бутылка.

— С виски вы не ошиблись.

— Одной бутылки вам, чувствую, хватит надолго. Пьете вы мало.

— При вас я сдерживаюсь. Как мог Фрэнсис Ксавьер Флинн быть членом Jugendfuehrer?

— Я, наверное, тысячу раз задавал себе этот вопрос.

— Все равно, позвольте спросить вас об этом.

— Ирландская Республика, разумеется, практически не уча-

ствовала в войне. Сохраняла нейтралитет, оставаясь, так сказать, на стороне союзников. Мой отец был консулом Республики в Мюнхене. Вы начинаете соображать, что к чему?

— Нет.

— В 1938 году, мне тогда было семь лет, меня оставили в Мюнхене с родителями, вместо того чтобы отправить в Ирландию. По-немецки я говорил так же хорошо, как местные дети, выглядел и одевался, как немец и, как говорил мой отец, взял на себя немалую ответственность.

На публике мой отец во всем соглашался с нацистами, хотя ненавидел их идеи, как и полагалось всякому порядочному человеку. Мы провели в Германии всю войну. Я ходил в немецкую школу, вступил в гитлерюгенд. Маршировал на парадах. Отличался в спортивных соревнованиях. Люди забыли мое ирландское происхождение.

— Флинн, но...

— Не хотите, не верьте. Но в гитлерюгенде меня ставили в пример. Вы бы удивились, узнав, чего мог добиться мальчик в коротких штанишках, форменной рубашке гитлерюгенда, на велосипеде и с фотокамерой. Он мог ходить, где хотел, с товарищами и без оных. Нам устраивали экскурсии в укрепленные районы. Солдаты и офицеры показывали нам все, что можно было показать. То, чего я не понимал, я фотографировал. Если сталкивался с видным деятелем нацистской партии, брал у него автограф. Если б вы знали, сколько высших офицеров расписывались на листочках бумажки, протянутых маленьким мальчиком. Да, теперь можно сказать, что я творил чудеса.

А в Дублине жили два моих друга, с которыми я переписывался в те годы. Одного звали Тимми О'Брайан, второго — Уильям Каванау. Я писал им восторженные письма о том, как живу, где бываю. Нацистов я расхваливал на все лады. Иногда я получал ответы, иной раз в моих словах сомневались. Я отсылал фотографии и автографы — доказательства моей правоты.

Разумеется, отец диктовал мне эти письма. А О'Брайан и Каванау в действительности жили в Лондоне и служили в британской разведке.

— Мой Бог.

— Да, не всем досталось такое детство. И мой отец использовал консульство, чтобы переправлять из Германии сбитых английских и американских летчиков. Моя мать очень переживала и за него, и за меня.

— Это правда, Флинн?

— В конце войны мне было четырнадцать. Мюнхен лежал в развалинах. Еда кончилась. Думаю, все это вы видели в фильмах. Так оно и было.

Перед тем как уйти из Мюнхена, наци застрелили моих родителей. И отца, и мать. По пуле в лоб. На кухне нашей квартиры. Не думаю, что у них имелись доказательства вины консула Ирландии и его жены. Просто они убирали нежелательных свидетелей. Я нашел их утром. Когда вернулся с дежурства.

— И что вы делали?

— О, до конца войны оставались месяцы. Сначала я жил

в семье моего друга. И у них не было еды. Потом перебрался на улицу, в развалины. Оставался там и после капитуляции Германии. Боялся подойти к американским или британским солдатам. Глупо, конечно. Но я чуть не сошел с ума от голода.

Однажды ночью все кончилось. Я спал под лестницей разбитого дома, когда мне в ребро ткнули сапогом, и я услышал мелодичную ирландскую речь.

Меня отправили домой, в Дублин. Определили в иезуитскую семинарию. Наверное, я сам выбрал ее. Потому что повидал ад. Я изучал другую логику, поправил здоровье. Но к двадцати годам устал от истин. Это вы понять можете?

— Естественно.

— Да и воздержание поднадоело. Поэтому я написал моему другу, Уильяму Каванау, в Лондон. По его настоящему адресу, минуя Дублин. Попросил работу. Полагаю, старая гвардия изрядно посмеялась над моим письмом. Последующие годы покрыты мраком.

— Мне известно, что вы не работали в Чикаго.

— Это я знаю. В Чикаго работали вы. Что вы намеренно делали в редакции «Стар»? Наводили обо мне справки?

— Вы снова становитесь шпионом.

— Разве я упоминал о моем прежнем занятии?

— Но вы женаты, у вас есть дети.

— Это точно. Кто бы мог подумать, что в молодости я намеревался стать священником.

— Для шпиона это тоже довольно странно.

— Я не утверждал, что был шпионом.

— Вы католик?

— А что такое религия в наши дни? Взять хотя бы моих детей. По воскресеньям они берут гитары и скрипки и отправляются в какую-то церковь. Там пожимают друг другу руки, целуются. Говорят, что им это очень нравится.

— Ваша жена ирландка? Или американка?

— Она из Палестины, еврейка. По делам службы я провел там какое-то время. Поверите ли, нам пришлось уехать, чтобы расписаться, когда она забеременела. На нейтральную территорию.

— Флинн, ваша работа в бостонской полиции не более чем прикрытие.

— Почему бы вам не налить себе виски?

— Вот почему вы говорили, что у вас нет опыта полицейской работы. Вы никогда не были полицейским.

— Я учусь, — потупился Флинн. — Методом проб и ошибок.

— Вы стали полицейским, когда конгресс начал трясти всяческие агентства, старающиеся не афишировать своих делишек.

— Неужели я так много наболтал о себе? — искренне изумился Флинн. — Чай, похоже, развязывает мне язык.

— Вы все еще говорите по-немецки?

— Это, можно сказать, мой родной язык.

— В гитлерюгенде вам приходилось братья за оружие и стрелять?

— Да, приходилось.

— Как это было?

— Видите ли, я чуть не подстрелил себя. Я не мог стрелять в союзников, наступавших на Мюнхен. И не мог стрелять в парней, с которыми вырос.

— И что же вы сделали?

— Заплакал. Лег в грязную траншею и заплакал. Мне ведь не было и пятнадцати. Впрочем, я сомневаюсь, что и теперь поступил бы иначе.

По окну барабанил дождь.

— Теперь ваша очередь, Флетч.

Глава 24

Флетч налил в опустевший бокал виски, добавил воды.

— Боюсь, что мне нечего сказать.

Даже сквозь толстые стены до них долетало завывание ветра.

— Я вам помогу, — Флинн шевельнулся в кресле, устраиваясь поудобнее. — Вы родились и выросли в Сизтле. Получили степени бакалавра и магистра искусств в Северо-западном университете. Не довели до конца докторскую диссертацию.

— Не хватило денег. — Флетч снова сел, с полным бокалом.

— Увлёклись журналистикой. Писали об искусстве в одной из газет Сизтла. Прославились статьёй о незаконном вывозе из Канады изделий доколумбовой эпохи. Потом вы служили в морской пехоте. Вас послали на Дальний Восток, наградили Бронзовой звездой, которую вы так и не удосужились получить. В «Чикаго пост» вы были специальным корреспондентом, проводили журналистские расследования. Вам удалось раскрыть не одно преступление, как в Чикаго, так и в Калифорнии, где вы работали после этого. Ваш конек — журналистское расследование, а не статьи по искусству.

— А есть разница?

— Примерно восемнадцать месяцев назад вы исчезли из Южной Калифорнии.

— Сейчас очень сложно добиться полного взаимопонимания с руководством газеты. Каждый начальник считает своим долгом взять сторону какой-либо партии, фактор, убийственный для свободы слова.

— Вы дважды женились и разводились. Алименты вы платить не желали, поэтому на вас подали в суд. В чем только вас не обвиняли: от подлога до неуважения к суду. Однако потом все потерпевшие отозвали свои иски. Кстати, когда я наводил справки о вас в правоохранительных органах Калифорнии, мне позвонил окружной прокурор или помощник окружного прокурора. Кажется, его фамилия Чамберс. Он высоко отозвался о вас, отметив ваше непосредственное участие в раскрытии одного или двух тяжких преступлений.

— Олстон Чамберс. Мы вместе служили в морской пехоте.

— Чем вы занимались последние восемнадцать месяцев?

— Путешествовал. Какое-то время провел в Бразилии*.

* Подробнее в романе «Карнавал Флетча», издательство «Интербрук», Москва, 1991 г.

— В Штаты вы возвращались лишь однажды, на похороны отца. Вы говорили, что унаследовали от него крупное состояние?

— Нет, этого я не говорил.

— Он был азартным игроком,— заметил Флинн.

— Я знаю,— кивнул Флетч.

— Вы не ответили на вопрос, откуда у вас такие деньги?

— От дядюшки,— солгал Флетч.— Он умер, когда я работал в Калифорнии.

— Понятно.— Флинн, естественно, ему не поверил.

— Не мог же он оставить деньги моему отцу, правда?

— Значит, на свете есть много людей из вашего прошлого, которые желают вам зла,— продолжил Флинн.— Вот он, бич мобильного общества. Люди перебираются из страны в страну, таская за собой свое прошлое. Настоящее расследование невозможно провести в границах одного полицейского участка, даже если детектив — мастер своего дела.

— У вас остынет чай,— напомнил Флетч.— Холодный мне больше нравится. Мы, европейцы, не так чувствительны к температуре, как американцы.

— Вы думаете, что происшедшее связано с моим прошлым. Кто-то последовал за мной в Бостон и подставил меня под обвинение в убийстве?

— Ну, мне не хотелось бы заполнять половину листа, отведенную для ваших врагов. Не зря же говорят, что у хорошего журналиста друзей нет.

— Полагаю, вы ошибаетесь, инспектор. Как Питер Флетчер, я — жертва случайности. Кто-то совершил убийство в этой квартире и обставил все так, чтобы возложить вину на первого вошедшего сюда человека.

— Вернемся к Риму,— изменил направление разговора Флинн.— Не могли бы вы объяснить мне тамошнюю ситуацию?

— В каком смысле?

— Видите ли, я обращаю внимание не только на то, что делает человек, но и на то, что он НЕ делает. Надеюсь, вы меня понимаете. Вы вот говорили, что приехали в Бостон, чтобы поработать над книгой о живописце Эдгаре Артуре Тарпе, младшем.

— Совершенно верно.

— Однако со среды и до сегодняшнего вечера вы не связались ни с фондом семьи Тарп, ни с куратором Бостонского Музея изящных искусств.

— Я был занят.

— Отнюдь. Мои мальчишки, ведущие за вами слежку, доложили, что вы ведете жизнь добропорядочной бостонской старушки. Ленч в «Локе-Обер», коктейль в «Рице». Вы провели пару часов в редакции «Бостон стар». Все остальное время не выходили из дома, пусть это и чужая квартира.

— Пожалуй, что так.

— Вы много спите, мистер Флетчер?

— Я приводил в порядок мои записи.

— Наверное, вы могли справиться с этим в солнечной Италии, до приезда сюда.

— Как видите, не смог.

— Разумеется, не стоит забывать про среду. Мы не знаем, что вы делали в среду. В тот день вы зашли в «Рид-Карлтон» через одну дверь, а выскользнули через другую. Естественно, безо всякого злого умысла. Произошло это до того, как мы выяснили, что имеем дело с бывшим асом журналистского расследования, органически не выносящим слежки. Но нам известно, что ни в Фонде Гарпа, ни в Бостонском Музее в среду вы не показывались.

— Вы должны понять мои чувства, инспектор. Трансатлантический перелет. Смена часового пояса. Шок от убийства. Мысль о том, что подозрение падает на меня. Я просто не отдавал отчета в своих действиях.

— Неужели? — зеленые глаза насмешливо сверкнули. — Вы собираетесь жениться на Анджеле ди Грасси?

— У вас отличная память на имена и фамилии.

— Это от знания языков. Кто она?

— Девушка. Итальянка. Дочь графа ди Грасси.

— Графа ди Грасси?

— Графа Клементи Арбогастеса ди Грасси.

— Того самого, что умер на прошлой неделе?

— Мы так думаем.

— «Мы так думаем»! Что это за ответ?

— Он умер.

— Вы говорили, что присутствовали «как бы на похоронах».

— Говорил?

— Да.

— Наверное, так оно и было.

— Флетч, почему вы сразу не говорите правду? Почему я должен все вытягивать из вас клещами? Между прочим, сегодня у меня выходной.

— И вы заплатили за виски из собственного кармана?

— Да. Поэтому попрошу вас начать с самого начала. Почему вы прилетели в Бостон?

— Ладно. Я разыскиваю картины.

— Ага! Молодец. Наконец-то Флинну дозволено выслушать истинную историю. Забудьте о краткости. Можете говорить сколь угодно долго.

— Энди ди Грасси и я собираемся пожениться.

— Вы в преддверии блаженства. Юная дама говорит по-английски?

— Без малейшего акцента. Она училась в Швейцарии, а потом в Штатах.

— Очень важно, чтобы муж и жена изъяснялись на одном языке, когда дело доходит до споров.

— Пару лет назад из дома ее отца, неподалеку от Ливорно, украли коллекцию картин. Очень дорогих картин.

— Много?

— Девятнадцать, включая скульптуру лошади Дега.

— Лошадь Дега? О Господи! И сколько стоит украденное, с лошадью или без нее?

— Трудно сказать. Миллионов десять — двенадцать.

— Долларов?

— Да.

— Мой Бог, ну почему я учился играть на скрипке, а не рисовать! Ди Грасси — богатое семейство?

— Нет.

— Впрочем, это не важно, вы сами богаты.

— Энди жила у меня на вилле, в Канья.

— Вы репетировали послесвадебное блаженство.

— История увлекательная, не так ли, Флинн?

— Покажите мне ирландца, который откажется ее выслушать.

— Годы в гитлерюгенде не вытравили из вас присущего вашей нации любопытства.

— Наоборот, разожгли его.

— Я получаю каталоги со всего мира. Каталоги произведений искусства. Они издаются музеями, как описание имеющихся экспонатов, так и выставочные. Издают их и торговцы произведениями искусства. Тоже двух типов. Того, что предлагается на продажу, и уже проданного.

— Ясно. Я понял, о чем речь.

— Как-то раз Энди просматривала каталог, выпущенный бостонской галереей. Галереей Хорэна.

— Никогда о ней не слышал.

— Она находится на Ньюбери-стрит.

— Вполне возможно.

— Она узнала одну из картин ди Грасси, проданную этой галереей, — Беллини*.

— Через два года после ограбления?

— Примерно. Она показала каталог мне. Мы вместе просмотрели предыдущие каталоги Хорэна и нашли вторую картину ди Грасси, тоже проданную, кисти Перуджино**.

— Значит, до того украденные картины на поверхность не всплывали?

— Нет.

— А на продажу их предложили в Бостоне?

— Точнее, следует сказать, что их продали через Бостон.

— Понятно.

— Энди сразу заволновалась. Мы собрали чемоданы, сели в машину и поехали в Ливорно.

— Где находился граф? Вместе с графиней?

— Да, конечно. Но она — не родная мать Энди.

— Вы не слишком к ней расположены.

— О, у меня к ней претензий нет. Но Энди ее недолюбливает.

— Вполне естественно.

— Мы собирались показать графу оба каталога Галереи Хорэна.

— Вы предварительно не позвонили?

* Беллини — семья итальянских живописцев венецианской школы — Якопо и его сыновей Джентиле и Джованни.

** Перуджино (наст. фамилия Ваннуcci) Пьетро (между 1445 и 1452—1523), итальянский живописец.

— Как-то вылетело из головы. Мы только вернулись с пляжа, переоделись, покидали вещи в чемоданы и помчались в Ливорно. Кажется, не успели даже принять душ.

— Должно быть, вы превысили допустимую скорость?

— Можете не сомневаться.

— Вы сказали, что «собирались показать» каталоги графу?

— По пути в Ливорно мы услышали по радио, что графа Клементи Арбогастеса ди Грасси похитили.

— Похитили? Мой Бог! Этот вид преступлений получает все большее распространение.

— У Энди началась истерика. Я еще сильнее нажал на педаль газа. Мы остановились выпить по рюмочке коньяка. Потом помчались дальше. Еще раз остановились, чтобы позвонить в Ливорно. Ту поездку я буду помнить до конца своих дней.

— Но вы добрались до Ливорно.

— Да. Его похитили и потребовали выкуп в четыре миллиона долларов.

— Однако!

— А у ди Грасси не было ни гроша. После кражи картин они перебивались с хлеба на воду. Застраховать их граф не удосужился. Землю давно продал. Оставался только полуразрушенный особняк близ Ливорно, гордо именуемый дворцом, да пара стариков-слуг.

— Вы упомянули, что у Энди была квартира в Риме. На что же они жили?

— Все трое — граф, графиня и Энди — жили на проценты с ценных бумаг. В год выходило пятьдесят тысяч долларов.

— Пятьдесят тысяч поболее гроша.

— Но недостаточно для того, чтобы заплатить четыре миллиона выкупа.

— А вы сами не могли заплатить? Из денег, оставленных дядей?

— Нет.

— Но речь шла о жизни вашего будущего тестя.

— Не мог, даже если бы и захотел. Семья ди Грасси не проявляла ни малейшей активности в течение нескольких десятилетий. О ее существовании все забыли. И никто не одолжил бы им четыре миллиона.

— Ну и?

— Мы сообщили похитителям через газету, что таких денег у нас нет. Получили новые послания. В них нам предлагалась альтернатива: или мы платим, или они убивают старого графа. Я переговорил с дамой, курировавшей принадлежащие графу ценные бумаги. Даже в такой, сверхкритической ситуации мы не имели возможности обратить их в наличные. По итальянским законам благополучие семьи ставится выше благополучия индивидуума, даже если он — глава семьи.

— Итальянцы знамениты тем, что держатся друг за друга, — согласился Флинн, — даже если ради всех приходится жертвовать кем-то одним.

— Похитители стояли на своем. Кошелек или жизнь. Они

дали нам пять дней. Прошла неделя. Типина. Две недели. Три. Больше они с нами не связывались.

— То есть его убили?

— Так считает итальянская полиция.

— Как давно это случилось?

— Чуть больше месяца назад. Власти посоветовали жене и дочери ди Грасси смириться со смертью старого графа. «Его могли похоронить или в Италии, или в море у ее берегов», так они оценили ситуацию. В прошлый понедельник его отпели в церкви.

— Вот откуда «как бы похороны».

— Да. Но все было, как при настоящем покойнике.

— И вы решили тряхнуть стариной, вспомнить свое газетное прошлое и приехали в Бостон, чтобы раскрутить это дело.

— В общих чертах да.

— Вы говорили с этим Хорэном?

— Да. В среду.

— Вот, значит, где вы были в среду.

— Да.

— Тогда понятно, почему вы вошли в одну дверь «Риц-Карлтона», а вышли через другую, на Ньюбери-стрит. Галерея как раз на этой улице!

— Да.

— Мой Бог, неужели мне довелось встретиться с абсолютно честным человеком? И остальные картины у Хорэна?

— У брокера их обычно не бывает, Фрэнк. Он — посредник. И задача моя состояла в другом — узнать, от кого он получил картины, украденные у ди Грасси.

— Наверное, вы обратились к нему с присущей вам откровенностью.

— Трудно быть откровенным с брокером, Фрэнк. Я попросил его найти для меня одну картину. Также из коллекции ди Грасси. Написанную Пикассо. Называется она «Вино, скрипка, мадемуазель».

— И он ее нашел?

— За несколько дней. Вчера он сообщил мне, что она принадлежит одному человеку, проживающему в Далласе, штат Техас. Он также сказал, что за последние год или два купил у этого человека еще пару картин. Вернее, продал их через свою Галерею.

— Вам известна фамилия техасца?

— Известна.

— Скажите мне, Флетч, кому будут принадлежать эти картины, если вы их найдете?

— В этом вся загвоздка. Вопрос о наследстве Менти будет оставаться открытым еще долгие годы.

— Менти?

— Граф ди Грасси. Завещание не будет зачитано, пока не найдут тело. Или не пройдет срок, достаточный для того, чтобы признать графа умершим.

— Значит, после того как вы найдете картины, вам придется найти тело.

— Едва ли я смогу сделать то, что оказалось не под силу итальянской полиции.

— И никто не знает, принадлежат картины дочери или вдове?

— Нет. Хуже другое: пока не найдено тело Менти, они не смогут получать проценты с ценных бумаг.

— Предполагаю, что в данный момент обе дамы могут надеяться только на вас.

— Пожалуй, вы правы.

— Ага! А я-то думал, главная ваша забота — снять с себя подозрение в убийстве.

— Наверное, поэтому до меня не сразу дошло, что в убийстве вы подозреваете меня.

— Меня несколько сбил с толку ваш звонок по контактному телефону полиции. Если б вы сразу сказали мне, что ранее были специальным корреспондентом, я бы понял, почему вы так спокойно реагировали на покойницу в вашей гостиной. — Флинн налил себе третью чашку чая. — Не каждому человеку доводится улететь через океан от похищения и убийства, чтобы успеть в аккурат к новому убийству.

— Похоже, мне не повезло.

— По-моему, везение тут ни при чем.

— Если я правильно понял вас, инспектор Фрэнсис Ксавьер Флинн, вы предполагаете наличие какой-то связи между тем, что происходило в Италии, я имею в виду похищение и убийство Менти, и бостонским убийством Рут Фрайер.

— Пожалуй, вы правы.

— Вы же дали мне список пассажиров, прилетевших вместе со мной из Рима.

— Связь может быть, Ирвин Морис Флетчер, но я еще не знаю, какая именно.

— Связь действительно есть. Один человек прилетел со мной из Рима.

— Кто же?

— Графиня. Летела через Нью-Йорк. Приземлилась в Бостоне во вторник, примерно на час позже меня.

— Она знала, что вы остановились в этой квартире?

— У нее были мой адрес и телефон.

— И она жаждет добраться до картин?

— Не то слово.

— Как она узнала, что вы их разыскиваете?

— Полагаю, она прочитала кое-какие записи, оставленные мною Энди... план маршрута... Она знала, что я взял с собой перечень картин.

— Но зачем ей убивать Рут Фрайер?

— Рут могла находиться в квартире, обнаженная, в ожидании Барта, не зная, что тот уже на пути в Италию. Она открыла дверь графине...

— Вашей кипящей от злости приемной теще?

— Да, злой и подозрительной.

— Еще бы, она думает, что вы хотите прибрать картины для Энди.

— Естественно.

- А вы?
- Она не ошибается.
- Не сходится, — покачал головой Флинн. — Порванный лифт.
- Мало ли, как это могло случиться. Может, его порвала сама Рут, когда снимала.
- У Рут Фрайер не было ключа от квартиры.
- Зато он есть у Джоан Уинслоу.
- Соседки? У нее есть ключ? Мы забыли спросить ее об этом. Вот он, недостаток полицейского опыта. Уж этот-то вопрос следовало задать обязательно. Но с какой стати ей отдавать ключ Рут?
- Она бы не отдала, будучи трезвой. А так... дала же она ключ мне.
- Правда? Как интересно. А где сейчас графиня?
- Вчера вечером она переехала сюда.
- Сюда?
- Да. «Риц-Карлтон» для нее слишком дорог.
- Ага! Графиня — та красotka, с которой вы выпивали в «Рице». Парням она запала в сердце. Они сказали, что вы даже не заплатили по счету.
- Графиня чем-то досадила вам?
- Есть немного.
- Флинн внимательно разглядывал доньшко пустой чашки.
- Кажется, сегодня мы лучше узнали друг друга.
- Пожалуй, мне пора домой, к жене и детям.
- Дождь все еще барабанил по окнам.
- Как продвигается дело об убийстве члена Городского совета? — спросил Флетч в прихожей.
- Совсем не продвигается. Застыло на месте. Трудно предполагать, что кто-то добровольно сознается в совершении такого убийства, не так ли?
- Благодарю за виски, инспектор.
- Они вышли из квартиры, Флетч нажал кнопку вызова лифта.
- Снимите меня с крючка, Фрэнк.
- Я вас понимаю. Вы хотите слетать в Техас, освободиться от женского эскорта.

Войдя в кабину лифта, Флинн обернулся.

— Вы — лучший из всех подозреваемых, какие у меня были, Флетчер. Только вам удастся так долго балансировать на кончике иглы... Но вы избавили бы меня от многих хлопот, если бы сознались в убийстве.

Глава 25

Выпитое виски разморило Флетча. Он попрощался с миссис Сэйер, поел приготовленное ею жаркое и около шести вечера завалился спать.

Шесть часов в Бостоне соответствовало полуночи в Риме.

Кто-то покусывал его за ухо.

Прохладное тело прижалось к нему. Набухший сосок терся о предплечье.

Тело поплотнее, чем у Анджели. Немного.

Нога поглаживала его ноги. Вперед-назад, вперед-назад.

— Сильвия!

Даже в темной комнате он увидел разметавшиеся по подушке волосы его будущей приемной тещи.

— О Господи, Сильвия!

— Слишком поздно, дорогой. — Она подсунула под него свое правое бедро. — Как писано в Библии: «Они познали друг друга в его сне».

— Это же инцест!

— И что из этого, дорогой?

Теперь она полностью лежала под ним, ее бедра выписывали восьмерку. Груды вдавливались в ребра.

— О Боже!

Действительно, было слишком поздно.

И оставалась единственная возможность избежать перелома одной из частей его тела.

— Это не инцест, дорогой.

Наконец, улегшись на спину, Флетч смог взглянуть на фосфоресцирующий циферблат. Только восемь вечера.

— Вы что-нибудь поели? — спросил он.

— Конечно. Зачем мне ждать от вас очередного подвоха?

— Вы сами не так уж просты, графиня ди Грасси.

— Куда вы подевались вчера вечером? Я два часа ждала обеда.

— Пошел прогуляться.

— Я знаю. Сукин сын. Только от вас можно ждать такого. Помолоть языком и уйти, оставив меня голодной. Никакой вы не шеф-повар. Вы — сукин сын! То же самое и с картинами — вы лжете, лжете, лжете! Хотите ограбить меня.

Флетч положил руку ей на спину.

— Я оставил дверь незапертой. Швейцар впустил вас в подъезд?

— Мне пришлось ждать, ждать. Вы не отвечали на звонок.

— Я спал.

Сидя в постели, в темноте, графиня ди Грасси заплакала.

— О, Флетч! Вы мне поможете?

— Помогу?

— Вы должны мне помочь.

— Должен?

— Менти умер. Я вдова. Без гроша в кармане. Без гроша! У меня ничего нет, Флетч.

— Ну, что-то вы по наследству получите.

— Анджела молодая, красивая. Умная. У нее впереди целая жизнь. А я? У меня ничего нет.

— Она — ди Грасси, Сильвия.

— Она? Я — графиня ди Грасси.

— Я знаю.

— Я вышла замуж за Менти.

— И его картины.

— Это мои картины. Менти хотел отдать их мне. Я в этом не сомневаюсь. Сколько раз он называл их «нашими картинами».

— Сильвия, вы можете меня выслушать? Не мне решать, чьи это картины. Или Менти упомянул о них в завещании, или нет.

Если упомянул, они отойдут только вам, или Энди, или вам обоим, в полном соответствии с его волей. Если нет — лишь итальянский суд может определить, кому они принадлежат, при условии, разумеется, что мы их разыщем.

Сильвия легла, крепко прижалась к нему, Флетчу вспомнилось, как она лежала на пляже в Канья, с накрашенными ногтями на руках и на ногах.

— Флетч, скажите мне правду. Вы знаете, где картины?

— Сильвия, я приехал в Бостон, чтобы работать над биографией Эдгара Артура Тарпа, младшего.

Она легонько шлепнула его по груди.

— Вы лжете. Всегда вы мне лжете.

— В данном случае нет.

— Если вы пишете большую книгу, то где пишущая машинка? Где ваши записи? Вчера вечером я прошлась по квартире.

Никто не пишет тут никаких книг.

— Я еще не начал. Меня отвлекали.

— Отвлекали! Вы нашли картины. — Он чувствовал рядом ее жаркое дыхание. — Где они?

Он уже проснулся. И хотелось ему отнюдь не говорить.

Сильвия положила на него ногу.

— Где картины? А, Флетч?

— Вы умело ведете переговоры, Сильвия.

— Вы мне поможете, Флетч. Правда?

— Сначала помогите мне.

— Америка! — вскричал Флетч.

Телефон зазвонил в самый неподходящий момент.

Продиктовали телеграмму. От Энди. Анджелы ди Грасси.

«ПРИБЫВАЮ В БОСТОН ВОСКРЕСЕНЬЕ ШЕСТЬ-ТРИДЦАТЬ ВЕЧЕРА. РЕЙС «ТУЭ» 540. СИЛЬВИЯ С ТОБОЙ? ЛЮБЛЮ. ЭНДИ».

— Дерьмо, — процедил Флетч. — Она никогда не могла уложиться менее чем в десять слов. О Боже! Что же это я делаю?

— Продолжим, Флетч, — отозвалась с кровати Сильвия.

— Хорошо, — выдохнул Флетч.

Второй звонок уже ничего не прервал.

— Слушаю.

— Ты пьян? — Флетч узнал Джека Сандерса. Из трубки доносился шум редакции.

— Нет.

— Ты спал?

— Нет.

— Чем это ты там занимаешься?

— Не твое дело.

— Все понял. Но ты уже кончаешь?

— Прекрати, Джек.

— Подожди, Флетч. Я в запарке.

— Я тоже.

— Действительно в запарке. Можешь меня выслушать? Одну минуту.

— Нет.

— Чарльзтаун в огне. Кто-то решил спалить весь город.
А у меня некому готовить статьи к печати.

— И что?

— Один литографчик пьян в стельку, второй, вернее, вторая, беременна и только что уехала рожать. Дневного сменщика тоже не найдешь. Его жена говорит, что он отправился то ли на хоккей, то ли на баскетбол. Мне недостает трех репортеров. Двое в отпуске, у третьего — грипп. Для литографии остался один парнишка. Такой материал ему не по зубам.

— Похоже, у вашей газетенки не хватает денег, Джек.

— Кто мог предполагать, что в обычную октябрьскую субботнюю ночь разверзнется ад?

— Надо предвидеть любые неожиданности.

— Ты сможешь приехать?

— Чтобы готовить статьи в номер?

— Да.

— Ты спятил.

— Сам я не справлюсь, Флетч. Не могу я один выпустить целую газету.

— Сколько сейчас времени?

— Без десяти девять.

— Когда ты освобождаешься?

— Материалы на первую полосу сдаются в десять двадцать.

— Джек, меня подозревают в убийстве.

— Тебя — да, но не Ральфа Локе.

— Я не знаю города.

— Зато умеешь складывать слова.

— Я уже забыл, как это делается.

— Пожалуйста, Флетч. Ради нашего прошлого. Я не могу больше говорить.

В темноте Флетч посмотрел на Сильвию, перебравшуюся на его половину кровати.

— Ну, хорошо. Мерзавец.

Глава 26

— Фрэнк?

— Кто вам нужен? — сонный детский голос. Половина третьего ночи.

— Инспектор Флинн.

Трубка легла на дерево.

— Папа! — донеслось издали.

После долгой паузы послышался голос Флинна.

— Кто бы это мог быть?

— И. Эм. Флетчер.

— Благослови, Господи, мой нос. Это вы. Неужели вы выбрали столь необычное время, чтобы сознаться?

— Я в «Стар», Фрэнк.

— И что вы там делаете? Переметнулись во вражеский стан?

— Чарльзтаун в огне. Кто-то поджигает его.

— Понятно.

- Давний приятель по «Чикаго пост» попросил меня приехать и помочь ему.
- У вас есть давний приятель в Бостоне?
- Как выяснилось, да.
- Что он делал в прошлый вторник? Вы спросили?
- Я знаю, что понедельник и вторник — его выходные дни.
- Сколько ни говоришь с человеком, напоив его, всегда узнаешь что-то новое.
- Фрэнк, я хотел бы побыстрее закончить этот разговор.
- Вы могли бы и не звонить.
- Пустяки. Я всего лишь заполняю время сном.
- Я не могу заставить представителя бостонской полиции по контактам с прессой выслушать меня.
- А кто представляет нас сегодня?
- Некий капитан Хольман.
- А, ну конечно. Он только и может что говорить от лица полиции.
- Он звонит каждые пятнадцать минут, сообщая все новые факты, но меня слушать не желает.
- Вы же знаете, кто такой представитель полиции по контактам с прессой: человек с двумя ртами и одним ухом, аномалия. Так что вы хотели ему сказать?
- У меня есть интересная информация. наших репортеров в Чарльзтауне, возможно, поболее, чем фараонов.
- Уже и наших. Кажется, вы удалились от дел, мистер И. Эм. Флетчер.
- Послушайте, Фрэнк. Все очень просто. Одиннадцать поджогов после семи вечера. В основном старые дома, несколько складов, церковь. Никакой связи.
- В домах не живут?
- Нет.
- Вот вам и связь.
- Согласен. На третьем, пятом, седьмом, восьмом и девятом пожарах найдены двухгаллонные канистры из-под бензина «Астро». Такие продают на автозаправках на случай, если у вас кончится бензин прямо на дороге.
- Знаю.
- Я послал репортера, чтобы он выяснил, нет ли таких канистр и на остальных пожарах.
- А разве в службе пожарной охраны по выявлению поджигателей еще не обратили на это внимания?
- Нет. Они заняты обычным делом. Наблюдают за зеваками. Не слушают репортеров, показывающих им канистры. Фотографируют.
- Их методы мне знакомы. Утром они встретятся, сравнят полученные результаты. Будет чем заняться, пока принесут кофе.
- Поджигателя надо изловить этой ночью.
- Согласен. Дым загрязняет атмосферу.
- Здания горят вокруг Фарберского Холма. Более-менее равномерно по периметру. Первый пожар зафиксирован с севера, второй — с юга, далее — на северо-западе.

— Не завидую пожарным. Метаться из стороны в сторону, туда и обратно. Могу представить себе, какие там транспортные пробки.

— Я посмотрел на карту района. В его географическом центре, на углу Брид- и Экорн-стрит расположена бензозаправка.

— И вы хотите сказать мне...

— На карте не указано, какой компании принадлежит бензозаправка, поэтому я послал туда репортера.

— Он не столкнулся с пожарной машиной?

— Фрэнк, это бензозаправка «Астро».

— Так кого мы ищем?

— Молодого парня, который работает на бензозаправке «Астро» на углу Брид- и Экорн-стрит. Его смена закончилась в шесть часов.

— Почему молодого?

— Очень уж быстро он перемещается. Через ограды. По крышам.

— Да, для этого нужно отменное здоровье, так что скорее всего он молод. Не жалуется на ноги.

— И имеет свободный доступ к канистрам с бензином «Астро».

— Хорошо, Флетч.— Флинн понизил голос.— Сейчас надену штаны и поброжу по Чарльзтауну. Может, чем-нибудь и помогу. С детства терпеть не могу пожаров.

— Я знаю.

— Скажите мне, Флетчер: поймав этого поджигателя, мы также выясним, что именно он убийца Рут Фрайер?

— Спокойной ночи, Фрэнк. Когда поймаете парня, позвоните в «Стар», хорошо?

— Я прослежу, чтобы это сделал капитан Хольман.

— Попросите его рассказать обо всем Джеку Сандерсу.

— Обязательно. Как вам известно, я — за тесное сотрудничество с прессой.

Глава 27

В воскресенье утром Флетч сел в «форд», не торопясь поехал на Фентон-стрит и без труда нашел дом 58. Машина с двумя детективами в штатском следовала за ним как привязанная.

Спал он четыре часа в одной из комнат для гостей.

Вернувшись, он не стал беспокоить гостью, расположившуюся в его постели.

Дверь квартиры 42 открыла Люси Коннорс. В широкой юбке и простенькой блузе. Без косметики, без украшений.

— Мистер Хед?

— Да, — кивнул Флетч.— Из журнала «Трэ».

Взгляд Люси прошелся от одной его руки к другой в поисках камеры или диктофона.

— Благодарю, что вы позволили мне прийти. Тем более в воскресенье утро.

— Я не рискнула бы пригласить вас в другое время. К чему «улучшать» свою репутацию.

Обычная квартирка, с одной или двумя спальнями. Маленький обеденный стол в углу гостиной. Вдоль стены стереопроектор, полки с пластинками. У противоположной стены — старый дешевый диван, перед ним — коврик, у дивана — просиженное кресло. Окно без занавесей занимало четвертую стену. Из картин — лишь репродукция Ренуара над диваном.

— Марша, — представила Люси вторую женщину.

Плоская, как доска, хрушкая, в джинсах, тельняшке с закатанными до локтей рукавами. Черные блестящие волосы, стрижка под пажа, кожа прозрачная, как у чисто вымытого ребенка.

При появлении Флетча она не шевельнулась. Ее черные глаза вперились в него, выражая скорее любопытство и вызов, но не враждебность.

— Доброе утро, Марша, — поздоровался Флетч.

— Не хотите ли кофе, Мартин?

Люси явно нервничала. Еще бы, ее новый образ жизни экзаменовал профессионала.

— Если вы тоже будете пить, не откажусь.

— Мы уже позавтракали. — Люси опустила на диван, у ног Марши.

Флетч сел в кресло.

— Я рад, что вы согласились на интервью, Люси. Люди должны знать, через что вы прошли.

— Никто не хотел меня понять. Ни родные, ни друзья, ни Барт. Я-то надеялась, что Барт меня поймет, поэтому ничего от него не скрывала. Он же воспринял все это как личное оскорбление.

Она взяла Маршу за руку.

— В общем-то, Мартин, мне совершенно безразлично, понимает кто меня или нет.

— Разумеется. — Флетч прокашлялся. — Вы решили свои проблемы. Другие — нет.

Взгляд Марши потеплел.

— Боюсь, большинство людей думает, что это болезнь. Я о том, что мы с Маршей живем вместе. Как прыщи, или грипп, или что-то еще, приходящее и уходящее. — Люси еще крепче сжала руку Марши. — Полагаю, я прошла и через эту стадию. Но почему вы интересуетесь мною, а не Маршей?

— Меня интересует и Марша. Но вы старше по возрасту. Были замужем. Получается, вам пришлось многим пожертвовать, чтобы жить с Маршей, я имею в виду материальные ценности. Я также думаю, что ваша жизнь изменилась более разительно, чем у Марши.

— Вы, конечно, правы. Марше повезло. Она всегда была маленькой лесбиянкой. — Люси тепло улыбнулась Марше. — Начиная со школы. Все эти душевые после хоккея на траве, не так ли, Марша? — Она вновь повернулась к Флетчу. — Марша училась в частной школе, получила куда лучшее образование, чем я. С девочками она начала спать с двенадцати лет.

Марша молчала.

— Мне же пришлось пройти через все муки ада. Господи, сколько же я натерпелась.

— Расскажите мне об этом.— Флетч достал из кармана блокнот и ручку.— Расскажите мне о всех «муках ада».

— Как миссис К.?

— Именно.

— И я смогу прочитать текст, прежде чем вы передадите его в редакцию?

— Можете не сомневаться.

— Ладно.— Люси шумно выдохнула.— Дерьмо.— Не выпускай руки Марши, Люси посмотрела на нее.— Начало вам, конечно, известно. Милая девушка. Хорошо воспитанная. Цель жизни определена. Роль уготована. Мы жили в Уэствуде, лужайка перед домом, лужайка за домом, гараж на две машины. Папе принадлежало автомобильное агентство. Мама была невротичкой, обожала таблетки. Да и сейчас глотает их пригоршнями. Своего старшего брата, Джека, я ненавидела. Пустой, жестокий. Великий хоккеист. Колот белку иглоками. И меня тоже. Мерзвец.

Взгляд Марши озабоченно уперся в лицо Люси.

— Меня считали красивой.— Люси замаялась.— Вы понимаете, что это означает для учащейся обычной американской средней школы. Одной из первых надеть бюстгальтер, одной из первых прийти на занятия с накладными ресницами, одной из первых перекраситься в блондинку. В тринадцать лет. Потом диета, короткий срок. Во всем быть первой. К примеру, лечь под мужика. Тоже цель. Мой первый парень, защитник школьной сборной по футболу*, весил не меньше двухсот двадцати фунтов**. Толстый живот. Никакого удовольствия. Он чуть не расплющил меня, как дорожный каток.

Я поступила в колледж. Сошлась с парнем, который играл на скрипке и мечтал о том, что создаст и возглавит международный картель. Дерьмо собачье.

На вечеринке встретила с Бартом. Я училась уже на последнем курсе. И Барт стал очередной целью. Он выглядел нормальным человеком, соответственно и вел себя. Дартмут-колледж, юридический факультет Гарварда. Старше меня на двенадцать лет. Начавший лысеть. Работающий в юридической конторе. Очень богатый. Я изобразила полную невинность и позволила ему покорить себя. Разумеется, честностью мое поведение не отличалось, но люди идут и не на такое, чтобы достигнуть поставленной цели.

— Вы испытывали к нему сексуальное влечение? — спросил Флетч.

— Откуда мне знать? Я понятия не имела, что такое сексуальное влечение. Мне говорили, что мальчики возбуждают девочек, и наоборот. Ничего более. Происходящее между мной и парнем я и принимала за возбуждение.

— Но вас это не возбуждало?

— Никоим образом.

— Никогда?

* Имеется в виду американский футбол.

** 100 килограммов.

— Никогда,— твердо ответила Люси.— Я слышала, кто-то испытывал оргазм, я же — никогда. Я играла роль. Участвовала в игре «когда-нибудь придет и мой час». Возбуждения я не ощущала. Я даже не представляла себе, что это такое.

— Перестаньте, Люси,— вмешался Флетч.— Вы же не могли не знать о существовании лесбиянства.

— Нет, не знала. Мысль эта не приходила мне в голову. То есть я, конечно, слышала, что есть такие, как Марша. Лесбиянки. Но не рядом со мной. Где-то далеко-далеко. Совсем другие. Странные. А я не имею с ними ничего общего. Я достигла немалых успехов в подавлении собственной сексуальной сущности. Можно сказать, одержала полную победу.

— Продолжайте,— кивнул Флетч.

— Вскоре после того, как мы поженились, Барт начал говорить о фригидности. Как бы между прочим. Потом стал уходить к женщине в соседнюю квартиру. Их беседы затягивались за полночь, а возвращался он пьяный. Когда он уезжал в командировки, я находила себе других мужчин. Ради Барта. Ничего не произошло. Я хочу сказать, никто из них не смог возбудить меня. И когда он предложил обратиться к психоаналитику, я согласилась. Ему почти удалось убедить меня, что мне надо лечиться.

Психоаналитик оказался мастером своего дела. Довольно быстро открыл мне глаза. Я убежала от него. Убежала от истины. Слишком велико было потрясение. Узнать, что ты — одна из тех, совсем других, странных. Я старалась слова психоаналитика выбросить из головы. Но себя-то не обманешь. Я начала прислушиваться к себе. Период этот тянулся невероятно долго.

Я была злой, грубой, вспыльчивой, раздражительной, нестойкой. Барт и я часто ссорились. Я била его. Бросала в него все, что подвернется под руку.

— Неужели?

— Да.

— Я понимаю.

— На лице у него было столько царапин и синяков, что на работе ему приходилось врать, будто он занимается боксом. Только рингом была собственная квартира. А соперником — жена. Из меня так и перла агрессия.

— Вы и сейчас такая же?

— Нет.

Марша глянула на нее из-под полуприкрытых век.

— Ну, иногда мы играем. Вы понимаете?

— Да.

— Я чувствовала, будто посажена в футляр и должна вырваться из него. Вы представляете себе это ощущение, Мартин?

— Конечно.

— Просто чудо, что я не отвернула голову двум-трем психоаналитикам. Я вымещала все на бедном Барте.

— Как вы встретились с Маршей? — спросил Флетч.

— Как-то я зашла в магазин женских товаров и увидела то, что мне понравилось... Маршу. В тот день я купила у нее блузку. На следующий вернулась и купила брюки. На третий попросила бикини. Позвала ее в примерочную, чтобы спросить, подходит ли

мне купальник. Я что-то почувствовала. Кровь заиграла в жилах. Наверное, я уже свыклась с мыслью, что мне нравятся женщины. Пришло осознание того, что меня гложет. В примерочной Марша положила руку мне на бедро, заглянула в глаза. «Кого вы дурите?» — спросила она. Люси погладила руку Марши, и они обменялись взглядами, словно вспоминая то мгновение.

Флетч уставился в блокнот.

— А вы, как все, Мартин? — спросила, наконец, Люси.

— То есть люблю ли я женщин?

— Да.

— Да, люблю.

— Тогда вы без труда поймете меня.

Флетч хохотнул.

— Вы абсолютно правы.

— Вижу, мой рассказ не оскорбил вас.

— Нет. С какой стати?

— Но вы бы оскорбились, будь я вашей сестрой?

— Полагаю, что нет.

— Не все такие, как вы.

— Каждый должен быть, каким он есть.

— Барт даже предложил мне обратиться к религии. О Господи!

— А как складывались ваши семейные отношения? — задал очередной вопрос Флетч.

— Поначалу, и длилось это довольно долго, мне казалось, что можно ничего не разрушать. С Маршей мы встречались регулярно. Или здесь, или в моей квартире. Как мне было хорошо. Слишком хорошо. Я испытывала истинное блаженство. Я поняла, что это не мимолетное увлечение. В этом — я вся. Мы все более пренебрегали осторожностью. Занимались любовью в моей квартире в присутствии уборщицы. О Боже! Подсознательно я хотела, чтобы Барт обо всем узнал. Но он словно ослеп. В конце концов мне пришлось все ему сказать.

— И как он отреагировал?

— Я же говорила, воспринял мои слова как личное оскорбление. Он-то думал, что мужской потенции ему хватает на нас двоих. Решил, что сможет излечить меня, если я буду отдаваться ему, не сдерживая себя. Предложил вновь обратиться к психоаналитикам. Священникам. Хотел, чтобы мы продолжали жить вместе, встречаясь с любовницами на стороне. Но меня это уже не устраивало. Марша стала слишком дорога мне. Как личность.

Они вновь переглянулись. Люси в который уж раз сжала руку Марши.

— Барт приобрел для нас магазин женской одежды. Тот самый, в котором мы и работаем. Название его, пожалуйста, не упоминайте. Реклама нам не нужна.

— Магазин принадлежит ему?

— Он его финансирует. Мы же развелись окончательно.

— Вы говорите, он обиделся?

— У меня сложилось такое впечатление. Мой поступок заставил его задаться вопросом: а каков он как мужчина?

— Но ведь и он не считал ваши сексуальные отношения удовлетворительными?

— Он подладил под них. Не стал выкидывать меня на улицу. Может, лучше б он так и сделал. Вместо этого он всячески старался помочь.

— Вы видите друг с другом?

— Случается. Бостон — маленький город. Все всё знают. В том числе и о сексуальных пристрастиях друг друга.

— Эй, Марша! — воскликнул Флетч. — А вы что об этом думаете?

Люси в ожидании воззрилась на нее. Черные глаза блеснули. Марша чуть качнула головой, не произнеся ни слова.

Флетч закрыл блокнот, убрал его в карман.

— Еще раз извиняюсь за то, что заявился в воскресное утро. Я несколько раз звонил вам во вторник. Вечером. Никто не брал трубку.

— Во вторник? — Люси наморщила лоб. — А, во вторник. Я была в Чикаго, закупала товары для магазина. Собиралась вернуться во вторник днем, но самолет опоздал. Я прилетела в девять вечера. Но ты была дома, не так ли, Марша?

— Да.

— Я скоро собираюсь в Чикаго. Рейсом какой авиакомпании вы летели? «Пан-Америкэн»?

— Нет, «Транс Уорлд Эйрлайнс».

— Так удобнее?

— По расписанию время прибытия — пять часов, но мы прилетели в половине восьмого. Туман.

— Люси, большое вам спасибо. Вы сохраните фамилию Коннорс?

— Скорее всего, нет. Верну себе девичью, Хислоп. Чтобы не бросать тень на Барта.

— Во вторник вечером вы сюда не звонили, — подала голос Марша, пристально глядя на Флетча.

— Я пытался, — возразил тот. — Должно быть, что-то случилось с линией.

Глаза Марши проводили Флетча до двери. Люси последовала за ним.

— Вы упоминали об убийстве в квартире вашего мужа...

— Оно не имеет никакого отношения к нашему разговору.

— Я знаю. Просто любопытно. Все, что связано с убийством, всегда интересно.

— Не для статьи?

— Разумеется, нет. Так что там произошло?

— В нашей прежней квартире убили девушку. После того, как Барт улетел в Италию. Он сдал квартиру какому-то прохиндею, который и обнаружил тело.

— Вы полагаете, ее убил ваш муж?

— Барт? Вы шутите. Насилие ему абсолютно несвойственно. Поверьте мне, я-то знаю. Если б он собирался кого-то убить, то остановился бы на мне.

— Полиция допрашивала вас?

— С какой стати?

С дивана, через всю комнату, Марша всматривалась в лицо Флетча.

— У вас, наверное, есть ключ от квартиры?

— Должен быть. Где-то валяется.

— Интересно. — Флетч поощряюще кивнул.

— Полиция, должно быть, не знает, где меня найти. Здесь все на фамилию Марши. И вы бы меня не нашли, если б Барт не дал вам телефон.

— Совершенно верно.

— Я удивлена, что вам удалось разговорить Барта. Видать, вы и его подвели к мысли, что такое возможно и с другими людьми.

— Ваш муж — очень своеобразный человек.

— Как вы с ним встретились?

— Он консультировал моего редактора по каким-то юридическим вопросам. Мы втроем встретились в Монреале. Во вторник вечером.

Марша застыла. В ее глазах мелькнул страх.

— Когда мы увидим вашу статью? — спросила Люси.

— Через несколько недель. — Флетч открыл дверь. — Я пошлю ее вам. Если напишу.

Глава 28

154

Когда Флетч вернулся в квартиру, графини уже не было. Она оставила записку, что отбыла к мессе.

Вскоре загудел звонок домофона.

— Кто там? — спросил Флетч в микрофон.

— Робинсон.

Ничего общего с голосом графини.

— Кто?

— Клэй Робинсон. Впустите меня.

Флетч никогда не слышал ни о каком Клэе Робинсоне, но нажал на кнопку, открывающую дверь в подъезд.

Распахнул дверь квартиры, постоял, ожидая, пока поднимется лифт.

Из кабины вышел мужчина лет двадцати пяти, с вьющимися волосами. Опухшее лицо, налитые кровью глаза, потрескавшиеся губы. Захлопнув дверь лифта, он тут же сунул руки в карманы длинного плаща.

— Флетчер?

— Да.

— Я собирался жениться на Рут Фрайер. — Язык мужчины заплетался.

Флетч выставил вперед левую ногу, ударил правой рукой. Аккурат по челюсти Робинсона.

Тот рухнул, не вынимая рук из карманов. Флетч придавил его правым коленом, нащупал в правом кармане плаща пистолет, вытащил его и встал. Взглянул на пистолет двадцать второго калибра. Робинсон не сопротивлялся.

Какое-то время он приходил в себя. Взгляд его стал более

осмысленным. Он сел, одной рукой упираясь в пол, второй осторожно касаясь челюсти.

— Заходите.— Флетч повернулся и прошел в кабинет. Там он положил пистолет в ящик стола.

Когда он вернулся в прихожую, Робинсон уже стоял в дверях.

— Заходите,— повторил Флетч и закрыл за Робинсоном дверь.

По коридору отвел его в ванную. Везде валялись вещи Сильвии.

— Я поставлю кофе, а вы примите душ. Сначала горячий, потом холодный.

Когда он нес поднос с кофейными принадлежностями из кухни в кабинет, из ванной раздался шум льющейся воды. Наконец появился и Робинсон, с мокрыми волосами, падающими на отложной воротник рубашки, с плащом на руке.

— Выпейте кофе.

Робинсон бросил плащ на стул, сел в кожаное кресло.

— Вам пришлось многое пережить.— Флетч протянул ему чашку дымящегося кофе.— Примите мои соболезнования.

Робинсон, держа блюдце на уровне груди, пригубил кофе.

— Я не убивал Рут Фрайер. Можете мне не верить, но это так. Я лишь обнаружил ее тело. Она была очень красивая. Я ее не убивал.

— Дерьмо,— пробормотал Робинсон.

— Вы совершили бы непоправимую ошибку, застрелив меня,— продолжил Флетч.— Но я готов понять, что вами двигало.

Робинсон закашлялся, поставил чашку на стол, наклонился вперед, закрыл лицо руками и зарыдал.

Флетч прошел в гостиную, остановился перед картиной Пауля Кли.

Из кабинета доносились громкие рыдания. Потом они стихли, но вскоре начались вновь. Когда паузы стали чаще и продолжительнее, Флетч намочил полотенце холодной водой, выжал его, направился в кабинет и бросил полотенце Робинсону.

— Чем я могу вам помочь?

Робинсон вытер полотенцем лицо, сдвинул его на волосы и остался сидеть со склоненной к коленям головой.

— Вы были на похоронах? — спросил Флетч.

— Да. Вчера. Во Флориде.

— Как ее родители?

— У нее только отец.

— Мне его очень жаль. И вас тоже.

Клэй Робинсон выпрямился.

— Я держался до сегодняшнего дня. И, похоже, перекрутил гайку.— Он попытался улыбнуться.— Я думал только о том, что должен вас убить.

— Хотите поесть?

— Нет.

— А выпить?

— Тоже не хочу.

— Откуда вы приехали?

— Из Вашингтона. Я работаю в министерстве юстиции.

- О?
- Обычный чиновник. Чиновник, закончивший колледж.
- Как вы познакомились с Рут Фрайер?
- В самолете. Я отвозил какие-то документы в Лос-Анджелес.

Мы провели ночь вместе.

- То есть вы подцепили ее.
- Мы встретились, — возразил Робинсон. — Влюбились. Собирались пожениться на Новый год.
- Я не помню обручального кольца на ее пальце.
- Я его еще не купил. Вам не доводилось жить на жалованье чиновника?
- Случалось.
- Я приехал во вторник, — продолжил Робинсон.
- В Бостон?
- Да. Хотел преподнести ей сюрприз. Я знал, что в эту неделю она не летает, а работает в аэропорту. Когда я добрался до отеля, ее уже не было.
- Вам известно, с кем она ушла?
- Нет. Девушка, с которой она делила номер, сказала, что ее форма в шкафу. Об убийстве я услышал только утром, когда пришел в аэропорт, чтобы найти ее.
- И что вы сделали?
- Не знаю. Не помню. На следующее утро я позвонил ее отцу и начал заниматься отправкой тела во Флориду. Полиция уже сделала вскрытие. Наглые мерзавцы!
- Где вы взяли пистолет?
- В ломбарде в Саут-Энде. Заплатил за него сто долларов.
- Этим утром?
- Вчера вечером.
- Где вы провели ночь?
- В основном в баре. Набрался прилично. В два или три ночи попал в какой-то отель.
- Хотите еще кофе?
- Я сам не знаю, чего хочу.
- У меня есть свободная комната для гостей. Можете поспать, я не возражаю.
- Нет. — В глазах Робинсона мелькнуло изумление. — Я же собирался вас убить.
- Это точно.
- Вы, однако, оказались проворнее.
- Что вы теперь намерены делать? — Флетч не стал комментировать последнюю фразу.
- Искать убийцу Рут.
- Дельная мысль.
- Вам что-нибудь известно? — с надеждой спросил Робинсон. — Насчет убийства?
- Расследование ведет инспектор бостонской полиции Фрэнсис Ксавьер Флинн.
- И кто, по его мнению, убил Рут?
- Я.
- А кто, по-вашему, убил ее?
- У меня есть кое-какие предположения на этот счет.

— Вы поделитесь ими со мной?

— Нет.

— У вас мой пистолет?

— Да, — кивнул Флетч. — Но за сотню долларов вы можете приобрести другой.

Кажется, идея не показалась Робинсону привлекательной.

— А почему бы вам не уехать домой? — спросил Флетч. — Спуститесь вниз, такси довезет вас до аэропорта, самолет — до Вашингтона, другое такси — до дома. Вы поужинаете, ляжете спать, а утром пойдете на работу.

— Мысль недурна.

— Вот я и подумал, не предложить ли вам такой вариант.

— Хорошо. — Робинсон встал, взял плащ. — А что я должен сказать вам?

— До свидания.

— Если окажется, что убийца — вы, я вас убью.

— Хорошо.

— Даже если вас упрячут в тюрьму на двадцать, тридцать лет, я дождусь вашего освобождения и убью вас.

— Считайте, что мы договорились.

У двери Робинсон обернулся.

— До свидания.

— Приходите еще. Когда будете чувствовать себя получше. Прежде чем уйти двумя часами позже, Флетч оставил записку графине, указав в ней, что поехал в аэропорт за Энди.

Глава 29

157

Флетч подъехал к трехэтажному деревянному дому под шиферной крышей в Уинтропе, у самой набережной. Маленький дворик и бетонные ступени вели к крытому крыльцу.

Проезжая по улице, Флетч видел, что задние дворы упираются в бетонную стену, за которой серела грязная вода бостонской гавани. На другой стороне бухты, в миле или двух, находился аэропорт.

Поднявшись на крыльцо, Флетч заглянул в окно гостиной. У дальней стены выстроились в ряд четыре пиюпитра, за ними — кабинетный рояль, на крышке которого лежали стопки нот. У рояля притулилась виолончель. Диван, стулья, кофейный столик казались лишними в этой комнате. Два мальчика-подростка, очень похожие друг на друга, в джинсах и ковбойках, расставляли ноты по пиюпитрам.

Оглушающе заревел самолет.

Справа от Флетча открылась дверь.

— Мистер Флетчер?

Кнопку звонка он не нажимал. С высоты громадного роста смотрело на Флетча маленькое лицо Флинна.

— Привет! — Флетч отошел от окна. — Как поживаете?

— Все в полном порядке. Ваш полицейский эскорт позвонил мне и доложил, что вы приближаетесь к моему дому. Они опасались, что вы задумали недоброе.

— Они абсолютно правы. — Флетч выставил перед собой пяти-

фунтовую коробку. — Я привез вашим жене и детям шоколад.

— Какой вы молодец! —левой рукой Флинн придерживал дверь, не давая ей закрыться под действием пружины, правой взял коробку. — Взятка, не так ли?

— Я подумал, что могу подарить семье Флинн коробку конфет, раз уж город Бостон вернул мне бутылку виски.

— Заходите, Флетч.

В полутьме прихожей Флетч разглядел полдюжины пар галош и уткнувшуюся в угол детскую коляску.

Флинн провел его в гостиную.

К мальчикам, один из которых держал в руках скрипку, добавилась девочка лет двенадцати, с пышными вьющимися светлыми волосами и огромными синими глазами, в платье того же цвета. Мальчикам было лет по пятнадцать.

— Это мистер Флетчер, убийца, — представил Флинн гостя. — Рэнди, Тодд, Дженни.

Рэнди, ухватив скрипку и смычок одной рукой, протянул другую Флетчу.

— Добрый день, сэр.

Тодд последовал его примеру.

— В моей семье ничему не удивляются, — прокомментировал Флинн.

В гостиную зашел мальчик лет пяти. С каштановыми волосами. В очках и веснушках.

— Это Уинни.

Флетч пожал руку и ему.

— Не Фрэнсис Ксавьер Флинн?

— Одно достаточно. Как, впрочем, и Ирвина Мориса Флетчера.

Элизабет Флинн появилась из другой двери.

Светло-каштановые волосы свободно падали на плечи. Джемпер и юбка облегали крепкое тело. Высокие скулы, большие синие глаза. Добрые и веселые.

— Это Флетч, Элзбет. Убийца. Я говорил тебе о нем.

— Добрый день. — Она улыбнулась. — Хотите чаю?

— Не откажусь.

— Он принес сладости. — Флинн протянул ей коробку. — Так что не откажи ему в чае.

— Хорошо. — Она взяла коробку. — Может, откроем ее после ужина?

— Мы как раз собирались начать концерт. — Флинн повернулся к детям. — Что у нас сегодня в программе?

— Восемнадцатая соната, — ответил Тодд. — Фа-мажор.

— Бетховен? Мы так далеко продвинулись?

— Да, — подала голос Дженни.

— Извините, что разбудил вас ночью, — поклонился Флетч.

Элизабет внесла поднос с чайными принадлежностями.

— Давайте выпьем по чашечке, — предложил Флинн.

Пока Флинн разливал чай, Элизабет, сев за рояль, помогала детям настраивать инструменты. Тодд играл на альте, Дженни, как и Рэнди, на скрипке.

— Вы его поймали? — спросил Флетч.

- Кого? — Флинн валил чай Элизабет.
- Поджигателя.
- О, да.
- Служителя с бензозаправки?
- Нет, сорокатрехлетнего пекаря.
- Он не работал на бензозаправке?
- Нет.
- О!
- Вы изумлены?
- Почему же он поджигал Чарльзтаун?

Флинн пожал плечами.

— Ему повелел Иисус. Так он, во всяком случае, сказал.

— Но где он брал канистры с бензином «Астро»?

— Запасал их впрок, — ответил Флинн.

Элизабет тем временем настроила его виолончель.

Поставив выпитую чашку на поднос, Флинн сел за пюпитр.

— Элизбет обычно аккомпанирует нам на рояле, — пояснил Флинн, — но Бетховен обошелся без ее партии.

Элизабет подошла к дивану, села, взяла чашку чая.

Дети замерли за пюпитрами.

— Con brio! — воскликнул Флинн, и они начали, не отрывая взгляда от нот. Мелодично запела скрипка Рэнди; Дженни пропустила несколько тактов, ее синие глаза раскрылись еще больше, но она не ступевалась и догнала остальных; Уинни ходил взад-вперед, как официант, и, подчиняясь взгляду отца, переводил страницы — сначала у него, потом у Дженни. Тогда и Рэнди. Каждые пять или шесть минут над домом пролетал самолет, заглушая музыку, но маленький оркестр, ведомый Флинном, не сбивался с ритма. Элизабет слушала, сложив руки на коленях, ее глаза переполняла любовь.

Наверху захныкал младенец.

Они играли, а за окном начали сгущаться сумерки, в аэропорту зажглись фонари, осветив серую поверхность бухты.

Дети заметно устали. Дженни то и дело облизывала губы и вздыхала. Лица Рэнди и Тодда блестели от пота. Волосы прилипли ко лбу.

Последние аккорды отлично удались Дженни, но она заспешила и закончила чуть раньше остальных, отчего тут же смутилась.

Концерт продолжался незабываемые сорок минут.

— Bravo! — воскликнула Элизабет. Она и Флетч хлопали, не жалея ладоней.

— Очень хорошо, Дженни, — вставая, похвалил сестру Рэнди.

Флинн молча закрыл ноты, прислонил виолончель к роялю.

— Папа, по-моему, лучше Фа-мажор ничего нет, — уверенно заявил Тодд.

— Может, ты и прав, — уклонился от прямого ответа Флинн.

Элизабет тем временем обняла Дженни и похвалила Уинни за образцовое выполнение своих обязанностей.

Часы показывали пять-двадцать.

— Думаю, мы найдем для вас виски, чтобы выпить стаканчик перед ужином, — обратился к гостю Флинн. — Элизабет пьет шерри, но уж бутылку виски она отыщет.

— Мне пора в аэропорт, — ответил Флетч.

— О? — удивился Флинн. — Решили-таки удрать?

Очередной самолет прервал их разговор.

Дети тем временем убрали музыкальные инструменты. Их лица сияли счастьем.

— Прилетает Энди, — ответил наконец Флетч. — В половине седьмого.

— Правда? Это хорошо.

— Вы останетесь на ужин? — спросила Флетча Элизабет.

— Он должен встретить свою подружку, — ответил Флинн. — В аэропорту. Его полицейский эскорт наверняка переполошится. Лучше я предупрежу их, что улетать вы не собираетесь, а не то они арестуют вас. Слежку за вами они, естественно, продолжат.

— Заезжайте на обратном пути вместе с ней, — предложила Элизабет.

Флетч попрощался за руку с каждым из детей.

— Вы мне понравились, — улыбнулась Элизабет. — Фрэнни, он не убийца.

— Все женщины так говорят, — ответил Флинн. — Да и я еще не уговорил его сознаться.

Вновь рев самолета заглушил все остальное.

— Привозите вашу девушку с собой, — повторила Элизабет. — Мы подождем с ужином.

— Большое спасибо, — кивнул Флетч. — И я очень благодарен вам за концерт.

— Мы рады, что вы заглянули к нам, Флетч, — улыбнулся Флинн.

— Я с удовольствием остался бы. Можно мне заехать еще раз?

— А на чем вы играете? — спросил Уинни.

— На пищащей машинке.

— Ударный инструмент, — прокомментировал Флинн.

— Лерой Андерсон сочинил концерт для пищащей машинки, — добавила Элизабет.

— Полагаю, вам не удалось поговорить со мной о том, ради чего вы приехали, — ответил Флинн, прощаясь у двери.

— Нет, — качнул головой Флетч. — Но я не жалею, потому что провел этот час куда как лучше.

— Я знал, что вы это скажете.

— Мы сможем увидеться завтра в вашем рабочем кабинете?

— Конечно.

— Когда удобнее?

— В пять часов. Любой здравомыслящий полисмен в это время сидит на работе. Чтобы избежать транспортной пробки.

— Ладно. Где я вас найду?

— Крэйджи Лэйн, девяносто девять. Если вы заблудитесь, детективы в штатском покажут вам дорогу.

Они пожелали друг другу спокойной ночи.

За дверью Флетча встретил питанный влагой воздух.

Он стоял на крыльце, привыкая к темноте и ощущая спиной тепло дома, из которого только что вышел. В ушах еще звенела музыка Бетховена, а перед мысленным взором стояла Дженни под шапкой вьющихся волос, с большими голубыми глазами.

В свете уличного фонаря он ясно различал лица двух детективов в штатском, сидевших в машине. Ему показалось, что они с ненавистью смотрят на него.

Один из них снял трубку телефона в машине как раз в тот момент, когда Флетч двинулся вниз по ступенькам. Флинн, должно быть, объяснял детективу, по какой причине Флетч едет в аэропорт. И рекомендовал не предпринимать решительных действий... Не мешать Флетчу, но и не пускать его в самолет.

— О Господи, — вздохнул Флетч, шагая к своему «форду».

Глава 30

— Флетч!

Никогда раньше он не видел Энди в пальто. Они обнялись, и Флетч подхватил чемодан невероятных размеров.

— Сильвия здесь?

— Да.

— Сука. Что она делает?

— Не знаю. Я вижу с ней нечасто.

— Где она остановилась?

— В моей квартире.

— О Боже!

— Как ты?

— Ты нашел картины? — ответила Энди вопросом на вопрос.

— Поговорим об этом в машине. Как ты?

— Что ты хотел узнать о Барте Коннорсе?

— Как ты?

Он вынес огромный чемодан Энди из здания аэропорта, пересек улицу, поднялся по лестнице и дотащил его до стоянки, на которой оставил машину.

Детективы в штатском следовали за ним в двадцати ярдах. Шагали они вразвалочку, засунув руки в карманы.

— Где картины? Ты знаешь?

— Точных сведений у меня нет. Возможно, они в Техасе.

— Техасе?

— В конце недели нам, наверное, придется слетать туда.

— Как они могли оказаться в Техасе?

— Вроде бы Хорэн купил три картины из коллекции ди Грасси у жителя Далласа, некоего Джеймса Коуни. У него большое ранчо и восемь детей.

— Ты в этом уверен?

— Откуда мне знать? Хорэна на испуг не возьмешь. У него безупречная репутация. Самодовольный подонок, но пока на лжи я его не поймал. Пытаюсь надавить на него, чтобы выяснить, где Коуни взял эти картины.

— И он скажет?

— Как знать. Если не скажет Хорэну, тогда мы полетим в Техас и спросим у него сами.

— А что ты сделал? Попросил Хорэна найти одну из картин?

— Да. Пикассо.

— И где сейчас эта картина?

— В Бостоне. У Хорэна. О ней я рассказал ему в среду. Он

нашел ее в четверг вечером или в пятницу утром. В ночь с пятницы на субботу картину переправили в Бостон самолетом. В субботу я уже увидел ее. А поначалу, когда мы встретились первый раз, он сомневался даже в ее существовании.

— То есть?

— Сомнений у него хватало. Есть ли такая картина вообще? Можно ли ее найти? Принадлежит ли она кисти Пикассо? Продается ли?

— Картина подлинная?

— Да. Я в этом уверен. Хорэн — тоже. Коуни готов ее продать.

Они остановились, чтобы заплатить за проезд по туннелю, и нырнули под землю.

— Пока Хорэн ведет себя как профессиональный брокер, торгующий произведениями искусства. Мне он не нравится, но это личное и не имеет отношения к делу.

Они вырвались из тоннеля. Замелькали стрелки указателей, названия улиц.

— О, я не знаю, куда ехать, — признался Флетч.

— Направо, — ответила Энди. — Поворачивай на Сторроу Драйв.

— Откуда ты знаешь?

Они повернули направо.

— Мы едем на Бикон-стрит, не так ли? Около Гарденс?

— Да, откуда ты знаешь?

— Я жила здесь почти год. Когда училась в Рэдклиффе.

— Где это?

— Кембридж. Снова направо. На Сторроу Драйв.

Флетч слушался беспрекословно.

— Почему ты справлялся о Барте Коннорсе?

— Потому что в тот вечер, когда я прилетел в Бостон, в его квартире нашли убитую девушку.

Уличные фонари освещали ее профиль.

— Он не мог этого сделать.

— Больно уж ты уверена.

— Да. Уверена.

— Поэтому я и орал на тебя по телефону, требуя, чтобы ты уехала с виллы. Когда я просил тебя посмотреть, приехал ли он, я не ожидал, что ты останешься там на ночь.

— Тут надо повернуть налево, — предупредила она его перед светофором. — Тогда мы сможем объехать Гарденс. Добрый старый Бостон.

— Полиция решила, что ее убил я.

— Убил девушку? Ты бы тоже этого не сделал. А если бы и убил, не стал бы перекладывать вину на Барта.

— Благодарю.

— Барт очень тихий. Не обидит и мухи.

— А я-то просил тебя только глянуть на него... Ты, наверное, проверила, какие у него зубы, да?

— Зубы у него, как у любого нормального человека.

— О Господи!

— Так кто ее убил?

- В том-то и дело, Энди, что убил ее скорее всего Барт!
- Не может быть!
- Он находился в Бостоне в тот вечер! Его видели в двух кварталах от дома с девушкой, похожей на убитую, перед тем как ее убили! У него был ключ от собственной квартиры! Он улетел в Монреаль после того, как ее убили! И не прошло шести месяцев, как он пережил сильнейшее психосексуальное потрясение. Его жена ушла к другой женщине, как бы подчеркнув, что не видит в нем мужчину.
- Я знаю,— кивнула Энди.— Он рассказал мне.
- Изумительно!
- И сказал, что ты позвонил, чтобы переложить на него всю вину. Он задал о тебе куда больше вопросов, чем ты — о нем.
- Энди...
- Осторожно, такси... Более того, Флетч, я могу подтвердить, что это «сильнейшее психосексуальное потрясение» не причинило ему ни малейшего вреда.
- Можешь, держу пари.
- Мы уже обсуждали этот аспект. И не надо дуться.
- Дуться! Ты же носишь мое обручальное кольцо.
- И что? Очень милое колечко. А кого ты трахнул на этой неделе?
- Я? Что?
- Не слышу ответа. Или ты изменил привычный образ жизни?
- Где же нам поставить машину?
- Вон там. Слева.
- Мне нужно место для двух машин.
- Заднее стекло освещали фары автомобиля, в котором ехали детективы.
- Так что я не буду помогать тебе искать доказательства вины Коннора в преступлении, которое ни один из вас не совершал.
- Какая верность! — хмыкнул Флетч.
- Позвони еще раз Хорэну,— предложила Энди, когда они поднимались в скрипучем лифте.

Глава 31

На шестом этаже Флетч поставил огромный чемодан на пол, чтобы достать ключи и открыть дверь. Но ее распахнула Сильвия.

Женщины обнялись и затараторили по-итальянски. Флетч отметил, что Сильвия в фартуке. Ему пришлось протискиваться между ними, чтобы попасть в квартиру. Сильвия и Энди продолжали щебетать, словно школьницы, встретившиеся после каникул.

По запахам Флетч понял, что Сильвия приготовила им обед, по времени — скорее ужин.

Оставив чемодан в прихожей, он прошел в спальню, чтобы позвонить. Даже через закрытую дверь до него доносились радостные вскрики. Он набрал номер.

- Мистер Хорэн? Это Питер Флетчер.
- А, слушаю вас, мистер Флетчер.
- Извините, что беспокою вас в воскресный вечер...
- Не беда. Мне звонят отовсюду и в любое время. Вы решили предложить за Пикассо другую сумму?
- Вы переговорили с мистером Коуни?
- Да. Он ответил, что ваше предложение его не заинтересовало.
- И он не хочет обдумать его?
- Нет.
- Он прояснил происхождение картины?
- Нет. Я указал, что вы вправе задавать подобные вопросы. Что вам необходимо знать, откуда взялась у Коуни эта картина. Считаю, я сделал все, что мог.
- Но не продвинулись ни на шаг?
- Он не снизошел даже до стандартных ответов. Я имею в виду ссылку на Швейцарию. Лишь отметил, что подлинность картины не может вызывать сомнений.
- Очень даже может.
- Разумеется, нет. Мне, к примеру, ясно, что перед нами подлинник, да и вы сами едва ли будете спорить.
- Понятно.
- Между прочим, мистер Флетчер, наш техасский ковбой удивил меня, буквально слово в слово повторив ваши слова.
- О?
- Картину «Вино, скрипка, мадемуазель» он назвал «великолепным» образчиком наследия Пикассо, добавив, что это «ключевое произведение кубизма».
- О!
- То есть наш ковбой с восемью детьми не дилетант в живописи.
- Не мне с вами спорить, мистер Хорэн. Предложите мистеру Коуни пятьсот двадцать пять тысяч долларов за эту картину.
- Что ж, мистер Флетчер, это уже ближе к истине. Обязательно предложу.
- Как вы помните, с самого начала я предупреждал вас, что мне, возможно, понадобится ваша помощь в розыске и приобретении и других картин.
- Разумеется.
- Не затруднит вас спросить мистера Коуни, нет ли у него еще одной интересующей меня картины?
- То есть вам вновь нужна определенная картина?
- Да. Картина Умберто Боччиони «Красное пространство».
- «Красное пространство»? Вы вновь поставили меня в тупик, мистер Флетчер. От ключевой работы кубизма Пикассо вы переходите к итальянскому футуризму.
- Я знаю.
- Огонь и вода.
- Вернее, вода и огонь, если сохранять вашу последовательность.
- И вновь, как профессионал, я должен предупредить, что мне ничего не известно о существовании такой картины...

- Конечно, конечно.
- С чего вы взяли, что эта картина может принадлежать мистеру Коуни, мистер Флетчер?
- Пусть это останется моей маленькой тайной.
- То есть вы хотите, чтобы я незамедлительно спросил, есть ли у него «Красное пространство» Умберто Боччиони?
- Ну почему незамедлительно. Первым делом скажите ему, что я предлагаю более полумиллиона за Пикассо...
- «Вино...» стоит гораздо дороже.
- Я думаю, и этого предложения достаточно, чтобы затем поинтересоваться второй картиной. Скажите, кто-то, мол, упомянул о ее существовании, и вы хотели бы знать, где она находится.
- Вы толкаете меня на обман?
- Назовем это тактической уловкой,— возразил Флетч.— Мне хочется знать, что он вам скажет.
- Сейчас около восьми часов. Разумеется, по местному времени. Я постараюсь позвонить ему сегодня.
- И перезвоните мне утром?
- Если застану его дома.
- Благодарю вас. Спокойной ночи.

Глава 32

Обеденный стол сверкал хрусталем и серебром. Сильвия при- тушила свет.

- Усаживайтесь.— Она сняла фартук.— Я вас обслужу.
- Флетч сел во главе стола. Энди, по указанию Сильвии, справа от него. Себе Сильвия приготовила место напротив Флетча.
- Флетч наклонился к Энди.
- У тебя нет ощущения, что тебе семь лет?
- А что нас ожидает?
- Суп!
- Первое блюдо,— возвестила Сильвия, появившись из кух- ни.— Отличный суп.

В плоских тарелках плавали бульонные кубики в собственном жиру, окруженные холодной водой.

- Я так и думал,— вздохнул Флетч.— Вы же дали нам большие ложки.

Попытка раздавить кубик кончиком ложки не удалась. По крепости он не уступал мрамору, из которого высекал свои статуи Микеланджело. Кубик крутился в воде, как танцор танго. Жир выбрасывал отвратительные щупальца, тянувшиеся к кра- ям тарелки.

- Я подумала, что никому из нас не повредит горячий обед. Вкусный и насыщающий. По рецептам американской кухни.
- Не повредит,— эхом отозвался Флетч.
- Тем более что Энди здорово проголодалась. Так долго ле- теть над океаном...
- Да, да.
- Вдобавок эта ужасная, промозглая погода.
- Точно.
- И горячий суп по-американски весьма кстати.

— Кто ж спорит, — ответил Флетч.

— Вам не понравился мой суп? — Сильвия подошла, чтобы забрать тарелки. — Вы его не доели.

— Он очень долго остывал.

— Она не умеет готовить, — сообщила Энди, когда Сильвия унесла тарелки на кухню. — Это все знают.

— Теперь это не новость и для меня.

— А на второе рыба! — возвестила Сильвия. — Хорошая американская рыба.

На его тарелке лежал кусок холодного консервированного тунца и четверть лимона. Флетч поневоле задумался, а кому досталась четвертая четверть.

— О, да. Рыба. Я ее узнал. Как хорошо, что вы убрали голову, Сильвия. Терпеть не могу рыбной головы на тарелке. Разве ты не рада, что она убрала голову, Энди?

— Я рада, что она сама вскрыла банку.

— И правильно, — кивнул Флетч. — Странно, но еще никто не додумался включить в столовый набор консервный нож. Мне представляется, на этом можно заработать немало денег.

На своем конце стола Сильвия сияла, как медный таз.

— Да, вкусно. — Флетч жевал рыбу.

— Семейный обед, — прокомментировала Сильвия.

— Именно так.

— Мы все вместе, как одна семья.

— Как одна семья. Точно подмечено.

— Если бы только Менти был с нами.

— Вот уж кто знал, как оценить вкус рыбы.

— Бедный Менти.

— И ломтик лимона очень кстати, — похвалил Сильвию Флетч. — Вы сами его резали?

— Они нашли его тело, — вставила Энди.

— Где? — спросил Флетч.

— Что? — переспросила Сильвия.

— На пустыре. Неподалеку от Турина. Позвонили из полиции. Перед самым моим отъездом.

— Они нашли Менти? Правда? — В голосе Сильвии слышались недоверчивые нотки.

— Извините, — Энди поникла головой, — мне не следовало говорить об этом за столом.

— Ты не испортила нам аппетита, — успокоил ее Флетч.

Сильвия заголосила по-итальянски, в какой-то момент даже перекрестилась вилкой, затем выстрелила в Энди залпом длинных вопросов, на которые та отвечала односложно. Когда вопросы стали короче, Сильвия перешла на французский язык — язык логики. Ответы Энди, учившейся в Швейцарии, стали на французском еще короче.

Бормоча что-то по-португальски, Сильвия унесла тарелки из-под рыбы на кухню.

— Теперь моя очередь задавать вопросы, — подал голос Флетч.

— Из полиции позвонили, когда я уже уезжала. Они нашли тело в неглубокой могиле, вырытой на пустыре у самого Турина.

— Они уверены, что это твой отец?

— Его возраст, его рост, его вес. Они уверены. Смерть наступила примерно три недели назад.

— Понятно.

Сильвия вошла с тарелками для салата. На них зеленели горки консервированного горошка.

— О, горох, — хмыкнул Флетч.

— Салат! — поправила его Сильвия. — Хороший американский салат.

К гороху она добавила соли. С избытком.

— Мне представляется, что одна из вас, а может, вы обе должны вылететь в Италию, чтобы получить останки.

— Останки? — встрепенулась Сильвия. — Какие останки?

Энди заговорила по-итальянски.

— Об этом не говорят за обеденным столом, — быстро оборвала ее Сильвия.

— И я того же мнения, — поддержал ее Флетч.

— Анджела, почему ты не осталась в Италии, чтобы получить останки отца? — величественно спросила Сильвия.

— Они потребовались полиции.

— Зачем полиции потребовались останки Менти?

— Они должны кое-что проверить.

— Что можно проверять на теле Менти?

— Они должны исследовать его зубы.

— При чем здесь зубы Менти? Он мертв! Какой смысл их исследовать?

— Это один из способов опознания трупа, Сильвия, — пояснил Флетч. — Тело пролежало в земле три недели.

— О! И если у тела окажутся зубы Менти, они скажут, что это Менти?

— Совершенно верно.

— Ха! — Сильвия взмахнула вилкой. — У Менти не было зубов!

— Что?

— Менти носил вставные челюсти! У него не осталось ни одного собственного зуба, ни сверху, ни внизу.

— Это точно, — подтвердила Энди. — Как я могла об этом забыть.

— Они могут опознать труп и по вставным челюстям, — нашелся Флетч.

— Откуда вы все это знаете? — Сильвия пристально посмотрела на него.

— Полиция пообещала отдать нам закрытый гроб после того, как закончится опознание, — продолжила Энди. — Мы сможем похоронить его. Когда — не имеет значения. Официально мы его уже похоронили.

— Это ужасно, — вздохнула Сильвия. — Бедный Менти.

Что-то зашкворчало на кухне, предупреждая, что на салате из гороха ужин не закончится.

— Ты успела переговорить с адвокатами? — обратился Флетч к Энди.

— Да. Я позвонила мистеру Роселли. Он сказал, что это хорошая новость.

— Что твой отец убит?

— Мы знали, что он убит. В этом нас заверила полиция.

— Извини.

— Он сказал, что сможет огласить завещание после того, как получит от полиции соответствующий документ.

— Какой еще документ? — взорвалась Сильвия. — У нас их уже целая куча!

— Они должны провести опознание и подтвердить, что это труп Менти, Сильвия, — резонно заметил Флетч. — Нельзя оглашать завещание, не убедившись, что его автор умер.

— Как бы не так! — Сильвия вновь взмахнула вилкой. — Им просто понадобились зубы Менти! Поэтому мы получим закрытый гроб. Зубов там не будет! Они будут во рту какого-нибудь полицейского инспектора в Турине.

— Сильвия, на кухне что-то горит, — перевел разговор Флетч.

— О-о-о... — Она выскочила из-за стола и метнулась к двери.

— Знаешь, я очень устал, — признался Флетч, когда они с Энди остались вдвоем.

— Именно поэтому мы так хорошо обедаем.

— Мне следовало самому позаботиться о еде.

— Да. Следовало.

— Я даже подумать не мог, что Сильвия решится на такой подвиг.

— Я тоже.

Они получили по подгоревшей сосиске, разрезанной пополам и политой кетчупом.

— О, мой Бог, — вырвалось у Флетча.

— Что такое? — Сильвия вновь уселась за стол. — Отличная американская еда. Хот дог*. С кетчупом!

— Перестань, Сильвия! — не выдержала Энди.

— Мы живем в Америке и должны привыкать к американской еде. Я здесь уже неделю. Так?

— Так, — кивнул Флетч.

— Мерзавец Роселли сказал, что написано в завещании Менти о моих картинах?

— Каких картинах? — спросил Флетч. — Никаких картин нет.

— Картины есть. — Сильвия так сильно наклонилась вперед, что едва не окунула одну грудь в кетчуп. — Мои картины, которые вы ищете. Если вы их не ищете, то что вы тут делаете? Если вы их не ищете, зачем прилетела сюда Анджела? А? Отвечайте мне, мистер Флетч.

— Кажется, мы собрались здесь, чтобы пообедать, — уклонился Флетч от прямого ответа.

— Роселли ничего не говорил о завещании, Сильвия.

— А я влюбился в Дженнифер Флинн, — возвестил Флетч.

К обгорелой сосиске он не притронулся. Как и к кетчупу.

Энди посмотрела на него, занеся нож и вилку над сосиской.

— Я думаю, вам обоим следует вернуться в Рим.

— Нет! — воскликнула Сильвия. — Я остаюсь здесь. Там, где мои картины.

*Горячая сосиска (амер.).

Глядя на Сильвию, Флетч подсчитал, сколько часов ему удалось поспать после прибытия в Америку. Затем подсчитал, сколько часов он бодрствовал.

— Сильвия, картины в Техасе.

— В Техасе?

— В конце недели я и Энди летим в Даллас.

— Я тоже лечу.

— Хорошо! Мы все летим. Как одна семья.

Энди бросила на него испепеляющий взгляд.

— Мне представляется, ты никогда не пробовала техасской томатной приправы,— улыбнулся ей Флетч.

— Томатная приправа,— отозвалась Сильвия.— Вы хотите томатной приправы?

Флетч положил чистую салфетку рядом с тарелкой. Сосиска так и осталась нетронутой.

— К сожалению, я не могу остаться и помочь вам помыть посуду. Я иду спать.

— Спать? — На лице Сильвии отразилась обида.— Вы не хотите десерт?

— Только не говорите, что вы приготовили. Пусть он мне приснится.

Флетч прошел в одну из комнат для гостей, закрыл дверь, разделся и залез под простыню. Щебетание на итальянском, французском, португальском и английском, доносящееся сквозь толстые стены, убаюкало Флетча, и он погрузился в голодный сон.

Глава 33

169

— Привет, крошка.— Флетч откатился к стене.

Энди улеглась рядом. В окна струился яркий свет. Белая простыня подчеркивала загар ее руки, плеча, шеи.

— Как хорошо, что ты снова рядом,— пробормотал Флетч.

Его язык коснулся губ Энди. Рука привлекла ее ближе.

— Где ты был прошлой ночью? — спросила Энди.

— Когда?

— В два часа. В три. В постели тебя не было.

— Я пошел прогуляться. После сытного обеда.

В действительности между двумя и тремя часами утра он менял местами номерные знаки автофургона и «форда».

— После того сытного обеда.— Энди захихикала.

— В Канья ты спала в моей постели? — спросил Флетч.

— Конечно. В нашей постели.

— Я голоден.

Энди вопросительно посмотрела на него.

— Это же твоя квартира.

— Да.

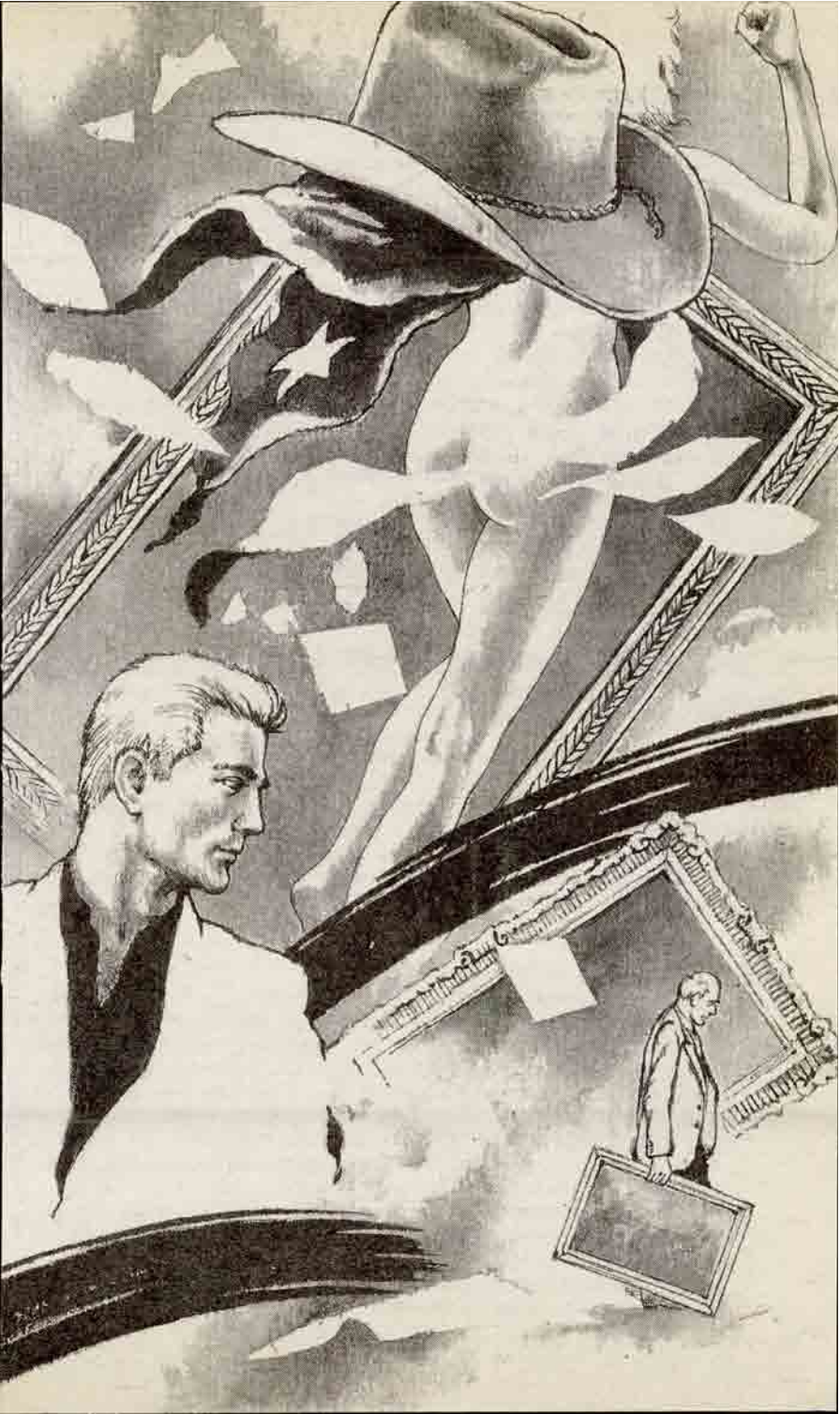
— Тогда почему Сильвия в спальне, а мы с тобой — в комнате для гостей?

— Я не знаю.

— Чего ты не знаешь?

— Могу только привести латиноамериканское выражение: «Я проиграл битву на улице».

- Тут произошла революция?
- Считай, что да. Причем в мое отсутствие.
- Как это?
- Пару ночей я провел вне дома.
- И где же ты был?
- Работал.
- Работал?
- В газете. Мой давний друг по «Чикаго пост» теперь перебрался в Бостон. У него не хватало людей, и он попросил меня помочь. Горел Чарльзтаун.
- И ты согласился?
- Почему бы и нет?
- Разве ты не мог отказаться?
- Мог, но не захотел. Душой я по-прежнему журналист.
- Кроме того, Джек разрешил мне ознакомиться с картотекой. Я просмотрел все материалы по Хорэну.
- Джек?
- Джек Сандерс.
- Я сомневаюсь, что Чарльзтаун горел две ночи.
- Что ты хочешь этим сказать?
- На вторую ночь твой приятель мог справиться с нехваткой персонала и без тебя.
- К чему ты клонишь?
- Ты сказал, что отсутствовал две ночи.
- Неужели?
- Где ты провел вторую ночь?
- Какую вторую?
- Тебя не было только одну ночь?
- А...
- Если тебя не было только одну ночь, как Сильвии удалось оккупировать спальню?
- Гм...
- Как она вообще попала туда?
- Кто? Сильвия?
- Ты спал с Сильвией?
- Кто? Я?
- Вот видишь, Флетч.
- Видишь что?
- И не нужно на меня дуться.
- Я на тебя дуюсь?
- Из-за Барта.
- О да. Барт Потрошитель.
- Он нуждался в помощи, Флетч.
- Держу пари.
- Ты знаешь, почему его покинула жена?
- До меня доходили кое-какие слухи.
- Да еще девушка, которую он хотел взять в Канья, наотрез отказалась ехать с ним.
- Знаю. Я нашел ее тело. Ей следовало согласиться.
- Барт никого не убивал.
- Энди, Рут Фрайер убил один из трех человек. Я знаю

наверняка, что не убивал ее, а в списке из двух оставшихся кандидатов Барт занимает первую строчку.

— Расскажи мне о Сильвии.

— Какой Сильвии?

— Я тебя слушаю.

— Энди, ты, похоже, сильно заблуждаешься.

— Отнюдь. Ты еще не проиграл ни одной «битвы на улице».

— Потому что знаком только с одной Сильвией.

— Что случилось?

— Меня изнасиловали.

— Как мило.

— Да, недурственно.

— Я тебе не верю.

— Можешь проверить. Ты, наверное, догадываешься, что картины нужны ей не меньше, чем тебе.

— Она их не получит, не так ли?

— Я знаю, что она может предложить. Теперь твоя очередь делать ставку.

— Ты знаешь, что я могу предложить.

— Ты более костлявая.

— Тебе это нравится. Костлявость.

— Я это говорил?

— Раз или два.

— А если я врал?

— Это известно только Богу.

— Для двух друзей, которые не виделись целую неделю, мы слишком много говорим.

— Я не привыкла заключать сделки в постели.

— О, тогда просто пожайлей меня.

— С чего тебя жалеть?

— Меня изнасиловали. Мне нужно вернуть сексуальную уверенность.

— Она уже вернулась к тебе. Я это чувствую.

— Видишь, как благотворно действует на меня твое присутствие?

Глава 34

Флетч доканчивал вторую порцию яичницы с ветчиной, когда зазвонил телефон. Встав из-за стола, он направился в кабинет.

Шел одиннадцатый час, и Сильвия уже отправилась по своим делам. Как полагал Флетч, она обходила местные галереи со списком картин ди Грасси в руке, надеясь напасть на какую-либо из них.

За завтраком Флетч и Энди решили погулять по старым улочкам. Энди обещала познакомить его с американской историей. Звонил Хорэн.

— Мистер Флетчер, я смог дозвониться до мистера Коуни вчера вечером, но вам перезванивать не стал, потому что было очень поздно.

— И правильно сделали. Я лег спать довольно-таки рано.

— Собственно, у меня не было особого повода беспокоить вас.

— О?

— Он сказал, что его не заинтересовало и ваше новое предложение. Он полагает, вы и близко не подошли к той черте, за которой начинаются переговоры.

— Вы напомнили ему о восьмерых детях, которых надо кормить?

— Он считает, что эта картина Пикассо стоит как минимум миллион долларов.

— У него очень прозорливые дети. Я-то думал, что в Техасе мясо дешевле.

— Я не знаю, продолжите ли вы переговоры, но, полагаю, вам нужно время, чтобы подумать.

— А как, по-вашему? Продолжать переговоры?

— Думаю, что да. Во всяком случае, стоит сделать еще одно предложение. Я, конечно, не представляю себе, сколько вы готовы выложить за одну картину.

— Вы сделаете это предложение от себя, если я откажусь?

— Мистер Флетчер, я, кажется, допустил ошибку... Приношу извинения... Не следовало мне говорить вам, что я, возможно, захочу приобрести эту картину, если вы ее не возьмете. Я — ваш брокер, и покупатель ни в коем случае не должен ощущать, что брокер готов перебить его цену ради собственной выгоды.

— У меня возникали подобные мысли.

— Будем считать, что вы неправильно истолковали мои слова. Я имел в виду следующее. Если ваши переговоры закончатся безрезультатно, какое-то время спустя, не завтра, разумеется, а по прошествии нескольких месяцев, а то и полугода, я могу вновь обратиться к мистеру Коуни с предложением продать картину, от себя или от лица другого клиента.

— Понятно.

— И пока ваши переговоры с мистером Коуни продолжаются, будьте уверены, ни я, ни кто-либо другой из моих клиентов не являются вашими конкурентами. И я приложу все силы, чтобы ваши переговоры завершились успешно.

— Так что вы мне посоветуете?

— Мне кажется, вам стоит подумать. Спешить нет нужды. После того как вы взвесите свои материальные возможности, я назову мистеру Коуни новую цифру, если, разумеется, получу на то ваше указание.

— И сколько?

— Вы о новой цифре? Полагаю, восемьсот тысяч долларов.

— Я обдумываю ваше предложение.

— Конечно, мистер Флетчер. Звоните в любое время.

— Как насчет другой картины?

— Какой картины?

— Боччиони. «Красное пространство».

— О! Тут мы попали в молоко.

— Правда?

— Мистер Коуни слыхом не слыхивал об Умберто Боччиони.

— Удивительно.

— Вероятно, вы получили ложную информацию.

— В это трудно поверить.

— В нашем деле случается и не такое, мистер Флетчер. Тот, кто сказал вам, что картина Боччиони у мистера Коуни, ошибся. Позвоните мне, как только примете решение насчет Пикассо.

— Обязательно.

Энди убрала со стола грязные тарелки.

— Это Хорэн,— пояснил Флетч.— Наш человек в Техасе никогда не слышал об Умберто Боччиони.

Глава 35

Надеясь, что детективов в штатском не удивит его решение воспользоваться такси, Флетч поехал на Крэйджи Лэйн.

Здание полицейского управления, сложенное из серого камня, возвышалось у самой бостонской гавани. Стены, как того требовала инструкция, покрывала зеленая краска, деревянный пол чуть пружинил под ногами.

Дежурный полицейский указал ему на лестницу с деревянными перилами. На втором этаже, в нише, Гроувер пил чай. Он и провел Флетча в кабинет Флинна.

Флинн сидел за старым деревянным столом, а за его спиной через три сводчатых, почти как в кафедральном соборе, окна открывался вид на гавань. Несколько стульев с деревянными спинками да длинный стол для совещаний у дальней стены дополняли обстановку.

— Вас не затруднит принести мистеру Флетчеру чашечку чая, Гроувер? — Флинн поднялся, чтобы пожать руку Флетчу. — Присаживайтесь, мистер Флетчер. Чувствуйте себя как дома.

Гроувер поставил на край стола две чайные чашки и вышел за третьей.

— За чаем лучше беседуется,— улыбнулся Флинн.

Флетч пододвинул один из стульев и сел так, чтобы свет из окон не бил в глаза.

— У вас тут уютно.

— Знаю.— Добродушная улыбка все еще играла на губах Флинна.— Я заглянул к вам в выходной, в субботу, вы заглянули ко мне в выходной, в воскресенье. Как говорится, в свободное от работы время. Я узнал, что вы не только репортер и убийца, но и любитель подглядывать в чужие окна. Неужели этим и ограничится наш улов?

Гроувер поставил перед Флетчем чашку чая, не спросив, хочет ли тот сахара или молока, взял свою чашку и сел за длинный стол.

— Вы хотите, чтобы я записывал ваш разговор, инспектор?

— Пожалуй, что да. Я думаю, мистеру Флетчеру есть что сказать, и пусть его слова останутся на бумаге.

— Как продвигается другое расследование? Я имею в виду убийство члена городского совета.

— Медленно,— признался Флинн.— И отнимает ужасно много времени.

— Теперь относительно Рут Фрайер.

— Вернее, убийства Рут Фрайер.

— Да. Я хочу, чтобы вы вычеркнули меня из списка подозреваемых.

— Вам нужно слетать в Техас.

— Возможно.

— Мы вычеркнем вас из списка, как только найдем на ваше место более подходящего кандидата.

— Как я понимаю, в последние дни и в этом расследовании вы не достигли особого прогресса.

— Как вам это нравится, Гроувер? Наш кандидат в обвиняемые теряет терпение. А поначалу он так надеялся на компетентность полиции Бостона.

Склонившись над столом, Гроувер что-то писал в блокноте.

— Я, конечно, не забываю, что у вас есть и другие дела.

— Одно или два. Не более того.

— А политики и пресса давят на вас, требуя поскорее найти убийцу члена городского совета.

— Сами видите, мне есть чем оправдаться.

— Но в данной ситуации я — жертва. Я не убивал Рут Фрайер.

— Все убийцы так говорят.

— А расследование тянется уже неделю.

— Мистер Флетчер, отдел жалоб на первом этаже. Маленькая такая комната с прозрачными стенами.

— Другой человек на моем месте еще на прошлой неделе нанял бы частных детективов...

— Вы и прежде проводили расследование самостоятельно, поэтому вы сами выяснили, что к чему. Так?

— Да.

— И пришли к какому-то выводу?

— Думаю, пришел.

— Вам нужно время, чтобы заточить карандаш, Гроувер? О, у вас ручка. Постарайтесь не упустить ни слова.

— Итак, — начал Флетчер, — вероятнее всего, хотя и не обязательно, у убийцы был ключ от квартиры. Полагая, что Барт Коннорс в Италии и квартира пуста, Рут Фрайер могла прийти одна или с кем-то еще, чтобы воспользоваться квартирой для удовлетворения своих сексуальных appetитов. У нее мог быть ключ, который потом взял убийца. Или Джоан Уинслоу, уже прилично набравшись, впустила ее в квартиру Коннорса.

— Все это маловероятно, — возразил Флинн. — Уинслоу в это время была в «Снегире». Рут Фрайер, войдя, увидела бы в прихожей ваши чемоданы, заметила бы, что на бирках написано «Питер Флетчер», и покинула бы квартиру, с какими бы намерениями она ни пришла туда. Мистер Флетчер, я полностью отвергаю идею самоубийства.

— Аргументов у вас немного, но я с вами согласен. Далее необходимо задаться вопросом: а у кого были ключи от квартиры? У меня. — Он загнул мизинец. — У миссис Сэйер, которую вы допрашивали...

— Она чиста, как Ева.

— ...У Джоан Уинслоу...

— Она вообще ни на что не способна, не говоря уж об убийстве.

— ...У Барта Коннора...

— Вот это достойный кандидат в убийцы. Как же мы не подумали о нем, Гроувер?

— ...и у Люси Коннора.

— Люси Коннорс?

— Давайте начнем с Барта Коннора.

— Вы подозревали его с самого начала. Так напирали, что я даже пожалел этого парня.

— Напирал, — согласился Флетч. — Шесть месяцев назад Барт Коннорс перенес сексуально-психологическое потрясение. Жена ушла от него к женщине. Миссис Сэйер рассказывала, что после этого он стал приводить к себе одну за другой. Мы думали, что он улетел в Италию в воскресенье. Он же покинул Бостон лишь во вторник, в половине десятого вечера, улетел в Монреаль, а уж оттуда — в Рим. Довольно необычный маршрут. А перед самым убийством Джоан Уинслоу видела его в баре в двух кварталах от квартиры с девушкой, в которой она опознала Рут Фрайер.

— Она — ненадежный свидетель. И любой адвокат за несколько минут не оставит камня на камне от ее показаний.

— Флинн, разве Барт Коннорс — не убийца?

— Не знаю.

— Нам известно, что он отложил отлет в Италию, пытаясь уговорить какую-то девушку отправиться с ним. Девушку, которая наотрез отказалась от его предложения.

— И все-таки мне не верится. Он — бостонский адвокат, работает в солидной фирме...

— Все это означает только одно — ему хватило ума переложить вину на другого.

— Я не понимаю, почему он выбрал такой сложный путь, когда мог просто вынести тело из квартиры и бросить в каком-нибудь переулке.

— Во-первых, он опаздывал на самолет. А во-вторых, в округе его хорошо знают. Кроме того, он знал о моем приезде.

— Звучит убедительно. Но в тот вечер у Рут Фрайер не было половых связей.

— В этом все дело, Флинн. Ее отказ отдаться ему после разрыва с женой вывел его из себя.

— Возможно.

— Откровенно говоря, Флинн, мне кажется, вы не придали должного внимания Коннорсу.

— Гроувер, давайте повнимательнее приглядимся к тому, что преступником может оказаться Коннорс.

— Кстати, вам, должно быть, неизвестно, что приятель Рут Фрайер, его зовут Клэй Робинсон, прилетел из Вашингтона во вторник вечером, чтобы провести с ней несколько дней.

— Правда? Гроувер, наша некомпетентность становится вызывающе заметной.

— Допустив, что Рут Фрайер была знакома с Бартом Коннорсом и знала, что он уехал в Италию, почему не предположить, что она привела Клэя Робинсона в квартиру Коннора.

- С какой стати? В Бостоне полно отелей.
- В квартире куда уютнее.
- А разве ей не пришлось бы объяснять этому Клэю, откуда у нее взялся ключ от райского гнездышка?
- Наверное, пришлось бы.
- Насколько нам известно, мистер Флетчер, ключа у нее не было. Ваши чемоданы стояли в прихожей...
- Ладно. Теперь перейдем к Джоан Уинслоу.
- Мой Бог, Гроувер, у меня такое впечатление, что мы попали на лекцию одного из гарвардских профессоров.
- Флинн, мне надоела роль подозреваемого в убийстве.
- Как я понимаю, у вас есть веские основания полагать, что эти картины в Техасе.— Голос Флинна едва перелетал через стол.— Вы хотите поехать туда.
- Инспектор, я не расслышал, что вы сказали,— вмешался Гроувер.
- Так и было задумано. Продолжайте, мистер Флетчер.
- У Джоан Уинслоу есть ключ от квартиры. Она любила Барта Коннорса. Страстно. Он же дал ей «от ворот поворот». И она лютой ненавистью ненавидела молоденьких девчушек, которых он приводил.
- Но как все это выстраивается во времени и пространстве?
- Не знаю. Джоан Уинслоу услышала, что в квартире Барта кто-то есть, она знала, что Барт в Италии, пошла посмотреть, кто там, увидела голую Рут, решила, что та дожидается Барта. Джоан охватила пьяная ярость, она схватила бутылку и огрела Рут по голове.
- Кто убрал остальные бутылки? Переставил их в буфет?
- Джоан Уинслоу. Она не раз бывала в квартире. Знала, где что стоит. И мой приезд скорее всего не составлял для нее секрета. Она увидела мои чемоданы и поняла, что я скоро должен вернуться. А может, просто хотела подставить Барта Коннорса.
- Это тоже вариант.
- Джоан Уинслоу пошла даже дальше меня, чтобы возложить вину на Барта Коннорса. Она показала, что перед самым убийством видела его с Рут Фрайер в баре.
- Когда мы начнем анализировать улики против вас? Гроувер в нетерпении.
- Я думаю, с этим вы справитесь сами. Вы определили меня главным подозреваемым, но потом сделали очень немного.
- Так чего же мы не сделали?
- Это я вам могу сказать. Вы не нашли ключ от номера отеля, в котором жила Рут Фрайер.
- Между прочим, вы так и не отдали его мне.
- Он вам не потребовался. Вы не знали, что у Джоан Уинслоу есть ключ от квартиры Барта Коннорса.
- Тут мы недоглядели. Сказалась моя неопытность.
- Вы не знали, что у Рут Фрайер есть парень, Клэй Робинсон, и что во вторник днем он прилетел в Бостон.
- Как мы могли об этом узнать?
- Вы не побеседовали с Бартом Коннорсом.

— Опять он. Вы как заезженная пластинка, которую заедает на одном и том же месте.

— А о самом главном направлении ваших поисков вы даже не подумали!

— Мы расследуем убийство члена городского совета...

— Я не хочу оказаться в тюрьме, Флинн, только потому, что вас отвлекают.

— Ну и задали вы мне жару. Совсем как Гроувер. Более опытного полицейскому такой нагоний мог и не понравиться.

— Извините, Флинн, но я хотел бы уехать из Бостона.

— Вы уже упоминали об этом.

— Люси Коннорс, — произнес Флетч.

— О, да. Люси Коннорс.

— У нее есть ключ от квартиры.

— Правда? Вы говорили с ней?

— Да.

— Как интересно! Когда это могло быть? Она живет в Бруклине?

— Да.

— Ага. Вы были у нее в воскресенье утром, перед тем как заехать ко мне.

— Флинн, Люси Коннорс прилетела в Бостон из Чикаго во вторник днем рейсом «Транс Уорлд Эйрлайнс».

— Мой Бог!

— Более того, она нашла предлог для задержки. А задержалась она на два или три часа.

— Вы молодец, мистер Флетчер. Просто молодец.

— Она признает, что подвержена приступам ярости. Бывало, она била своего мужа. Он приходил на работу в синяках и царапинах. Она и ее подруга практикуют сексуальный садизм.

— Вы, должно быть, были прекрасным специальным корреспондентом, мистер Флетчер, раз сумели выяснить, чем двое людей занимаются в постели.

— Люси Коннорс приедет в Бостон. Ее внимание привлекает встречающая стюардесса, Рут Фрайер. Люси заговаривает с ней, возможно, рассказывает о своем магазинчике. Рут молода и неопытна, у нее и в мыслях нет, что у этой женщины, старше ее по возрасту, могут возникнуть сексуальные желания по отношению к ней. Они едут в отель Рут, там девушка переодевается. Она не дожидается Клэя Робинсона, потому что не подозревает о его грядущем приезде. Рут, постоянно перелетающей с места на место стюардессе, скучно в городе, которого она не знает. Она должна выйти замуж через месяц-другой, а тут женщина приглашает ее пообедать, приятно провести вечер. Почему бы и нет? С женщиной она чувствует себя в полной безопасности.

— Действительно, молоденькая девушка не может мыслить иначе, — признал Флинн.

— Мужчина и женщина могут снять номер в отеле, но если две женщины желают поселиться в одном номере, это все еще вызывает удивление.

— И тут вы правы.

— Люси Коннорс не может пригласить Рут к себе домой, потому что там ждет Марша.

— Поэтому, зная, что Барт в Италии, решает воспользоваться квартирой, на которую имеет полное право, поскольку официально они не разведены. О вашем приезде она или не знает, или плюет с высокой башни. Так или иначе, она приводит Рут Фрайер в квартиру Коннорса.

— Именно так. А оказавшись в квартире, Рут неожиданно для себя осознает, что ее соблазняют. Она молода, собирается замуж и вообще предпочитает мужчин. Она сопротивляется. С нее срывают платые. Она бежит через прихожую. Люси, которой нравится такая игра,— за ней следом. К тому же у Люси нет большого опыта по соблазнению девушек. Она теряет голову. Может, Рут, сопротивляясь, причиняет ей боль. Может, от ярости Люси просто теряет контроль над собой.

— И бьет малышку Рут бутылкой по голове.

— Тщательно вытирает бутылку и ставит на место. Убирает остальные бутылки на полку, зная, что миссис Сэйер обязательно будет их переставлять. Впрочем, ее отпечатки пальцев ни у кого не вызвали бы ни малейшего подозрения.

— И приносит в гостиную кувшин с водой, не сомневаясь, что любой нормальный мужчина, вернувшись домой и увидев на полу мертвую девушку, первым делом потянется к спиртному. И оставит отпечатки пальцев на оружии убийства.

— Совершенно верно.

— Чертовски умно. Как вам удалось разговорить Люси Коннорс?

— Я представился репортером одного журнала.

— Ясно. Похоже, ваши успехи поболее наших.

— Меня с самого начала озадачил сексуальный аспект преступления,— добавил Флетч.— Убитая нагишом красотка. А вскрытие тем не менее показывает отсутствие половых контактов.

— Меня это тоже удивило.

— Экспертиза и не найдет никаких свидетельств полового контакта, если его участницы — лесбиянки.

— Мой Бог, и все это лежало на самой поверхности.

— У Люси есть ключ. Она и Рут были в аэропорту в одно и то же время. Рут ей приглянулась. Они не могли снять номер в отеле, не привлекая внимания. Люси способна на насилие. Рут, должно быть, сопротивлялась.

— Арест.— Флинн встал.— Немедленный арест.

— Дом 58 по Фентон-стрит,— поднялся и Флетчер.— Квартира 42. На имя Марши Гауптманн.

— Вы все записали, Гроувер?

— Да, инспектор.

— А теперь, Фрэнк, могу я попросить вас об одолжении?

— Похоже, я у вас в долгу.

— Уберите ваших громил.

— Обязательно. Гроувер, прикажите незамедлительно прекратить слежку за мистером Флетчером.

— Хорошо, сэр.

- Сегодня вечером вы дома, Флетчер?
- Пока никуда не собирался.
- Может, я позвоню вам, расскажу, как идут дела.
- Буду вам очень признателен.
- Разумеется, будете, мистер Флетчер. Я в этом уверен.

Глава 36

И Энди, и Сильвия рассыпались в комплиментах, когда Флетч вышел к ним в джинсах, высоких шнурованных ботинках, темно-синем свитере под горло, ветровке и морской фуражке. Он сказал, что намерен прогуляться, но к обеду вернется.

И не вернулся.

Несмотря на то, что Флинн приказал прекратить слежку, он спустился вниз черным ходом и скоренько добрался до гаража на Речной улице. В черном автофургоне выехал на Ньюбери-стрит и взял курс на запад. В окнах двух верхних этажей дома 60 горел свет. Флетч пересек Массачусетс-авеню и отправился дальше знакомой дорогой правда на этот раз один, а не следом за Хорэном.

Проезжая мимо загородного дома последнего, он отметил, что все лампы потушены. Не останавливаясь, Флетч добрался до центра Уэстона. Затормозил у будки телефона-автомата рядом с аптекой. Посмотрел на часы.

Пять минут десятого, понедельник, вечер. Он находился в Массачусетсе уже шесть суток и почти шесть часов.

В аптеке горел свет, но Флетч видел, что она закрыта.

Войдя в будку, он набрал бостонский номер Рональда Райсома Хорэна. Трубку сняли после первого же звонка.

— Мистер Хорэн.— Флетч говорил, жуя резинку и зажав большим пальцем левую ноздрю.— Полиция Уэстона. Сработала система сигнализации в вашем доме. На пульте зажглась лампочка.

— Есть кто-нибудь в доме?

— Думаю, да. Грабитель.

— А полиция?

— Мы вышлем патрульную машину. Как только свяжемся с ней.

— Что значит, как только свяжетесь с ней?

— Они не выходят на связь. Не отвечают на наши запросы.

— О Господи! Для чего вы там сидите? Немедленно пошлите кого-нибудь к дому!

— Да, конечно. Посмотрим, что смогу сделать.

— Я сейчас приеду.

— Хорошо. Вы знаете, где находится полицейский участок?

— Я поеду не в полицейский участок, идиот! Я поеду к своему дому!

И Хорэн бросил трубку.

Флетч не спеша доехал до дома Хорэна, обогнул дом и гараж, задним ходом загнал черный автофургон под навес для тракторов, выключил фары и подфарники.

В ярком лунном свете вернулся к дому. Без труда нашел

увесистый булыжник. Поднялся на крыльцо черного хода, выходящее во двор, тщательно следя за тем, чтобы нигде не оставлять отпечатков пальцев, еще раз внимательно осмотрел систему сигнализации. На двери в лунном свете блестели шесть небольших стеклянных панелей. На каждой змеились по два проводка.

Осторожно, чтобы не порезаться, Флетч разбил булыжником панель у дверной ручки и оборвал оба проводка.

Тут же тишину ночи разорвал сигнал тревоги. А на пульте в полицейском участке Уэстона вспыхнула лампа.

Сойдя с крыльца, Флетч зашвырнул булыжник в кусты. Пересек подъездную дорожку и спрятался среди деревьев. Двор и задний фасад дома лежали перед ним, как на ладони.

Скоро на шоссе показались быстро приближающиеся фары «роллс-ройса». Большой автомобиль притормозил у поворота, свернул с шоссе и покатил к дому. Хорэн развернул «роллс» так, чтобы фары освещали дверь черного хода, выскочил из машины, взбежал на крыльцо. Под ногами закрипели осколки стекла. Хорэн наклонился, чтобы получше разглядеть разбитую панель. Достал из кармана ключ, открыл замок и вошел в дом.

В кухне зажегся свет.

Мгновение спустя наступила тишина: Хорэн отключил систему сигнализации.

В окнах, выходящих на фасад, свет так и не зажегся.

По слабому отсвету Флетч понял, что Хорэн включает лампы в коридорах, на лестнице второго этажа. Потом ярко осветились два окна на втором этаже.

С шоссе донесся шум. К дому свернула патрульная машина с включенными маячками. Сирена безмолвствовала.

Хорэн потушил свет на втором этаже.

Патрульная машина встала в затылок «роллсу». Из нее вылезли двое полицейских.

Хорэн вышел на крыльцо.

— Вы — мистер Хорэн?

— Почему вы так задержались?

— Мы приехали, как только поступил вызов.

— Как бы не так. Я добрался из Бостона быстрее вас.

— Это ваш автомобиль?

— Что вам до этого? Какого черта я плачу налоги, если от вашей охраны никакого проку?

Полицейские поднялись на крыльцо.

— Вы платите налоги, мистер Хорэн, потому что это ваш долг.

— Как вас зовут?

— Патрульный Кэбот, сэр. Табельный номер 92.

— Стекло разбито, Чак, — подал голос второй полицейский.

— О Господи, — выдохнул Хорэн.

— Что-нибудь пропало? — осведомился Кэбот.

— Нет.

— Должно быть, их отпугнул сигнал тревоги.

— Только сигнал и мог их отпугнуть. Больше некому, — огрызнулся Хорэн.

— Мы можем забить дыру фанерой,— заметил второй полицейский.

— Давай-ка посмотрим, что у нас тут делается.

Теперь свет по очереди зажегся во всех комнатах. Хорэн водил гостей по дому.

От земли тянуло холодом, Флетч чувствовал его через подошвы.

Трое мужчин возились с дверью черного хода. Полицейские помогали Хорэну прибить кусок фанеры к разбитой панели.

— Вы живете здесь или в Бостоне?

— И тут, и там.

— Утром вам нужно первым делом заменить панель,— посоветовал Кэбот.

— Не указывайте мне, что делать,— отмахнулся Хорэн.

Полицейские спустились с крыльца, направились к патрульной машине.

— Надеюсь, в следующий раз вы приедете быстрее,— бросил им вслед Хорэн.

Патрульная машина развернулась, поехала к шоссе. Маячки на крыше погасли.

Хорэн вернулся в дом. Потушил везде свет. Вышел на крыльцо. Закрыв на ключ дверь черного хода. Не спеша спустился по ступенькам, сел за руль, подал «роллс» назад и поехал к шоссе.

Как только задние огни «роллса» скрылись вдали, Флетч перебежал подъездную дорожку и взлетел на крыльцо.

Обернув руку носовым платком, надавил на фанеру. Закрепленная лишь на нескольких гвоздях, она легко подалась и упала на пол кухни.

Просунув руку, Флетч открыл замок изнутри. Вошел в кухню, тут же зажег свет.

Дом находился в темноте не больше двух-трех минут. Поэтому соседи, если они и наблюдали за происходящим, могли бы решить, что в доме по-прежнему хозяева. На это, во всяком случае, рассчитывал Флетч.

Зажигая по пути лампы, он поднялся на второй этаж, в ту комнату, где ранее побывал Хорэн. Она, похоже, не предназначалась для проживания. Внимание Флетча сразу привлек стеной шкаф. Флетч распахнул дверцы. Удивился размерам стеного шкафа, более напоминающего темную комнату, нашел на стене выключатель. Под потолком вспыхнула лампочка.

В центре комнаты, на полу, стояла лошадь Дега. У стены, в трех местах, прислоненные друг к другу и накрытые пыльными полотнищами,— картины. Флетч стянул одно из полотнищ и вынес две картины из стеного шкафа.

Пикассо и Модильяни.

Он нашел коллекцию ди Грасси. Пятнадцать картин и одну лошадь.

Картины Пикассо и Модильяни Флетч снес вниз, оставил на кухне, а сам бросился к автофургону. Подогнал его к крыльцу и открыл дверцы грузового отсека. Перенес две картины из кухни, уложил их на брезент.

На погрузку у Флетча ушло полчаса.

Перед тем как уйти из дома, он закрыл дверцы стенового шкафа, протер ручку носовым платком, погасил везде свет, каждый раз протирая выключатель. В кухне установил на место кусок фанеры, вогнав все гвозди в пробитые ранее отверстия. Затем захлопнул входную дверь.

Возвращаясь в Бостон, Флетч тщательно следил за тем, чтобы не превышать допустимую скорость. Объяснения с дорожной полицией не входили в его планы.

Глава 37

— Мистер Флетчер? Это Фрэнсис Флинн.

— Слушаю вас, инспектор.

— Я вас не разбудил?

До полуночи оставалось еще четверть часа.

— Как раз принимал душ, инспектор.

— А я как раз выписал два ордера на арест. Так, кажется, должен выражаться настоящий полицейский?

— Не знаю, инспектор.

— Во всяком случае, именно этим я сейчас занимаюсь.

— Рад, что расследование близится к завершению.

— Первый ордер на арест Рональда Райсома Хорэна, обвиняемого в убийстве Рут Фрайер.

Флетч продолжал слушать, но Флинн больше ничего не сказал.

— Что?

— Хорэн убил Рут Фрайер. Вы мне не верите?

— Нет.

— Однако это так.

— Не может быть. Хорэн?

— Он самый. В данный момент его везут в полицейское управление, где и арестуют. Никогда не знаешь, что у человека за душой. А с виду такой уважаемый джентльмен. — Флетч слушал затаив дыхание. — Нам пришлось ждать, пока он вернется домой. Он объяснил свое отсутствие желанием прокатиться на автомобиле под луной. И, разумеется, нам пришлось искать предлог для встречи с ним. Просто так он никого не принимает. Вот я и сказал ему, что хочу предложить на продажу маленький пейзаж Форда Мэдокса Брауна. Я ничего не перепутал? Его картина висит у вас на стене?

— Да.

— И я сказал, что это картина девятнадцатого века, чтобы он не принял меня за дилетанта. Я не ошибся?

— Нет, инспектор.

— Я тоже так понял, потому что он согласился встретиться со мной. Об истинной цели нашего визита ему сообщил Гроувер. Парню очень нравится говорить людям, что они арестованы, особенно если речь идет об убийстве.

— Инспектор, что-то я...

— Второй ордер — на обыск его домов на Ньюбери-стрит и в Уэстоне. Цель обыска — поиск коллекции ди Грасси.

— Уэстоне? Что за дом в Уэстоне?

— У Хорэна есть дом в Уэстоне. Это маленький городок

в девятнадцати милях к западу от Бостона. Так утверждает Гроувер.

— В справочнике «Кто есть кто» нет упоминания о доме в Уэстоне.

— Я думаю, мистер Хорэн не любит делиться подробностями своей личной жизни. В телефонном справочнике, к примеру, его номер тоже не значится.

— Так как же вы узнали, что у него есть дом в Уэстоне?

— У нас есть свои источники информации, мистер Флетчер.

— Инспектор, я...

— Вот о чем я хочу вас попросить. Такой известный специалист по искусству, как вы, без труда определит картины, принадлежащие ди Грасси. Не присоединитесь ли вы к охоте за сокровищами? Сейчас я нахожусь в Галерее Хорэна.

— Правда?

— Да. Мы ее осмотрим, а если ничего не найдем, вместе съездим в Уэстон и пройдемся по дому Хорэна.

— Мы?

— Разумеется, если вы не возражаете.

— Инспектор, с чего вы решили, что картины ди Грасси у Хорэна? Он лишь брокер, посредник, работает по заказам клиентов.

— Я послал к вам Гроувера. Он будет у вашего подъезда через несколько минут. Если вы скоренько оденетесь и разрешите ему доставить вас сюда, хотя уже и очень поздно, я буду вам крайне признателен.

— Инспектор, в ваших рассуждениях...

— Я знаю, мистер Флетчер. Вы заметили в них ошибку. Почему бы вам не приехать и вместе со мной не исправить ее?

— Конечно, инспектор.

— Вот и отлично.

Флетч не сразу положил трубку. Ладони его рук покрывал пот.

В комнате для гостей он быстро снял джинсы и свитер, достал из шкафа твидовый костюм.

— Кто это? — спросила из постели Энди.

— Полиция. Флинн.

— Куда ты собрался?

— Он арестовал Хорэна за убийство Рут Фрайер.

Энди села.

— Той девушки?

— Он сошел с ума.

С Сильвией Флетч столкнулся в коридоре. Проскочил мимо, не обращая внимания на ее крики: «Что случилось? Куда это вы? Анджела! Что случилось?»

Перед подъездом, во втором ряду, стоял четырехдверный черный «форд». Флетч искоса взглянул на черный автофургон, застывший у тротуара перед его, взятой напрокат, легковушкой.

Он сел рядом с водителем.

Гроувер повернул ключ зажигания.

— Привет, Гроувер, — поздоровался Флетч.

Гроувер тронул машину с места.

- Меня зовут не Гроувер.
- Нет?
- Нет. Я — Уилэн. Ричард Ти. Уилэн.
- О!
- Сержант Ричард. Ти. Уилэн.
- Интересный человек ваш босс,— заметил Флетч, когда «форд» поворачивал на Ньюбери-стрит.
- Дерьмо собачье,— процедил Уилэн.

Глава 38

Их встретила открытая дверь.

Флетч затворил ее за собой, помня о том, что поток уличного воздуха нарушает работу системы кондиционирования, и избежал по ступеням в кабинет Хорэна.

Флинн сидел за столом последнего, проглядывая содержимое ящиков.

Картина Пикассо «Вино, скрипка, мадемуазель» так и стояла на мольберте.

— А вот и вы,— улыбнулся Флинн.— Питер Флетчер.

— Это одна из картин ди Грасси,— с ходу заявил Флетч.

— Я уже подумал об этом. Прекрасный стол. Даже жалко, что у меня нет склонности к воровству.

Флетч остался между столом и картиной, засунув руки в карманы.

— Инспектор, наличие этой картины в Галерее Хорэна совсем не означает, что и остальная часть коллекции находится у него.

— Я вот придерживаюсь противоположного мнения.— Флинн поднялся из-за стола.— Пойдемте. Короткая экскурсия нам не повредит. Может, вы узнаете и другие картины, принадлежащие ди Грасси.

— Ладно.

— Тогда не будем терять времени.

— Инспектор, эта картина Пикассо оказалась здесь только потому, что я попросил Хорэна найти ее и начать переговоры о ее приобретении. Ее прислал некто Коуни из Техаса.

— Я понимаю.

Выйдя на лестничную площадку, Флинн вошел в маленький лифт.

— В разговоре со мной Хорэн упоминал, что за последние год или два приобрел у этого Коуни еще одну или две картины.

— Он так говорил?

Флинн придерживал дверь, чтобы Флетч мог войти в кабину.

— Да.

Флинн нажал кнопку третьего этажа.

— И вы полагаете, что у Коуни он приобрел картины из коллекции ди Грасси, которые потом и указал в каталоге?

— А у вас есть другой вариант?

— И не один.

На третьем этаже они вышли из кабины в просторную, со вкусом обставленную гостиную.

— Мне тут нравится,— признался Флинн.— Оказывается,

можно неплохо жить и в музее. — Он повернулся к Флетчу. — Так что мы ищем?

Флетч пожал плечами.

— Пятнадцать картин и лошадь Дега.

— Под лошадью вы подразумеваете скульптуру?

— Да.

— На первом этаже есть скульптура балерины...

— Да. Работы Дега.

— Но это не лошадь. В субботу в вашей квартире вы упоминали, что коллекция ди Грасси включала девятнадцать предметов.

— Да. Две картины уже проданы при посредничестве Хорэна. Третья, Пикассо, внизу. Остается пятнадцать картин и одна скульптура.

— Эти картины как-либо связаны между собой?

Флинн прошел в маленькую темную столовую.

— Пожалуй, нет. Они принадлежат к разным школам и эпохам. Большинство, если не все, написаны итальянскими мастерами.

— Должно быть, это кухня.

Они оглядели сверкающие белозной буфеты, безупречно чистые столы.

— Тут, похоже, ничего нет. Разве что несколько полотен Уорхола на полках.

Они вернулись в гостиную.

— Вы ищете? — спросил Флинн.

— Да, — ответил Флетч.

Картины на стенах не представляли особой художественной ценности.

Флинн зажег свет в кабинете.

Над столом висела картина Сислея * — характерная для него петляющая по полям дорога. Вывешивать ее следовало в более светлой комнате.

— У ди Грасси Сислея не было.

— А картина хорошая. — Флинн еще раз всмотрелся в нее, отвернулся. — Пообщавшись с вами, поневоле станешь разбираться в живописи.

По лестнице они поднялись на четвертый этаж.

Дворецкий ждал их на верхней ступеньке. В длинном темном халате, с печальным лицом. Чувствовалось, что ему не терпится задать вопрос о дальнейшей судьбе своего хозяина, но он не решается открыть рот.

В спальне их встретила картина обнаженной девушки, в натуральную величину, больше похожая на фотографию, без особых художественных достоинств, но возбуждающая.

— Кажется, мистер Хорэн не часто приглашал сюда дам, — предположил Флинн.

Стены одной комнаты для гостей украшали карикатуры, второй — фотографии.

— Видите ли, инспектор, своих картин у Хорэна скорее всего не было, — пояснил Флинн. — У брокеров их не бывает. Пусть

* Сислей, Альфред (1839 — 1899) — французский живописец.

у Хорэна галерея, но он все равно брокер, то есть главное для него — продать, а не коллекционировать.

— Понятно.

Дворецкий поджидал их в темном коридоре.

— Где ваша комната? — спросил Флинн.

— Наверху, сэр.

— Можно осмотреть ее?

Дворецкий открыл дверь, ведущую к лестничному маршу. Спартанская спальня: кровать, комод, стул, шкаф, маленький телевизор. Идеально чистая ванная.

На чердаке оказался обычный хлам: пустые чемоданы, сундуки, рамы для картин, свернутый ковер, старые люстры.

— Рамы картин ди Грасси представляли какую-то ценность? — спросил Флинн.

— Нет, — покачал головой Флетч.

— В доме есть сейф? — поинтересовался Флинн у дворецкого, когда они спустились обратно на третий этаж.

— Да, сэр. В кабинете мистера Хорэна.

— Вы говорите о маленьком сейфе?

— Да, сэр.

— Я уже осмотрел его. Нет, меня интересует большой сейф, такое хранилище для картин, скульптур.

— Такого нет, сэр.

Флинн положил руку на плечо старика.

— Мне очень жаль вас. Вы здесь давно?

— Четырнадцать лет.

Старик отступил в тень.

— Для вас это страшный удар.

— Да, сэр.

На лифте они спустились на второй этаж и обошли четыре выставочных зала. Один был пуст, в остальных на мольбертах стояло по несколько картин, ярко освещенных, расположенных так, чтобы при осмотре одной другие не отвлекали внимания тонкого ценителя живописи.

— Ничего, да?

— Я так сказать не могу, — ответил Флетч. — Посмотреть есть на что. Но картин ди Грасси здесь нет.

Несмотря на систему кондиционирования, лицо Флетча пылало. Руки вспотели.

Флинн же чувствовал себя прекрасно.

— Ну, теперь мы можем ехать в Уэстон. — Флинн застегнул плащ. — Тамошняя полиция встретит нас на границе своего участка.

Гроувер ждал их внизу, в том же черном «форде».

— Давайте вместе сядем сзади, — предложил Флинн. — Так будет легче разговаривать.

Гроувер поехал по Ньюбери-стрит на запад. Флетч забился в дальний угол заднего сиденья. Флинн же расселся, широко расставив колени.

— Похоже, сегодня мне не удастся вернуться домой к двум часам ночи. Элзбет придется ужинать без меня. Вы бывали в Уэстоне?

— Нет.

— Естественно, нет. Вы же в Бостоне лишь неделю. И мы держали вас под постоянным наблюдением. Я слышал, приятное местечко.

Флетч откашлялся.

— И все это время бедолага Гроувер принимал вас за убийцу. А, Гроувер?

Сержант Ричард Ти Уилэн не ответил «дерьму собачьему».

— Впрочем, я сам склонился к тому же мнению. Когда же это было? А, в среду вечером. Я думал, мы услышим от вас признание. Вместо этого вы пригласили нас на обед. А в тот день, когда мы не смогли увидеться, я чувствовал, что мне удастся убедить вас в собственной вине даже по телефону. Но у меня ничего не вышло, и я понял, что должен поближе познакомиться с вами. Поэтому в субботу я нарушил ваше уединение. Лучший способ узнать человека — пообщаться с ним накоротке. Но вы опять доказали свою невиновность.

Третий раз Флетч ехал тем же маршрутом.

— Услышав ваш голос в воскресенье утром, я уже не сомневался, что вы звоните из бара, готовый сознаться, — Флинн рассмеялся. — Чтобы облегчить душу.

— Может, все еще впереди, — промямлил Флетч.

Гроувер взглянул на него в зеркало заднего обзора.

— Что бы это значило? — все еще смеясь, спросил Флинн.

— Мне, конечно, не хочется портить вам настроение, но Хорэн не мог убить Рут Фрайер.

— Не только мог, но и убил.

— Как?

— Ударил по голове бутылкой виски. Непочатой бутылкой.

— Зачем?

— Мотив убийства абсолютно ясен. Чтобы свалить вину на вас.

— Мы же не знали друг друга.

— И что? Он не знал вас, но прекрасно понимал цель вашего приезда. Несмотря на всю вашу журналистскую славу, — Флинн вынул из кармана несколько монет и передал Гроуверу, — ...вы допустили ошибку, юноша.

— Вы должны платить за проезд?

— Дорога принадлежит штату, а я работаю в городе. В нашей стране столько правительств, что их хватит на весь земной шар.

— Какую ошибку?

— Дело в том, что через несколько дней после похищения ди Грасси Хорэн получил ваше письмо, да еще отправленное из Рима, в котором вы просили его найти для вас одну из картин коллекции ди Грасси.

— Он ничего не мог знать ни о похищении, ни об убийстве ди Грасси, — возразил Флетч. — Местные газеты об этом не писали. Я проверял.

— Я тоже. Сегодня утром. Поэтому я спросил его, какие газеты он читает, и получил четкий ответ: «Нью-Йорк таймс». А в «Таймс» об этом писали.

— О Боже! Я знал, что он выписывает «Таймс»!

— Вас даже упомянули как Питера Флетчера. Отметим, что именно вы объявили журналистам, что у дам семейства ди Грасси нет ни гроша, и они никоим образом не могут выполнить условия похитителей. Обо всем этом написано в «Таймс». Черным по белому.

— Но почему они все это напечатали? Что им итальянская мелочевка?

— Вы же журналист. Интерес к преступности никогда не падает, юноша.

— О!

— Пресса полностью изобличила вас. Не вы первый, не вы последний.

— Хорэн не мог пройти мимо упоминания фамилии ди Грасси.

— Именно так.

— Должно быть, он в стоворе с Коуни.

— Я сомневаюсь, что Хорэн пошел на убийство, выгораживая другого. Конечно, возможно и такое,— Флинн пожал плечами.— В этом мире возможно все.

— И все-таки я не могу в это поверить.

— Итак, вы пишете ему невинное письмо из Рима, указываете, какая картина привлекла ваше внимание, а также день прибытия в Бостон и место, где вы остановитесь.

И в день вашего прибытия симпатичный, обаятельный, respectable Хорэн, вероятно, с пустым чемоданом, заявился в аэропорт, скорее всего прикинулся только что прибывшим пассажиром, «склеил», простите за жаргон, наземную стюардессу «Транс Уорлд Эйрлайнс»...

— Я не писал, самолетом какой авиакомпании...

— Зная день прилета, достаточно одного телефонного звонка, чтобы выяснить и авиакомпанию, и номер рейса, и время прибытия. Вам это известно не хуже меня.

— Конечно.

— При такой благообразной внешности Хорэн никак не тянул на злодея. И Рут не заподозрила ничего плохого, когда он предложил ей пообедать с ним. Возможно, упомянул, что он вдовец, близок к миру искусства, преподает в Гарварде. С какой стати ей отказываться от приглашения? Ее кавалера в городе нет. Бостона она не знает. Пообедать с Хорэном куда интереснее, чем торчать весь вечер в номере отеля, полируя ногти... А, еще один пропускной пункт, — он вновь протянул Гроуверу монеты.— Слава Богу, что они не стоят на каждом километре.

— Он отвозит мисс Фрайер в отель. Разрешает ей переодеться. Ждет ее в баре. Угощает коктейлем. Скорее всего двумя или тремя. Цель его действий — дать вам время добраться до квартиры и вновь покинуть ее. Рассуждает он правильно: мужчина, приехав в одиночку в незнакомый город и поселившись в чужой квартире, обязательно пойдет обедать в ресторан. Что вы, собственно, и сделали.

Гроувер свернул на дорогу к Уэстону.

— Мистер Хорэн, как видите, неплохо разбирается в людях,— добавил Флинн.

Впереди показался стоящий на обочине автомобиль с зажженными габаритными огнями.

— Это патрульная машина, Гроувер?

— Да, сэр.

— Они, должно быть, ждут нас. И хорошо. Без них мы едва ли найдем нужный дом в этой лесистой местности.

Гроувер остановился в паре ярдов от патрульной машины.

— Под предлогом, что ему нужно занести домой чемодан, Хорэн завел Рут в квартиру, которую назвал своей, хотя на самом деле в ней поселились вы. — Полицейский в форме вылез из патрульной машины и направился к ним. — Едва ли можно найти более удачный предлог, если хочешь заманить в квартиру малознакомую девушку.

— Флинн, у Хорэна не было ключа от квартиры.

— Да был же, был. Несколько лет назад он нашел мастеров, которые отреставрировали картины Коннорсов, пока те отдыхали в Скалистых горах. И кто будет требовать возврата ключа от такого джентльмена, как Рональд Райсом Хорэн, или даже помнить, что у него есть такой ключ. Вы бы видели, сколько ключей у него в столе. — Флинн опустил стекло. — Привет! — прокричал он через окно. — Хорэн сам сказал мне о реставрации картин Коннора.

— Инспектор Флинн?

— Он самый.

— Полиция Уэстона, сэр. Вы приехали с ордером на обыск дома Хорэна?

— Да.

— Следуйте за нами, сэр.

— Хорошо. Как вас зовут?

— Патрульный Кэбот, сэр.

Полицейский вернулся к патрульной машине, Флинн поднял стекло, и оба автомобиля покатали по дороге.

— Вот, значит, какие дела. — выдохнул Флетч.

— Все время вы думали, что поводырем-то был он.

— И все потому, что он читает «Таймс».

— Вы представляли для него немалую угрозу. Логичный вывод — от вас надо отделаться. Если б он убил вас, подозрение неминуемо пало бы на него. Вы приехали в Бостон, чтобы встретиться с ним, и только с ним. Поэтому он и нашел блестящий способ остановить ваше расследование до того, как оно начнется. Хорошо, что я не арестовал вас в день нашего знакомства. Не правда ли, Гроувер? Хорэн, должно быть, безмерно удивился, когда утром вы заявили в его галерею, вольный, как птичка в поднебесье.

— Я вам очень благодарен.

— Короче, мы взяли истинного убийцу, хотя мне пришлось выдержать не один нагоняй от господина, что сидит сейчас на переднем сиденье. Задал он мне перца, доложу я вам.

Они повернули на подъездную дорожку к дому.

— Хорэн ударил юную даму бутылкой по голове, сорвал с нее платье, убрал остальные бутылки в шкаф, набрал в кувшин воды, в общем, сделал все, чтобы облегчить вам путь на эшафот. Уж он не сомневался, что мужчина, вернувшись в чужую квартиру поздно вечером и увидя на полу мертвую обнаженную девушку, потянется к бутылке, чтобы пропустить пару глотков.

— Вы бы потянулись к чайнику.

— Оказавшись на вашем месте, едва ли.

Полицейский в форме поджидал их у крыльца.

— Вот ордер.— Флинн протянул ему соответствующий документ.

— Этой ночью дом пытались ограбить,— доложил Кэбот.

— Неужели?

— Да, сэр.

— Вы сказали «пытались»?

— Да, сэр. Грабитель или грабители не успели проникнуть в дом. Их отпугнул сигнал тревоги.

— Как вы узнали, что они не проникли в дом?

— Мистер Хорэн приезжал сюда. Мы обошли все комнаты. Он сказал, что ничего не пропало.

— Он приезжал сюда? Как интересно. Он говорил мне, что ездил прогуляться под луной. Почему же он не сообщил об ограблении?

— Он приехал сюда раньше нас,— добавил Кэбот.

— Вы полагаете, он хотел ограбить сам себя? — Флинн искоса глянул на Флетча.— Мог он знать, что мы дышим ему в затылок?

— Понятия не имею,— ответил Флетч.

Флинн посмотрел на Гроувера и пожал плечами.

— Пройдемте в дом.

На крыльце патрульный Кэбот надавил на фанеру, она упала на пол кухни. Просунув руку через разбитую стеклянную панель, он открыл замок, распахнул дверь.

Они прошли на кухню. Под ногами хрустели осколки стекла. Зажигая и выключая по ходу свет, они заглянули во все комнаты первого этажа, но не обнаружили ничего, кроме старой мебели и рваных ковров.

На лестничной площадке второго этажа Флинн повернулся к Флетчу.

— Если не ошибаюсь, тут нет ничего ценного.

Кэбот тем временем зажигал свет в спальнях.

— Вы абсолютно правы,— кивнул Флетч.

— Тогда зачем дорогая система сигнализации?

Они обошли спальни. Та же картина. Такая мебель могла бы стоять в студенческих общежитиях.

— А снаружи можно подумать, что в особняке собраны богатства всей Персии,— заметил Флинн.— Любого грабителя ждало бы жестокое разочарование.

Во всех комнатах Флинн открывал и закрывал двери стальных шкафов. Точно так же поступил он и в той, через которую Флетч выносил картины.

— Ага, это уже кое-что. Посмотрите, как аккуратно сложены полотенца,— обратился он к своим спутникам, включив свет и оглядев кладовку.— На полу у стен пыли меньше. И на участке в центре — тоже.

Флетч заглянул через его плечо.

— Вы думаете, картины хранились здесь?

— Нам этого уже не узнать.

Флинн погасил свет и закрыл дверь.

— Мистер Хорэн утверждал, что ничего не пропало? — спросил он патрульного Кэбота, когда они поднимались на чердак.

— Да, сэр.

— Вы осмотрели дом вместе с ним, не так ли?

— Да, сэр.

— Вы заглядывали и во все стенные шкафы?

— Да, сэр. Во все.

После осмотра чердака Флинн вновь повернулся к Кэботу.

— Ограбления здесь не редкость?

— Нет, сэр.

— За неделю на этой дороге в дома вламывались трижды, — добавил второй патрульный.

— Да, ужасный разгул преступности.

Они вновь вышли на заднее крыльцо. Кэбот установил кусок фанеры на место, закрыл дверь.

— Мне кажется, Хорэн здесь не жил, — отметил Флинн. — Для чего он держал этот дом?

— Может, получил его по наследству. — Патрульный Кэбот посмотрел на Флинна. — Что мы должны сказать, если мистер Хорэн спросит, почему мы обыскивали его дом?

— Мистер Хорэн не спросит, — твердо ответил Флинн. — Мы арестовали его этим вечером по обвинению в убийстве.

Они тронулись в обратный путь.

— Это загадка, — качал головой Флинн. — Ребус. Откуда он прознал о наших планах? Что побудило его ограбить себя? И где теперь картины?

— Возможно, ему показалось подозрительным, что некто ни с того ни с сего пожелал продать ему картину Форда Мэдокса Брауна, — предположил Флетч.

— Я говорил с ним по-немецки, — ответил Флинн.

— Инспектор, у меня складывается впечатление, что наши улики против Хорэна отнюдь не весомее тех, что вы собрали против меня.

— Вы не правы. В вашей квартире нашли отпечатки его пальцев.

— Его? Я же спрашивал вас об отпечатках пальцев.

— И я сказал вам, что найдены отпечатки ваших пальцев, миссис Сэйер, Рут Фрайер и какого-то мужчины, предположительно Барта Коннорса. Полной уверенности, что это отпечатки Коннорса, у нас не было. Мистер Коннорс, знаете ли, не служил в армии и не привлекался по обвинению в каком-либо преступлении. Кончики его пальцев девственно чисты. С них никогда не снимали отпечатков. И все это время он наслаждался морем и солнцем Италии.

— В моем доме, — добавил Флетч.

— А вот отпечатки пальцев мистера Хорэна у нас есть, потому что он служил на флоте.

— Я знаю.

— Только после нашей субботней беседы за чашкой чая, когда вы позволили мне узнать истинную причину вашего приезда в Бостон, я задумался, а не сравнить ли мне найденные в вашей квартире отпечатки пальцев с отпечатками Хорэна, имеющимися в нашем архиве. Совпадение было полным. Мистер Хорэн вел себя довольно беззаботно. Полагал, что подозрение ни в коем разе не падет на него, поэтому ему и в голову не пришло стереть отпечатки своих пальцев. Впрочем, будь на моем месте полицей-

ский поопытнее, он никогда не заподозрил бы Хорэна. Такой respectable джентльмен.

— Он знает, что у вас есть отпечатки его пальцев?

— Да. Хорэн сознался.

— Наконец-то у вас есть добровольное признание. Хоть от кого-то.

— С признанием все гораздо проще. Экономит массу времени суду.

Луна скрылась за облаками.

— Люси Коннорс не убивала Рут Фрайер. — В интонации Флетчера не слышалось вопроса.

— Разумеется, нет. Она невинна, как младенец. Вы отнеслись к ней с предубеждением, юноша.

— Вы знали о том, что преступник — Хорэн, когда мы говорили в последний раз? Вчера. В вашем кабинете.

— Да, юноша. Должен признаться, я просто водил вас за нос. Как тот мальчик в Германии, который просил дать ему автограф, а потом фотографировал, чтобы отослать снимок в Лондон. К пяти часам вечера вчерашнего дня мы уже точно знали, что мужчина, оставивший отпечатки пальцев в вашей квартире, — Хорэн, и до нашего разговора я договорился с ним о встрече. А Гроувер подготовил ордера на подпись судье.

— Флинн, вам приходилось чувствовать себя дураком?

— Конечно. В этом случае спасение только одно — выпить чашечку чая.

Флинн снова передал Гроуверу монетки для оплаты проезда.

— Удачи вам в расследовании убийства члена Городского совета, — пожелал Флетчер.

— А, с этим уже покончено.

— Правда?

— Конечно, я дам возможность политикам посостязаться в красноречии, чтобы, выдохшись, они приняли предложенное мною решение. Им-то хочется, чтобы это убийство носило политический характер. Сейчас они требуют, чтобы полиция охраняла каждого из них. Хотят, чтобы даже в прогулках по улице их сопровождал полицейский.

— Кто это сделал?

— Вы спросили: «Кто это сделал?»

— Да.

— Только не смейтесь, ладно? Ее муж. Бедный, затюканный мужичонка, которого держали в стенном шкафу с тех пор, как вывели из церкви.

— Почему вы так решили?

— Я нашел человека, который продал ему пещину для льда. Убежденный республиканец. До мозга костей. Лучшего свидетеля не найти, если судебное разбирательство касается демократов.

У дома 152 по Бикон-стрит, перед тем как выйти из машины, Флетч протянул руку Флинну.

— Судьба свела меня с великим полицейским.

Они обменялись крепким рукопожатием.

— Я учусь, — скромно ответил Флинн. — Понемногу, но учусь.

Во вторник, в половине одиннадцатого утра, зажужжал звонок домофона. Флетч нажал кнопку, открывая замок входной двери. Затем распахнул дверь и пошел на кухню.

Возвращаясь через прихожую с подносом в руках, он услышал, как скрипя, поднимается лифт.

Поднос с кофейником, чашечками, сахарницей, кувшинчиком сливок Флетч поставил на столик меж двух диванов. И пошел встречать гостя, старика лет семидесяти в темном плаще, великоватом для него коричневом костюме, с мешками под глазами.

— Привет, Менти.

Они пожали друг другу руки, старик широко улыбнулся, хотя тревога не покидала его.

— Я не знал, что у вас вставные челюсти. — Флетч принял у гостя плащ и повесил в шкаф. — Они нашли ваше тело несколько дней назад на пустыре близ Турина.

Потирая руки, старик направился в гостиную. Граф Клементи Арбогастес ди Грасси не привык к холодному климату. Флетч предложил ему сесть на диван, налил кофе.

Граф глотнул горячего напитка и положил ногу на ногу.

— Мой друг, — начал он.

Флетч с чашечкой кофе сел на другой диван.

— Сейчас я должен задать вам самый грустный в моей жизни вопрос. Кто украл мои картины? Моя жена? Или дочь?

Флетч отпил кофе.

— Ваша дочь. Энди. Анджела.

Держа чашку с блюдцем в руке, граф уставился в пол.

— Мне очень жаль, Менти.

Флетч допил кофе, поставил блюдце и чашку на поднос.

— Я знал, что кражу устроил кто-то из них, — глухо заговорил Менти. — Потому что картины украли в наш медовый месяц. Я не мог счесть такое совпадение случайным. Картины висели в моем доме не один десяток лет. Там никто не жил, за исключением Рии и Пепа. Мало кто знал о существовании картин. Мы с Сильвией поехали в Австрию, Анджела была здесь, в Бостоне. — Менти поставил недопитую чашку на поднос. — Не знаю, как благодарить вас, Флетч, за то, что вы сделали для меня.

— Как вам жилось в заточении?

— Вы же обо всем позаботились. Мне даже понравилось изображать ушедшего на покой американца итальянского происхождения. На Канарских островах любят американцев. У меня появились друзья.

— Разумеется, вы человек общительный.

— А где наши дамы? Сильвия и Анджела?

— Они слиняли этим утром. Записки не оставили. Не оставили ничего.

— Что значит «слиняли»?

— Уехали.

— Они жили здесь?

— Да.

— Обе?

— Под одной крышей.

— Почему они «слиняли»?

— Или они уехали вдвоем, или Энди уехала, услышав об аресте Хорэна, а Сильвия бросилась следом. Полагаю, объяснение было бурным. Жаль, что я не присутствовал при этом.

— Обе в полном здравии?

— Скорбят, конечно, а в остальном полный порядок. — Флетч долил кофе в полупустую чашку графа. — У меня пятнадцать картин. Две, как вы знаете, проданы. Третья, «Вино, скрипка, мадемуазель», задержана полицией как вещественное доказательство. Вы, вероятно, никогда не получите ее, не потратив тройную стоимость картины на гонорары адвокатам, таможенные пошлины и тому подобное. И у нас есть лошадь Дега.

Менти рассеянно поворачивал чашку на блюде.

— Все в автофургоне, внизу, — добавил Флетч. — Мы можем ехать в Нью-Йорк, как только вы согреетесь.

Менти взглянул на него, усталый и печальный.

— Почему она это сделала?

— Из любви к вам. Едва ли Энди заботилась ценность картин. На деньги, во всяком случае, ей плевать.

Когда умерла ее мать, Энди, тогда еще маленькая девочка, думала, что уж теперь-то всю любовь вы будете отдавать ей. А вы женились. Она рассказывала мне о своих переживаниях. Ей было четырнадцать. Как она радовалась, когда вторая жена бросила вас. Она полагала, что вы получили хороший урок. Но вы смогли развестись, потому что зарегистрировали брак во Франции. А когда Энди училась здесь, в Бостоне, вы женились на Сильвии. Теперь уже она дала выход неудовольствию. Все эти годы вы недодавали ей любви. В ответ она решила взять кое-что у вас. Коллекцию ди Грасси.

— Она опасалась, что их может унаследовать Сильвия?

— Не знаю, но у меня создалось впечатление, что Энди в курсе итальянских законов о наследовании, согласно которым дети имеют право по меньшей мере на треть состояния усопшего. А вот Сильвия не имеет об этом ни малейшего понятия. Знание закона могло послужить для одной из них побудительным мотивом и заставило украсть картины... у другой.

— Анджела хотела всю коллекцию.

— Полагаю, что да. Она не рассчитывала, что Сильвия станет полноправным членом семьи. Ее очень заботила судьба Рин и Пепи.

— Но как она это сделала? Маленькая девочка.

— Мне пришлось поломать над этим голову. Я знал, что Энди училась в Америке. Но лишь недавно выяснил, что учебное заведение находилось в Бостоне, вернее, в Кембридже, на другом берегу реки. И называлось Рэдклифф. Не знал я и того, что Рэдклифф объединен с Гарвардом. Девушки, оканчивающие Рэдклифф, получают гарвардский диплом. Хорэн, торговец произведениями искусства из Бостона, был преподавателем Энди в Гарварде.

— Понятно. Но мне кажется, ученице довольно сложно склонить профессора к ограблению в другой стране только потому, что ей не нравится поведение отца. В частности, его новая женитьба.

— С первого взгляда это так. Но Хорэн, привыкший жить, ни в чем себе не отказывая, был на грани разорения.

— Вы это точно знаете?

— Да. Пять лет назад он продал знаменитый драгоценный камень, «Звезду Ханэна», какому-то иранцу. Я знал об этом до приезда в Бостон.

— И все же... уважаемый профессор, признанный специалист.

— К тому же красивый, многоопытный, Менти. Старше Энди по возрасту. Прямо скажем, годящийся ей в отцы. Энди недоставало вашей любви, Менти...

Глаза старого графа затуманились.

— Вы думаете, их отношения были более близкими, чем положено между учеником и учителем?

— Подозреваю, что да.

— Ясно. — Менти отпил кофе. — Такое случается. Значит, кражу организовал Хорэн?

— Да. Вы показывали мне каталоги Галереи Хорэна. Через нее ушли к новым владельцам две картины коллекции ди Грасси. Тогда мы и составили план действий. Предложили каждой из дам просмотреть каталоги. Энди пришла в ярость. Она, разумеется, знала, что картины у Хорэна. Разъярила ее лишь продажа картин без ее ведома. А как отреагировала Сильвия?

— Она не раскрыла каталогов, — ответил Менти. — Я не мог заставить ее заглянуть в них. — Менти хохотнул и покачал головой. — Когда вы позвонили из Канья и сказали, что везете расстроенную Анджелу, времени у меня не осталось. Я действовал согласно намеченному плану и похитил сам себя.

— Не знаю, о чем думала Анджела по пути в Ливорно. Ехала она к вам, это несомненно. Возможно, хотела сознаться в содеянном. А скорее всего пребывала в полной растерянности.

— Мое исчезновение прояснило ситуацию, — вставил Менти.

— Да. Энди послала меня сюда, на розыски картин, чтобы потом она могла украсть их у Хорэна. Едва ли она взяла бы инициативу на себя, если б не думала, что вы умерли. — Флетч поднес чашку ко рту и глотнул. — Хорэна арестовали. Исчезла Энди. Исчезла Сильвия.

— Зато появился Менти.

Зажужжал звонок домофона.

— Мы отвезем картины одному торговцу произведениями искусства в Нью-Йорк. — Флетч поднялся. — Фамилия его Кэснер. Живет он в восточной части 66-й улицы.

В прихожей он прокричал в микрофон: «Кто там?» Ему ответил мелодичный голос.

— Фрэнсис Флинн, мистер Флетчер.

— О! Инспектор!

— Он самый.

Флетч нажал кнопку, открывающую замок входной двери. Быстро вытащил из шкафа плащ Менти. Прошел в кабинет и достал из ящика стола ключи от автофургона. В гостиной вручил плащ и ключи Менти.

— Поторопитесь. Надевайте плащ. Сюда идет полицейский.

Менти встал. Флетч помог ему надеть плащ.

— Я не смогу поехать с вами в Нью-Йорк, Менти. Вы доберетесь сами?

— Конечно.

— Вот ключи. Это черный автофургон марки «шевроле». Сто-

ит у тротуара рядом с домом. Номерной знак Р99420. Запомнили?

— Да.

— Адрес Кэснера — Нью-Йорк, 66-я улица, дом 20.

— Все понял.

— Он ожидает вас сегодня днем. Пойдемте со мной.

Звякнул дверной звонок.

— Доброе утро, инспектор.

— Доброе утро, мистер Флетчер.

Флетч поддерживал Менти под локоток.

— Познакомьтесь с моим другом из Италии, заглянувшим ко мне сегодня утром. Инспектор Флинн, это Джузеппе Грокола.

Зеленые глаза Флинна пробежались по Менти. Он протянул руку.

— Граф Клементи Арбогастес ди Грасси, не так ли?

Без малейшего промедления Менти пожал протянутую руку.

— Рад познакомиться с вами, инспектор.

— Я никогда не забываю услышанного, — обратился Флинн к Флетчу. — Ну не чудо ли это?

— Настоящее чудо, Флинн.

— И я великий полицейский. Кажется, кто-то так меня называл.

— Совершенно верно, инспектор.

— Тогда объясните, как вышло, что этот человек, вроде бы умерший граф Клементи Арбогастес ди Грасси, стоит сейчас в вашей прихожей.

— Я еду в аэропорт, инспектор.

— Он нашелся, — ввернул Флетч. — Такая радость, не правда ли?

— Поневоле задумаешься, а терялся ли он?

— Он не терялся, его похитили, — напомнил Флетч.

— Произошла накладка, — объяснил Менти. — Я приехал сюда, чтобы обнять жену и дочь. Они же, услышав, что я жив, поспешили в Рим, не зная, что я прилетел в Бостон.

— Понятно, — кивнул Флинн. — А каково там, в стране мертвых?

— Надеюсь перехватить их в аэропорту, инспектор.

Флинн отступил в сторону, освобождая проход.

— Я никогда не встану между мужчиной и его семьей. Счастливого пути, граф.

Флетч открыл дверь в коридор.

— В гостиной горячий кофе, инспектор.

Он проводил Менти до лифта. Флинн прошел в гостиную.

— Пришлите мне пластины с номерными знаками, — прошептал Флетч, открывая дверь лифта. — По почте.

— Что мне делать с автофургоном? — из кабины прошептал в ответ Менти.

— Оставьте его на какой-нибудь улице. Его украдут.

Не сняв плаща, Флинн стоял над кофейным столиком.

— Сейчас принесу вам чистую чашку, — Флетч повернулся к двери.

— Не нужно. Я уже пил чай.

- Я вас не ждал, — признался Флетч.
- Я задержу вас лишь на минутку. Приехал, чтобы спросить, где, по-вашему, находятся сейчас картины ди Грасси?
- Я только что говорил об этом, инспектор.
- Неужели?
- Рассказал Менти обо всем, что произошло после его похищения.
- Вы, должно быть, удивились, увидев его на пороге?
- Еще бы!
- А дамы уехали до его прихода?
- Вернувшись после нашей поездки в Уэйтон, я их не застал. Вероятно, они еще ночью узнали, что Менти жив.
- И не дождались вас? Ни ваша невеста, ни графиня?
- Воскрешение Менти потрясло их. Обо мне они просто забыли.
- Возможно и такое. Где его нашли?
- У церкви святого Себастьяна.
- Он не помнит, как попал туда?
- Да нет, его высадили из машины.
- Просто удивительно, что они так долго кормили похищенного, зная, что выкупа не будет. У итальянских бандитов не сердце, а мед. Сколько его держали под замком? Больше месяца?
- Во всяком случае, не меньше.
- Да, в этом мире все возможно. — Флинн прошелся по комнате. — Так где сейчас картины?
- Инспектор, я уверен, что Хорэн перепрятал их прошлой ночью.
- Я мог бы согласиться с вами. Но Хорэн это отрицает.
- Вы его спрашивали?
- Да.
- Но, инспектор, можно ли верить убийце?
- Вот уж воистину иезуитский вопрос.
- И что говорит Хорэн?
- Он ничего не слышал об этих картинах.
- Разве он не сказал вам, что они у некоего Коуни из Техаса?
- Он никогда не слышал о Коуни из Техаса.
- Ребус какой-то, инспектор.
- Именно так. Картины должны быть у Хорэна, иначе он не решился бы на убийство, чтобы избавиться от вас.
- Может, он просто не любит тех, кого зовут Питер.
- Я его спрошу, — пообещал Флинн. — Мне хотелось бы думать, что картины взяли вы, Флетч. Вчера ночью дом Хорэна пытались ограбить. Но он сам приезжал туда и заявил полиции, что ничего не пропало.
- Давайте я заварю чай, — предложил Флетч. — Вода еще горячая.
- Нет, мне пора. — Флинн направился к двери. — Возможно, Хорэн не хочет признавать, что его обокрали. Причем забрали то, что украл он сам.
- В этом что-то есть, инспектор, — поддакнул Флетч.
- Перед тем, как открыть дверь, Флинн повернулся к Флетчу.
- Кстати, мистер Флетчер, мы узнали, чему вы посвятили

свое время после того, как в прошлую среду вошли в «Риц» через одну дверь, а вышли через другую.

— О?

— Вы купили автофургон. Сегодня утром наша изумительная бюрократическая машина ошастливила меня регистрационным бланком.

Флинн начал рыться во всех карманах.

— Так почему вы в один день купили автофургон и взяли напрокат легковой автомобиль?

— Я собирался воспользоваться им, если бы у меня возникло желание покататься на лыжах, инспектор.

— Ага! Прекрасный ответ. Но почему вы говорите о нем в прошедшем времени?

— Его украли. Я намереваюсь заявить об этом в полицию.

— Ну что же вы, мистер Флетчер. Об этом надо заявлять. Когда украли автофургон?

— Буквально сразу после покупки.

— Жалость-то какая. В тот же день? Поэтому вы и взяли напрокат легковушку?

— Я не хотел ездить по городу в автофургоне.

— Действительно, я забыл о вашем тонком вкусе.

— Фургон украли через день или два. Я оставлял его на улице.

— В городе ужасная преступность, не так ли? Полиции следует принять решительные меры. — Наконец-то Флинн выудил из одного из карманов полоску бумаги. — А вот и наша милая крошка. Голубой автофургон, марка «шевроле», прошлогодняя модель, номерной знак 671-773. Он?

— Он самый.

— Машина именно таких размеров как нельзя лучше подходит для перевозки картин и небольших скульптур.

— И для лыж тоже.

— Вы думаете, автофургон украд Хорэн, для того, чтобы затем украсть у себя картины ди Грасси?

— Все возможно, инспектор.

Флинн открыл дверь.

— Так я незамедлительно объявляю розыск этого фургона. Голубой «шевроле», модель прошлого года, номерной знак 671-773. Тем более что он принадлежит вам, а вы оказали мне неоценимую помощь в столь сложном расследовании. Попрошу парней из дорожной полиции отнестись к моему запросу повнимательнее. Думаю, через несколько часов ваш фургон найдут.

— Буду вам очень признателен, инспектор.

— Не стоит благодарностей. Чего не сделаешь ради друга.

Флетч закрыл дверь, прислушиваясь к скрипу лифта. Взглянул на часы. Без четверти двенадцать. Вторник. В Бостоне он почти неделю, а еще не приступил к делу, ради которого приехал.

В кабинете он набрал номер, который нашел и запомнил в аэропорту, в прошлый вторник. Ожидая, пока на другом конце провода снимут трубку, он отдернул портьеру и посмотрел на

улицу.

Менти вылезал из грузового отсека автофургона.

Он осматривал картины!

— Поспеши, Менти,— прошептал Флетч оконному стеклу.—
Ради Бога!

— Добрый день. Ваш номер 555-2301?

Менти открыл дверцу кабины.

— Слушаю,— ответил незнакомый голос.

— Добрый день,— повторил Флетч.

Флинн вышел из подъезда. Менти уселся за руль автофургона.

— Вас слушают.— В голосе слышались нетерпеливые нотки.

— Извините. Это Фонд семьи Тарп?

Флинн уселся на переднее сиденье черного «форда».

— Да, сэр.

Сизый дымок одновременно вырвался из выхлопных труб автофургона и патрульной машины.

— Могу я поговорить с вашим директором?

— Вас не затруднит сказать, кто хочет с ним поговорить?

Стоявшая во втором ряду патрульная машина тронулась с места.

Менти, не оглядываясь, начал выруливать из первого ряда. В визге тормозов патрульная машина застыла, едва не столкнувшись с автофургоном.

— Кто хочет с ним поговорить, сэр?

Вероятно, водитель патрульной машины махнул рукой, пропуская черный автофургон марки «шевроле», модели прошлого года, с номерным знаком R99420.

Оба автомобиля покатали по улице — черная патрульная машина следом за черным автофургоном.

Флетч отпустил портьеру.

— Извините, это Питер Флетчер...

Перевод с английского Виктора ВЕБЕРА.

Фирма

ДАКВИН

— ВАШ НАДЕЖНЫЙ ПАРТНЕР И ПОМОЩНИК — ЭТО:

ЗНАКОМСТВО

Крупнейшая в России компьютерная служба знакомства, содержащая в своем банке данных информацию о десятках тысяч абонентов всех возрастных категорий, желающих создать семью и проживающих на территории всех республик. Если вы еще не нашли надежного спутника жизни, друга, единомышленника, не падайте духом. ДАКВИН поможет Вам в этом и исцелит Вас от одиночества. После получения от Вас заполненных анкет и психологического теста Ваши анкетные данные и требования к партнеру будут немедленно введены в компьютер, а уже на следующий день Вам будут высланы адреса и анкетные данные претендентов на знакомство с Вами. Статистика показывает, что 98,7 процента мужчин и 97,1 процента женщин находят более пяти вариантов после первого компьютерного поиска. Все варианты, кроме первых пяти, высылаются наложенным платежом. Фирма гарантирует не только высокую скорость, но и высокое качество обслуживания. Ваше счастье — в Ваших руках!

ГОРОСКОП

Если вы не скептик и верите в астрологию, то Вы сможете узнать, как распорядятся звезды Вашей судьбой и карьерой, заказав индивидуальный гороскоп. ДАКВИН, тонкий знаток древнеиндийских секретов астрологии, осветит любой период Вашей жизни. Мудрость древних, помноженная на фантастическое быстродействие современных компьютеров, дает потрясающий результат.

РАБОТА ЗА РУБЕЖОМ

Уважаемые соотечественники! Фирма «**DAKVIN L.T.D.**» продолжает формировать банк данных лиц, желающих работать за рубежом по контракту. Если Вы решите воспользоваться услугами нашей фирмы, Вы сделаете правильный шаг. У Вас появится реальная возможность осуществить свою мечту и получить контракт на работу в Европе, Южной Америке, Канаде, Австралии, ЮАР, США и в ряде стран Персидского залива. Это заработок от 250—500 долларов (для неквалифицированных рабочих) до 3000—6000 долларов в месяц (при заключении солидных контрактов на 2—6 лет в экономически развитых странах).

Желающим самостоятельно включиться в поиск работы предлагается более тысячи адресов фирм-работодателей и бюро по найму рабочей силы во всем мире, несколько сот адресов и телефонов представительств инофирм в Москве. Самые низкие на внутреннем рынке цены.

В письмо с пометкой «ЗНАКОМСТВО», «ГОРОСКОП», «РАБОТА» или «АДРЕСА» вложите пустой конверт с Вашим подробным адресом. В нем Вам будут высланы условия обслуживания и анкеты для заполнения. Письма отправляйте по адресу: 144012, Московская обл., г. Электросталь, «ДАКВИН».

Убедительная просьба присылать запросы по каждому направлению в отдельном письме с одной пометкой на конверте.

УУЖИО

ГОРО

БУЛАТ ТЕМИРОВ

Фото АЛЬБЕРТА ЛЕХМУСА

Игорь Павловец родился через год после катастрофы на Чернобыльской атомной станции... Родился без обеих ног и без одной руки. И в то же время он полон сил, энергии, смышлен, лицо его светится умом, тягой к познанию мира. Как жить ему дальше? Какие протезы, коляски, какие особые приспособления нужны, чтобы облегчить его участь, приблизить, насколько возможно, к миру обычных людей?

Ничего этого в нашем государстве нет. И не предвидится. Игорь Павловец не один. Таких, как он, детей с врожденными пороками, пытаются лечить, выхаживают в минском Доме ребенка № 1, открытом в 1989 году и официально называемом «специальным» спецдомом. И для них, для всех остальных его обитателей, как и для Игоря, в нашем государстве нет ничего. Ни импортных лекарств, ни современного уровня лечения, ни возможности отправить их в зарубежные клиники. Даже помещения нет для открытия в Минске отделения детской нейрохирургии. Решение об этом есть, а помещения нет. Равно как нет элементарно необходимого бассейна для подводного массажа, реабилитационной палаты, нет даже открытой веранды, чтобы выносить детей на солнце.

Но ведь есть мы, просто люди!..

Увы, мы не любим смотреть на чужие страдания, мы спешим отвернуться от них, а то ведь и от нас чего-то потребуют. Хотя бы сострадания. И это в общем-то психологически можно понять. Но есть предел, за которым невольная попытка отстраниться от чужих бед перерастает в полное бесчувствие. Такое же, как бесчувствие государства.

Мы эту грань перешагнули дав-

но, еще в нашем историческом прошлом. Мы ведь — плоть от плоти его, государства нашего. Это в наши детские души вдалбливалось, что жалость унижает человека. Это нас со школы, а то и раньше, учили, что государство — все, а человек — ничто.

И не потому ли мы, в громадной советской массе своей, довольно спокойно отнеслись и к трагедии Чернобыля, и к позорной преступной попытке правительства замолчать ее?

(Прошу простить меня, но я говорю не о тех единицах, не о работниках минского Дома ребенка и других, подобных же домов, пред которыми наше общество должно преклонить колени. Не о редких богатых наших согражданах здесь и в основном за границей, которые первые же заработанные миллионы уже вложили в благотворительность. Я говорю о нас, о массе...)

Но вот государство вроде бы развернулось всей своей громадой и пытается не на словах, а на деле проявить человеколюбие и милосердие. А не получается...

У нас — другая шкала ценностей. Мы, читая американские книги, никак не можем понять, почему жена начальника городской полиции должна ехать в больницу для бедных и работать сиделкой. Там это принято: жены первых людей города, а за ними и другие, благополучные, помогают немощным в приютах, в богадельнях, и это у них — дело совести.

Когда пять лет спустя после трагедии президент страны приехал в Белоруссию и, выступая перед учеными, говорил: надо же наконец определиться, вредно там жить, в этих районах, или не вредно, то ведь даже белорусы, похоже, не возмутились. А говорил президент, по-моему, чудовищные вещи: и по смыслу, и по интона-

ции. Но мы не заметили. Чего ж там: и мы, и президент — люди из одного теста.

Ядерный взрыв в Чернобыле так и остался для нас в основном трагедией белорусов и украинцев, семипалатинский полигон — го-

рем казахов, гибель Арала и всей приаральской земли — болью каракалпаков. И всякие упоминания о них вызывают сейчас нечто вроде раздражения: мол, что вы тычете своими болячками, у нас и своих полно... Мы бесчувственные

рабы этого государства.

И долго еще будем. На горе себе и детям. До тех пор, пока не выберемся на общечеловеческую дорогу, пока не построим общество, живущее по законам мировой цивилизации. Общество, кото-

рое доказало, что в нем есть право и на жалость к ближнему, и на благотворительность, и на милосердие.

Вглядимся же в эти фотографии.

Не отворачивайтесь...

ФРИЦ ЛЕЙБЕР

АПОКАЛИПСИС

РИСУНКИ ВИТАЛИЯ ФЕДОРОВА

Я опустил на пол картонный чемоданчик:

— Какая комната? Эта?

Домовладелец кивнул.

Комната была небольшая и темноватая, однако чистая. Лубовый комод. Буфет. Пустой стол. Ночник с зеленым боажуром. Кресло. кровать с металлической сеткой.

— С тех пор, как ваш дядя умер, мы ничего не трогали, только белье постирали.

— Он умер неожиданно?

— Да. Во сне. Сердечный приступ.

Я слегка кивнул и под воздействием внезапного импульса пошел к буфету. Две полки были забиты консервами и другой провизией, на третьей находились старый кофейник, две кастрюли и несколько фарфоровых чашек, покрытых сетью коричневых трещин.

— Ваш дядя любил готовить сам, — сказал домовладелец. — Конечно, если захотите, вы тоже можете готовить.

Я подошел к окну и с высоты третьего этажа выглянул на грязную улицу, где группа мальчишек играла в орлянку. Потом медленно пересчитал этажи в доме напротив и обернулся, надеясь, что домовладелец уже ушел. Но он стоял рядом и смотрел на меня. Белки его глаз были абсолютно бесцветны.

— С вас двадцать пять центов за стирку, — промолвил он.

Я порылся в кармане и вынул четвертак. Теперь у меня оставалось только сорок семь центов.

Домовладелец выписал квитанцию, тщательно выводя буквы.

— Ключи от вашей комнаты и входной двери на столе. На три месяца и две недели комната ваша.

Он вышел, прикрыв за собой дверь, а я опустился в кресло.

Люди получают иногда в наследство весьма странные вещи. Я унаследовал немного консервов и оплаченную комнату лишь потому, что мой дядя Дэвид, которого я никогда в жизни не видел, любил платить за все вперед. Суд отнесся ко мне благосклонно, особенно после того, как я рассказал о своем бедственном положении. Правда, я был разочарован, узнав, что мне не причитается никакой наличности. Выплата пенсии прекратилась со смертью дяди, а похороны съели остальное. Но у меня хоть было теперь место для ночлега.

Мне сказали, что дядя, должно быть, составил завещание через некоторое время после моего рождения. Не думаю, что отец или мать знали об этом, иначе они наверняка рассказали бы мне — хотя бы перед смертью. Я почти ничего не слышал о дяде, за исключением того, что он был старшим братом отца и служил полицейским. Вы, наверное, знаете, как это происходит: семьи разделяются, контакт поддерживают только старшие, и очень скоро родственные связи рвутся. Все время действуют силы, которые разъединяют людей, разбрасывают их в разные стороны и обрекают на одиночество. Сильнее всего ощущается это в большом городе.

Так и у меня. После относительно безоблачного детства жизнь становилась все тяжелее и тяжелее. Великая Депрессия. Смерть

родителей. Уход друзей. Работа, временная и ненадежная. Отсрочка и неудобства правительственной помощи. Я пытался бродяжничать, но обнаружил, что у меня не хватает настойчивости. Даже для того, чтобы стать бродягой, бездельником или мусорщиком, нужны определенные способности.

Я сидел в старом, потертом дядином кресле на фоне темнеющего окна, и мне было невыносимо одиноко. За стеной кто-то двигался и разговаривал, но этих людей я не знал и никогда не видел. С улицы доносились неясные звуки. Слышалось отдаленное пыхтение паровоза; где-то рядом жужжала неисправная неоновая трубка. Монотонно тархтел какой-то двигатель, напоминающий завывание швейной машинки. Эти холодные звуки только усиливали мое одиночество, вызывая неясное беспокойство. Я размышлял о том, каким человеком был дядя и как он жил после того, как ушел в отставку. Он, наверное, был очень одинок в старости. Теперь его одиночество перешло ко мне.

Я поднялся и начал бесцельно ходить по комнате. Мебель, придвинутая вплотную к стенам, не создавала ощущения уюта, и я выдвинул стол и кресло поближе к середине комнаты. Потом подошел к комоду и увидел на нем фотографию в рамке. Это был мой дядя, так как на обратной стороне фотографии стояла аккуратная надпись: «Дэвид Род, лейтенант полиции. Ушел в отставку 1 июля 1927 года». На фотографии дядя был в форме и фуражке; щеки его казались впалыми, а глаза были более умными и пронзительными, чем я ожидал. Я положил фотографию обратно на комод, но затем передумал и поставил ее на буфет. После дня, проведенного в суде, следовало прилечь и отдохнуть, но возбуждение не покидало меня, и я решил исследовать доставшееся мне наследство. Не для того, чтобы отыскать какие-либо ценности, просто хотелось разузнать побольше о дяде.

Открыв дверь кладовки, я вздрогнул. На стене висела полицейская форма, над ней, на крюке, голубая фуражка, на полу стояли тяжелые форменные ботинки, а на гвозде сбоку висела резиновая дубинка. В сумерках форма казалась почти новой. Я обнаружил еще штатский костюм, пальто и другую одежду, но ее было не так много. В ящике, стоящем на полке, находился револьвер и ремень с несколькими патронами, торчащими из кожаных карманов.

Честно говоря, я был несколько ошарашен, обнаружив форму, пока не догадался, что у дяди, наверное, было два комплекта — один летний, другой зимний. Вероятно, его кремировали в зимнем.

Не обнаружив в кладовке ничего полезного для себя, я принялся исследовать содержимое комода. В двух верхних ящиках лежали выглаженные и аккуратно сложенные рубашки, носовые платки, носки и нижнее белье. Третий ящик был наполнен газетными вырезками, тщательно разделенными на отдельные кучки и связки. Я бегло просмотрел те, что лежали сверху. Так вот чем занимался дядя, уйдя в отставку! Он продолжал интересоваться различными преступлениями.

В нижнем ящике лежала масса различных предметов: пара

очков, удивительно короткая трость с серебряным набалдашиником, пустой «дипломат», зеленая шелковая лента, игрушечная деревянная лошадка, выглядевшая очень старой (может быть, он купил ее для меня, когда я был ребенком, но забыл выслать). Я быстро задвинул ящик и отошел в сторону, получив достаточно ясное представление о дядиных вещах. Они напомнили мне о смерти, и я снова почувствовал себя одиноким и потерянным. Единственный человек, с которым меня хоть что-то связывало, был похоронен три недели назад. Но почему дядя не хранил никаких писем? Его аккуратность наводила на мысль, что должна быть по крайней мере пара коробок с письмами, тщательно перевязанными в пачки. Я понял, как, должно быть, были пусты и бессодержательны последние годы его жизни.

Внезапно открылась дверь, и в комнату, мягко ступая большими матерчатыми шлепанцами, вошел домовладелец. Я вздрогнул от неожиданности и слегка рассердился.

— Хотел напомнить вам,— проговорил он,— что у нас не полагается шуметь после одиннадцати. Ваш дядя обычно готовил в восемь тридцать утра и в пять вечера.

— Хорошо, хорошо,— ответил я быстро и поинтересовался: — Не хранил ли дядя что-либо в подвале, например, сундук или ящик?

С минуту он тупо смотрел на меня, потом обвел комнату широким жестом.

— Нет. Все, что у него было, находится здесь.

— К нему часто приходили гости?

Домовладелец отрицательно покачал головой.

— Спасибо.— Я повернулся к нему спиной.— Спокойной ночи.

— Я вижу, вы переставили мебель так, как она стояла при вашем дяде, и фотографию поставили на буфет,— заметил домовладелец, окинул взглядом комнату и зевнул.— Ну, спокойной ночи.

Я взял со стола ключ и запер дверь. Одиночество снова обрушилось на меня.

Итак, я расставил мебель в прежнем порядке и положил фотографию на старое место. Это открытие слегка напугало меня.

Вдруг я осознал, что веду себя глупо. Не следует поддаваться унынию, ведь некоторое время придется прожить в этой комнате.

Я взял пачку газетных вырезок из комода и стал изучать их. Самые старые вырезки потемнели и легко ломались. В них говорилось в основном об убийствах. Я бегло пролистывал их, просматривая заголовки. Через некоторое время я углубился в сообщение об «Убийце-Призраке», который убивал людей без всякой видимой причины. Его преступления напоминали те, которыми Джек-Потрошитель ужасал Лондон в 1888 году. Правда, его многочисленными жертвами были не только женщины, но мужчины и дети. Среди расследовавших эти преступления было упомянуто и имя моего дяди.

Все пачки были аккуратно разложены в определенном поряд-

ке, но я так и не смог обнаружить никаких пометок или комментариев, если не считать крохотного клочка бумаги с адресом: 2318. Робей Стрит. Я решил, что когда-нибудь посету его.

Наступила ночь, и свет уличного фонаря позволял видеть пыль на оконном стекле. За окном все так же монотонно жужжала неисправная неоновая трубка и слышалось пыхтение паровоза. Меня стал одолевать сон. Раздеваясь и складывая одежду на стул с непривычной для меня тщательностью, я поймал себя на мысли: а не складывал ли дядя свою одежду таким же образом? Пиджак на спинку стула, брюки на сиденье, ботинки с засунутыми в них носками на пол, а рубашку и галстук поверх пиджака?

Я приоткрыл верхнюю и нижнюю створки окна, выключил ночник и забрался в постель. По мере того как мои глаза привыкали к полутьме, я стал различать контуры предметов в комнате. Стул с моей одеждой. Стол. Неясный отблеск фотографии дяди на буфете.

Постепенно мое воображение начало рисовать гигантский город, лежащий за стенами комнаты. Темные здания, кое-где перемежающиеся небоскребами; улицы, с магазинами и трамвайными рельсами, неясно вырисовывающиеся громады складов и фабрик. Горы плака и угрюмая прожженность рельсов и пустых вагонов на железнодорожных станциях. Неосвещенные аллеи парков и быстро проносившиеся редкие машины на главных улицах. Ряды безобразных двухэтажных домишек, прилепленных один к другому. Подозрительные личности, которые в моем воображении никогда не ходили прямо, а крались, согнувшись вдоль стен. Преступники. Убийцы.

Я резко прервал этот поток мыслей, слегка напуганный его реальностью. Не важно, что город казался чужим и зловещим, — в моей маленькой комнате с запертой дверью я был в безопасности. В комнате полицейского Дэвида Рода, лейтенанта, ушедшего в отставку 1 июля 1927 года. Я погрузился в сон.

Сновидение было простым, живым и до странности реальным. Я стоял в переулке у ограды, за которой виднелась темная кирпичная стена здания с деревянной пристройкой, выкрашенной в серый цвет. Было время рассвета, когда жизнь еще не вступает в свои права и сон висит в воздухе, как холодный туман. Бесформенные облака скрывали небо. Я видел желтую полосу света, сочившуюся из окна на первом этаже, однако не слышал ни звука. Ничего не происходило, но чувство холодного ужаса, охватившего меня, трудно было описать.

Видение постепенно менялось. Теперь передо мной была узкая ухабистая тропа, пересекающая двор по диагонали. По ней медленно шел какой-то мальчик. Ужас, нависавший над этим местом, был направлен на него. Я попытался предупредить мальчика, крикнуть, чтобы он бежал домой, но не смог пошевелиться и произнести ни звука.

Видение снова изменилось. Опять был час рассвета. Я стоял напротив двухэтажного дома, слегка отстоявшего от улицы. Перед домом была аккуратная лужайка и две цветочные клумбы. Вдалеке я видел полицейского, медленно обходящего свой участок. Затем мною завладела какая-то сила, придвинувшая

меня ближе к дому. Я увидел цементную дорожку и свернутый планг, а в нише дома — непонятную кучу. Сила согнула меня по направлению к ней, и я понял, что это молодая женщина с проломленным черепом и залитым кровью лицом. Я попытался закричать и проснулся.

Темная комната плыла вокруг меня, двигались какие-то фигуры, окно некоторое время находилось совсем в другом месте. Постепенно мне удалось заставить вещи вернуться на свои места путем пристального разглядывания их. Я сел в кровати, дрожа всем телом. Это был самый страшный кошмар, который когда-либо снился мне. Я достал сигарету, зажег ее дрожащей рукой и обернул одеяло вокруг себя.

Внезапно я вспомнил, что совсем недавно видел пригрезившийся мне дом. Я встал с кровати, включил свет, порылся в газетных вырезках и нашел фотографии. Дом был тот же, что и в моем сне. Я прочитал заголовок. «Здесь была найдена жертва Убийцы-Призрака». Итак, вот что явилось причиной моего кошмара. Я должен был догадаться раньше.

Резко поднявшись на ноги, я собрал вырезки в кучу и понес к комоду. По ошибке я выдвинул нижний ящик и снова увидел странную коллекцию: очки, трость с серебряным набалдашником, пустой «дипломат», зеленую ленту, игрушечную лошадку, черепаховую расческу и все остальное. Вдруг послышался легкий шум. Я решил заглянуть в кладовку. Голубая форма, фуражка, ботинки висели на своих местах: Дэвид Род, лейтенант полиции, вышедший в отставку 1 июля 1927 года.

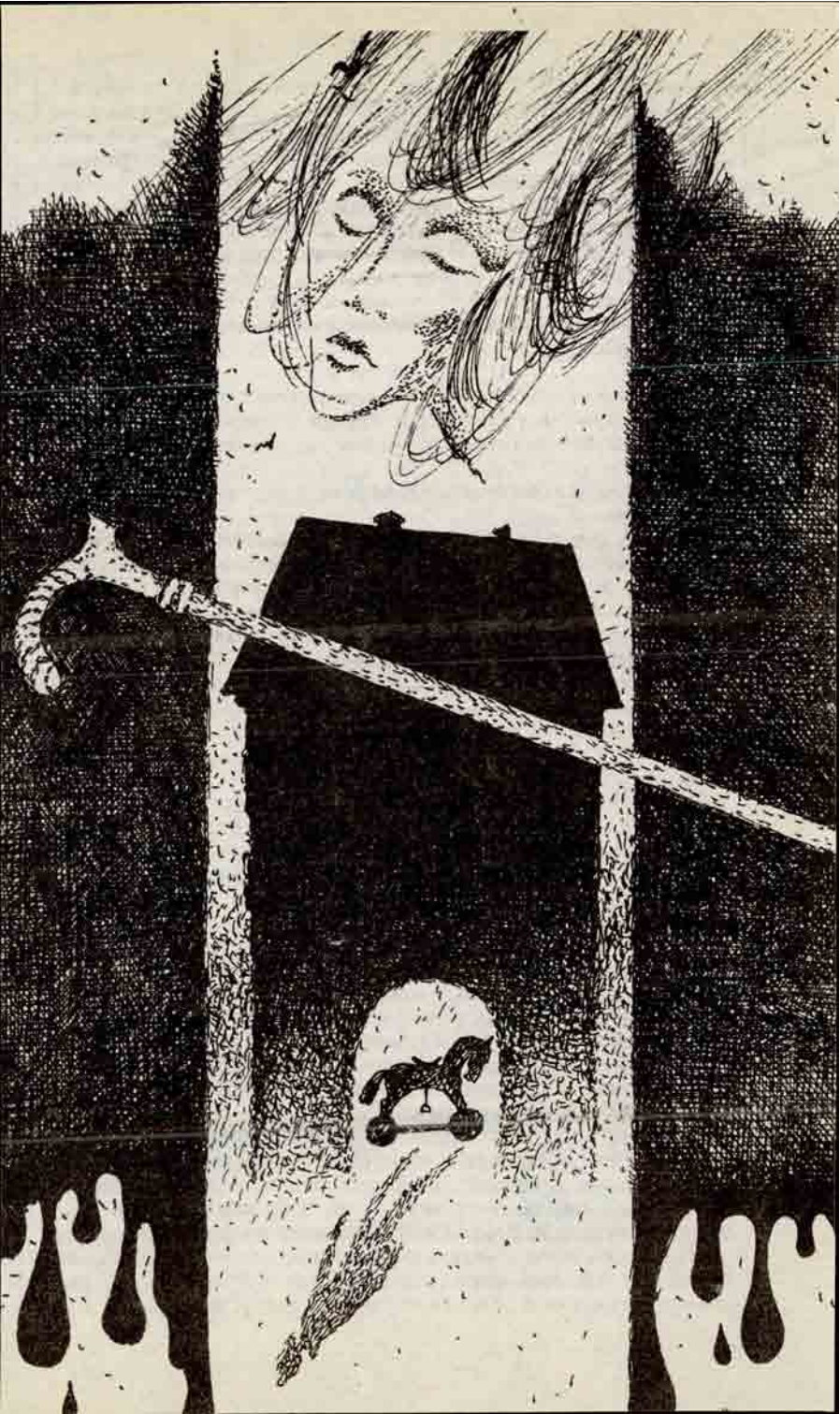
Я понял, что должен держать себя в руках. Если бы можно было отделаться от ощущения, что кто-то пытается добраться до меня! Но кому я нужен? У меня нет денег. Я здесь чужак. И тем не менее мне казалось, что мертвый дядя пытается мне что-то сообщить, заставить меня что-то сделать!

Мой взгляд задержался на поверхности стола, потертой и покрытой царапинами, но ярко освещенной светом ночника. Стол был пуст, но в углу его лежал маленький клочок бумаги. Я прочитал написанный карандашом адрес: 2318, Робей Стрит.

Странное чувство охватило меня при виде адреса. Он висел надо мной, как приговор судьбы, как некая тайна, слишком ужасная, чтобы человек мог разгадать ее. Быстрым движением пальцев я смял бумажку в комочек, бросил его на пол и сел на край кровати.

Через некоторое время в голове прояснилось, и сердце стало биться спокойнее. Я подавил в себе необъяснимый ужас, но чувствовал, что он может вернуться в любую минуту. Я лег в кровать и попытался заснуть. На этот раз видение стало более отчетливым.

Я стоял на пересечении двух улиц. По правую сторону от меня маячили темные высокие здания со множеством окон. По левую — текла широкая уродливая река. На ее маслянистой, медленно движущейся поверхности тускло отражались уличные фонари противоположного берега. Я смутно различал очертания пришвартованной баржи. Одна из улиц шла вдоль реки и ныряла впереди под мост. Другая отходила под прямым углом. Троту-

ар был замусорен обрывками газет, перелетавших с места на место и кружившихся по ветру. Я не мог слышать их шуршания и ощущать запаха химикалий, который, как я знал, должен был подниматься от реки. По боковой улице по направлению ко мне шел пожилой невысокий человек. Я чувствовал, что должен крикнуть, предупредить его об опасности, но у меня не было сил. Он неуверенно озирался вокруг, как бы высматривая направление, отодвигал рваные газеты со своего пути тростью с серебряным набалдашником. В руке у него был «дипломат». Когда он достиг перекрестка, перед ним внезапно возникла темная фигура. Первый испуг пожилого человека сменился вздохом облегчения. Он, казалось, что-то выспрашивал, а темная фигура отвечала.

Потом темная фигура указала вдоль улицы, шедшей под мост. Человек с тростью улыбнулся и кивнул. Ужас и отчаяние держали меня, словно в тисках. Я не мог ни заговорить, ни подойти ближе.

А две фигуры двинулись вдоль реки и растворились в темноте под мостом.

Прошло довольно много времени. Потом темная фигура вынырнула из-под моста. Казалось, она увидела меня и двинулась навстречу. Я сделал отчаянную попытку освободиться от державшей меня силы и, как пуля, выпущенная из ружья, понесся вверх с фантастической скоростью. Через мгновение я был уже высоко над городом. Река казалась свинцовой прожилкой между кварталами. Вдалеке различались крошечные трубы, выбрасывающие язычки пламени, — заводы, работающие в ночную смену. Чувство ужасного одиночества завладело мной. Я уже позабыл сцену, виденную на берегу реки. Единственным желанием было улететь от безграничной пустоты, в которой я был подвешен. Улететь и спрятаться в каком-нибудь убежище.

С этого момента мой сон стал одновременно более и менее реальным. Менее — из-за невероятных кульбитов, которые я проделывал, летя через пустоту; более — потому что я знал, где нахожусь, и хотел вернуться назад в комнату дяди, в которой лежало мое сонное тело.

Я камнем полетел вниз и заскользил над крышами домов. Я видел покрытые сажей трубы, вентиляционные патрубки странной формы, ржавые, с дождевыми потеками, листы железа. Я беспрепятственно пролетал через офисы и фабрики, а в следующее мгновение уже обгонял трамвай. Наконец, скорость моего полета начала уменьшаться, и я повернул в сторону. Впереди показалась темная стена, потом она поглотила меня, и я очутился в комнате дяди.

Самая ужасная фаза кошмара часто начинается тогда, когда спящий обнаруживает себя в той самой комнате, в которой спит. Он узнает все предметы, но видит, что они слегка искажены. Отвратительные твари грозят ему из темных углов. При пробуждении комната из его сна накладывается на реальную комнату. Именно так случилось и со мной, только сон не хотел заканчиваться. Я, казалось, парил под потолком и смотрел вниз. Большинство предметов выглядели так же, как и перед сном. Стол,

буфет, комод, кресло. Но обе двери — в кладовку и в коридор — были приоткрыты. Я видел смятые простыни, подушку, откиннутые одеяла. Однако моего тела в кровати не было.

Я понимал, что случилось нечто страшное. Я должен был найти самого себя. Паря под потолком, я внезапно ощутил, что меня что-то притягивает, как магнитное поле кусок железа. Я инстинктивно расслабился, давая волю этой неведомой силе, и сразу же был унесен через стены в ночное небо.

Я снова летел над темным городом, и в моем мозгу кружились мысли. Постепенно скорость моего полета уменьшилась, но одновременно усилился страх.

Я заметил грязную табличку и прочитал: «2318, Робей Стрит».

Это был ветхий домик, но выглядел он несколько опрятнее, чем соседние. Я завернул за угол. С задней стороны домика в окне горел свет. Открылась дверь, и на пороге появилась маленькая девочка с небольшим жестяным ведрком в руке. Она была одета в короткое платьице, открывавшее худенькие ножки. Волосы девочки были прямые и имели желтоватый оттенок. Она на минуту обернулась, стоя в дверях, и я услышал, как хриплый женский голос проговорил:

— Иди-ка поскорее. Ведь папа любит горячую пищу. По пути нигде не останавливайся и постарайся, чтобы тебя никто не видел.

Девочка кротко кивнула и пошла по тропинке. Вдруг я заметил фигуру, скрывавшуюся в тени. Сначала виднелся только темный профиль. Чтобы разглядеть его, я подошел ближе и увидел... свое собственное лицо.

Это было ужасно. Безвольный рот корчился в свирепом оскале. Ноздри раздувались. Глаза вылезли из орбит так, что вокруг зрачков показались белки. Скорее звериная морда, чем человеческое лицо.

Маленькая девочка подходила все ближе. В последнем отчаянном усилии я бросился на искаженное лицо, в котором узнал свое собственное. Боль и ужас поразили меня. Вдруг я понял, что смотрю на девочку, а она смотрит на меня.

— Ой, вы напугали меня! — сказала девочка. — Я сначала вас не разглядела.

Я знал, что уже не сплю. Узкая одежда жала в плечах и в поясе, пуговицы на рукавах давили на запястья. Я опустил глаза и посмотрел на резиновую дубинку, которую держал в руке. Подняв руку, пощупал жесткий козырек фуражки на голове, потом оглядел себя и, несмотря на темноту, понял, что одет в темно-голубую полицейскую форму.

— Все в порядке, крошка, — сказал я. — Прости, что напугал тебя. Где работает твой отец? Я прослежу, чтобы с тобой ничего не случилось по дороге, а потом провожу домой.

Так я и сделал.

В течение нескольких последующих часов я чувствовал себя полностью опустошенным. Осторожно расспросив девочку, я выяснил, как добраться до дома моего дяди. Вернувшись домой, снял с себя форму и повесил ее в кладовку.

На следующее утро я пошел в полицию. Я не стал рассказы-

вать ни о снах, ни о жутком приключении, только сообщил, что странный набор предметов в нижнем ящике комода в сочетании с фактами, изложенными в газетных вырезках, пробудили во мне весьма страшные подозрения. Мое сообщение было встречено с очевидным скептицизмом, но проведенное формальное расследование выявило потрясающие факты. Предметы, находящиеся в нижнем ящике комода моего дяди, были опознаны как исчезнувшие во время убийства и принадлежащие жертвам «Убийцы-Призрака». Например, трость и «дипломат» нес пожилой человек, найденный впоследствии мертвым под мостом; игрушечная лошадка принадлежала мальчику, убитому в пустом дворе, а черепаховая расческа — женщине с проломленной головой, чье тело было найдено в одном из жилых районов города; зеленая лента исчезла с другой проломленной головы. Пристальное изучение графика патрулирования моего дяди окончательно доказало, что почти в каждом случае он нес службу недалеко от места убийства.

Таким образом, было выявлено восемь убийств. Они начались, когда дядя еще служил, и продолжались после его ухода в отставку. Он, очевидно, всегда надевал полицейскую форму, чтобы не вызывать подозрения у своих жертв. Подборка газетных вырезок была отнесена к его тщеславию. Хранение вещей, принадлежавших жертвам, объяснялось желанием иметь символы своих преступлений. «Фетиши», назвал их один из полицейских.

Нет нужды описывать степень нервного расстройства, вызванного у меня подтверждением моих снов и «лунатических» прогулок. Но более всего я был поражен открытием, что некая предрасположенность к убийству, витающая в крови нашей семьи, передалась мне.

220
Спустя некоторое время я поведал эту историю одному врачу, которому доверял. Он не стал подвергать сомнению мое психическое состояние. Он просто поверил мне и отнес все случившееся к работе моего подсознания. Во время чтения вырезок я подсознательно догадался, что дядя был убийцей, но мое сознание отказывалось поверить в это. В результате у меня возникло некое мысленное смятение, усиленное усталостью и высокой внушаемостью. В моем мозгу проснулась «жажда убийства». Клочок бумаги с адресом каким-то образом сфокусировал эту силу. Во сне я поднялся, надел полицейскую форму дяди и пошел по указанному адресу...

Доктор рассказал мне о некоторых значительных действиях, совершаемых во время прогулок во сне. Не было никаких доказательств, говорящих о том, что дядя действительно собирался убить маленькую девочку.

Надеюсь, что объяснение доктора было верным...

Перевод с английского МАКСИМА ДРОНОВА.

ПОСТУПАЮЩИМ В ВУЗЫ И ШКОЛЬНИКАМ

предлагаются пособия, в которых собраны образцы сочинений на типичные темы, а также рекомендации и советы к экзаменам.

Три пособия для поступающих в вузы:

№ 1 — сочинения по программным произведениям;

№ 2 — сочинения по произведениям современной литературы («Дети Арбата», «Плаха», «Жизнь и судьба», «Белые одежды», романы В. Пикуля и другие);

№ 3 — обзор новинок литературы, сочинения по проблемам перестройки, молодежи, экологии; антисталинская, нравственная и другие темы в современной литературе.

Четыре пособия для школьников: одно общее для 9—11-х классов (сочинения по ряду ведущих произведений школьной программы) и три отдельных для 9, 10, 11-х классов. В каждом из трех пособий представлены сочинения по основным произведениям, изучаемым именно в этом классе, а также сочинения на свободные темы или по внеклассному чтению. В каждом пособии 12—14 полных сочинений, не считая отрывков.

Темы не повторяются.

Цена одного пособия — 25 рублей. Оплата наложенным платежом при получении на почте. Заказы лучше присылать на открытках по адресу: 400067, Волгоград, почтовое отделение № 67, а/я 19, кооператив «УЧИТЕЛЬ». **Телефон:** 42-41-69.

Школы и организации могут приобрести пособия по безналичному расчету, направив заявку по адресу кооператива «Учитель».

«Рут Диксон говорит предельно искренне, откровенно... описывает естественные переживания, чувства, действия, возникающие при интимном общении... Знакомство с ее советами будет полезно всем... Начинаящим — оно сразу доставит высокоподнимет планку...»

Эти слова видного сексолога Сергея Агаркова относятся к книге Рут Диксон «Теперь, когда ты заполучил меня сюда, что мы будем делать?».

Под русским названием «МУЖЧИНА ДЛЯ ЖЕНЩИНЫ» эта замечательная книга вышла в издательстве «Пресса» (Киев). **Цена — 15 р.**

Красочное издание книги Сефариаля «Астрология: как по-

строить и истолковать свой гороскоп» поможет вам овладеть древним и нестареющим искусством астрологии. Книга иллюстрирована схемами и примерами. **Цена — 13 р.**

Уникальным пособием по овладению теорией и техникой гипноза для людей, желающих попробовать свои силы в этой таинственной области, является книга Третьякова «Гипнотизм и внушение». **Цена — 14 р.**

Эти интересные книги фирма «ДИОФАНТ» высылает наложенным платежом. Заказы высылайте открыткой или письмом по адресу: 334320, Евпатория, а/я 777.

**ПЕРЕВОДИТЬ ДЕНЬГИ ЗАРАНЕЕ
НЕ НУЖНО.**

Ф И Р М А

«Диофант»

НАТАЛЬЯ РОДИОНОВА

кто депорит Дуппея?

— После его работы волосы блестят, оживают, быстрее растут. У него Бог в руках! — говорит певица Ирина Понаровская.

Мастер умеет оценить мастера. Только вот профессию второго, пожалуй, сразу и не назову...

Шапка волос, нахлобученная чуть небрежно, быстрый, худенький («...только не пишите, что мне 26»), неприметный вчера, а сегодня...

— Надежда сборной! — ликует ведущая, и он выбегает на сцену в невероятном жилете из павловопосадских платков, размахивая феном и расческами, естественный, артистичный и ни на кого не похожий.

Сергей Зверев!

— Я успел убедиться: женщина чаще всего не знает сама себя, не знает лучшего в себе и, что обидно, даже не пытается искать. Моя задача — увидеть это лучшее и помочь «вылепить» ее стиль.

— Не всем же удастся встретить такого парикмахера, — сокрушаюсь я, а Сергей поправляет:

— Художника-модельера по прическам...

На недавнем международном конкурсе в Англии Сергей занял третье место по прогрессивным прическам. Хорошо, конечно. Только при чем здесь прогресс? Оказывается, в «меню» всех подобных шоу-соревнований включается просмотр причесок трех видов. Прогрессивные — это открытый авангард, мода будущего.

Гала-прическа — «воздушные замки» из светлых волос, легкость и сияние бала.

Третья обязательная группа — прически коммерческие. Те, что носят в офисе и на улице, в праздники и будни, модные, современные и более обыденные, но приносящие тупейным художникам твердый и немалый доход.

Любопытно, а что же в конечном счете определяет рисунок шевелюры? Вкус? Мода? Форма носа, наконец?

— Стиль жизни и... профессия. Вы можете вспомнить делового человека с волосами до плеч? Едва ли. Или вот видите мою мо-

дель с челкой, закрывающей глаз. Никогда бы не смог я сделать что-то подобное, скажем, совработнику, даже если бы это была весьма милая женщина (что, кстати, случается...).

Я беседую с Николаем Харьковским, тренером сборной команды СССР (женских парикмахеров), дважды чемпионом страны, взявшим золото в личном первенстве на восьми международных конкурсах. Он мэтр, постигший все изыски мастерства, но для своих клиентов чаще всего выбирающий простоту и изящество классики.

— За счет чего меняется мода на прически? Более всего за счет технического прогресса. Скажите, современно ли «каре» Клеопатры? Но посмотрите — в то же самое «каре», те же линии прогресс вносит коррективы... Мы делаем классические стрижки на основе химической завивки, тонирования, мелирования... Появляются и новые технологии. Последняя из них, в некотором смысле революционная, принадлежала англичанину Сэссону в 70-е годы.

Стремление к комфорту диктует моде свои условия. И прически теперь (надолго ли?) доставляют нам куда меньше хлопот, чем нашим мамам. Только несравненно поднимаются требования к тщательности работы парикмахера, а вместе с ними и ее цена. Хорошие парикмахерские ножницы, говорят, стоят уже не десятки, а сотни рублей. Прейскурант нового советско-французского салона в центре города ошеломил даже уставших удивляться москвичей. Стрижка здесь обойдется вам в среднем в 100 рублей, а если хотите завивку, сумму удвойте. Вот уж точно: от хорошей жизни кудри вьются...

И хотя острословы по-прежнему утверждают, что советских в лю-

бой точке Земли узнают по отсутствию прически, отечественная школа парикмахерского искусства упрямо набирает высоту. Развал «нерушимого лагеря социализма» сказан и на жизни тупейных художников. Ушли в небытие праздничные и «бесплатные» чемпионаты парикмахеров соцстран, традиционно называемые международными. Сегодня впервые гостями Центра стали американские коллеги, приехавшие на совместный с советскими мастерами семинар. Зал восторженно аплодировал коллекциям причесок Николая Харьковского, Владимира Гаруса, Венеры Анварова, Сергея Зверева, Ирины Барановой, Ольги Бурмистровой... Американцы восхищались и (в который раз!) с удивлением открывали Россию. Джон Панд из штата Техас: «Я очень рад, что увидел все это. Красиво! Очень! Это вещи мирового значения. У меня было совсем другое представление о вас».

Второе интервью с самым общительным и, кажется, самым зрелым членом американской делегации (в день отлета из СССР ему исполнилось 74 года) Ричардом Иакином из штата Вирджиния. В его салоне — 3 парикмахера. Да и сам он работает два дня в неделю — один полный и один неполный... Выгодно ли парикмахерское дело? Приносит неплохие деньги. В среднем прическа обходится американке от 8 до 18 долларов в зависимости от того, в каком районе расположен салон. Отличаются ли прически у нас от тех, что модны сейчас в Америке? Нет, общение, телевидение, журналы делают свое дело. Что особенно популярно в США? Короткие стрижки, как, впрочем, и в СССР. Но возвращаются длинные волосы. Они будут очень актуальны в ближайшее время...

Итак, встреча убедила: мода те-

ряет национальное лицо. Но одновременно (появилась надежда) выравнивается и уровень сервиса, который моим соотечественникам достается так недешево. И если американцы дивятся художественному совершенству наших моделей, то нам настало время воспользоваться их деловым опытом. Все приехавшие на семинар американцы — владельцы небольших салонов; от трех до десяти мастеров — вот и весь штат такого заведения. Практически все — универсалы, умеющие причесать и мужчину, и женщину (хотя специализация в общем-то сохраняется...). Макияж по желанию клиента может сделать любой парикмахер; более серьезные косметические процедуры, как и у нас, делает особый специалист.

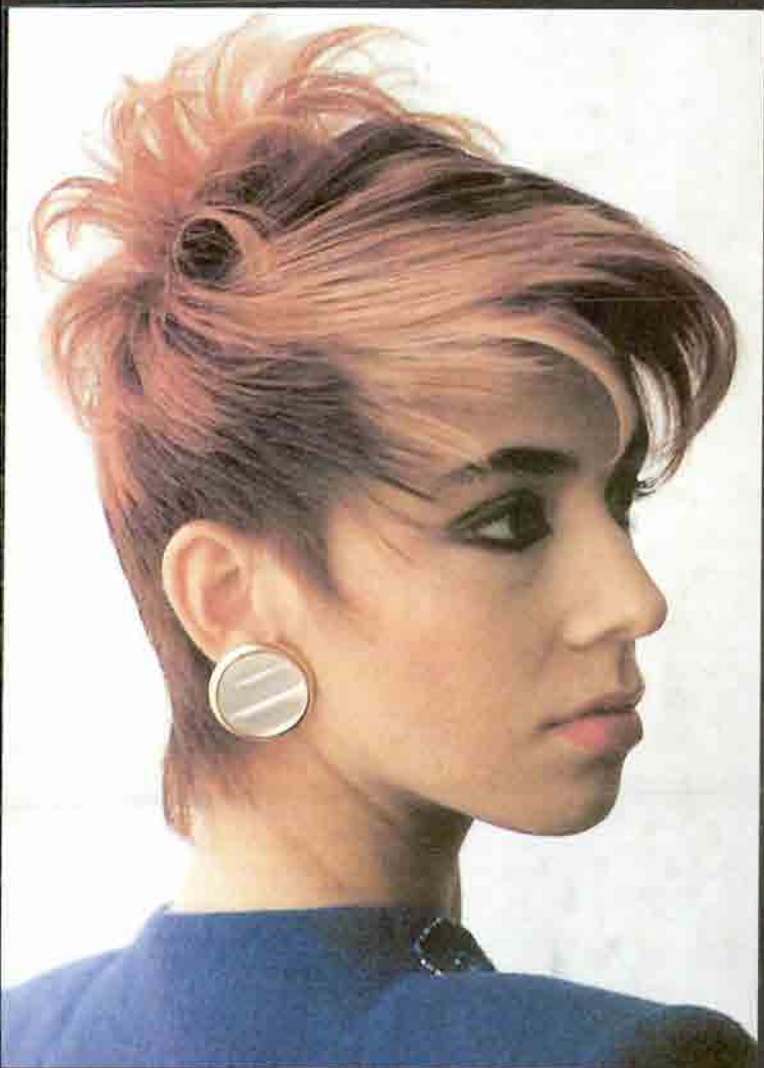
— Чему научила вас профессия? — спрашиваю Ричарда Иакина.

— Умению слушать женщин...

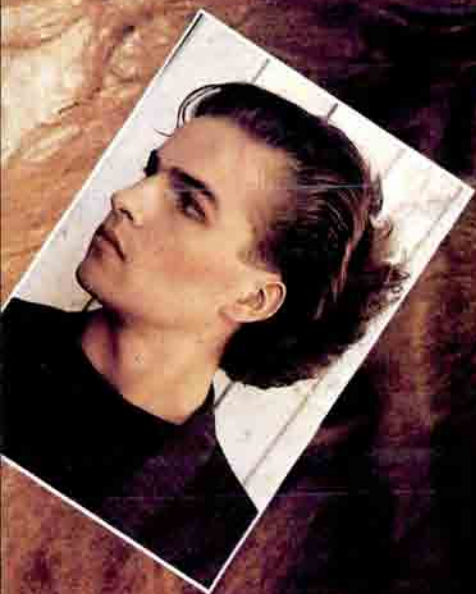
Помните томные локоны Мерилин Монро? Безупречную грацию головки Мирей Матье? Своенравность бабеты Брижит Бардо? А необузданность волос Аллы Пугачевой? И вот перед нами образ — единственный, запоминающийся раз и навсегда. Всем ли удастся его обрести?

...Девятнадцать столетий назад мудрец сказал: «Если бы у самых прекраснейших женщин снять с головы волосы и лицо лишить природной прелести, то пусть будет с неба сошедшая, морем рожденная, волнами воспитанная, пусть, говорю, будет самой Венерой, даже Вулкану своему понравиться не сможет».

Кто оспорит Апулея?

МАСТЕР

ЛЕОНИД ЛЕРНЕР

Фото
ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

«Каков мастер —
такова и работа».

ВЛАДИМИР ДАЛЬ

Дом строится. Еще далек от завершения. Но уже сияет янтарными бревнами, исходит запахом свежего леса на этой мертвой улочке.

Улица имени народной сказительницы Федосовой в пяти минутах ходьбы от монументального Петрозаводского горисполкома. Пыльная и слегка горбатая, она лежит на берегу

Онежского озера, поражая своими контрастами с цивилизованным центром, отгороженным от нее всего-то тремя-четырьмя скверами. Что же представляют собой эти заповедные дома, на которых висят таблички, призывающие охранять «памятники старинного зодчества»? Иной напоминает хлипкий барак, другой, уже брошенный, словно оцепенел на онежском ветру, от третьего остался один остов, четвертый — погорелец... Осталь-

ные предназначены для самых грустных и унылых надобностей города: тут и наркологический диспансер, и судебно-медицинская экспертиза, и, конечно, морг.

И тишина...

Но вот в эту тягостную тишину, подчеркиваемую ленивым озерным прибоем, врезаются крепкие и звонкие удары топора. Заслышав их, прибавляю шагу и наконец выхожу к дому, который ищу. На ступеньке вагончика — «прорабской» строителей — появляется хрупкая белокурая женщина в сером комбинезончике и зовет: «Сергей, Ярослав — чай пить!»

Маленький Ярослав, вооруженный метлой, кубарем выскакивает из подвала, а Сергей Волков, высокий, с мощными плечами и русой бородкой, не спеша спускается с крыши по шаткой лесенке. Пьем ароматный, на мяте, чай. Отставив чашку, Сергей говорит:

— Надо бы поставить в основа-

ние стены другое бревно. Тяжелое. Поможешь?..

Тайна бересты

Его берестяные изделия я увидел в доме народного мастера Валентина Шевелева, последнего из могижан глиняной каргопольской игрушки. Береста была обработана так, что ни один природный штрих не ушел из материала.

Сергею Волову — за 35, из коих (вот что удивительно!) берестой занимался всего-то лет семь, а знает его, почитай, весь мастеровитый Северо-Запад. Я предполагал, что Волов жил в деревне, в мире берестяной посуды, наблюдал сельских поделщиков... Но оказался он человеком городским — и разговором, и манерами, и привычками.

— Родился я в бывшем финском городке Сортавала, — рассказывает Сергей, — где сразу же после войны встретились мои будущие родители, завербованные сюда: отец с Архангельской области, мать с новгородской глубинки. Оторвавшись от родных мест, подставили друг другу плечо. Родословной дальше второго колена не знаю, смутно помню только новгородскую бабу, гостившую как-то у нас в Сортавала...

— А откуда такая фамилия?

— Наверное, от деревни Волово, где вырос отец. Я побывал там первый раз в 16 лет и удивился, что все ее жители — Воловы. Фамилия для этих мест буквальная: первые поселенцы подымали таежную целину — рубили, валили, волокли. Особым мастерством деревня не отличалась, но в каждом доме были берестяные вещи. Однажды дядя Александр повел меня в лес и там, у костра, сплел корзинку. Я наблюдал за его занятием машинально. А лет шесть спустя (когда уже заканчивал ин-

ститут гражданского строительства), пожелав чем-то удивить москвичей-туристов, с которыми отдыхал на Ладого, удивил сам себя: взял и сплел большую корзинку, в точности повторив все дядины «фокусы», будто увидел их только вчера.

Я слышал от других мастеров, что один из воловских секретов как раз и заключается в феноменальной зрительной памяти, благодаря которой он мгновенно усваивает все лучшее в берестяном ремесле, где бы что ни увидел. И вновь подумал о памяти генов, как бы проломивших столетнюю стену, отделявшую Волова от предков... Первую свою корзинку сделал по «дядькиной» технологии, Сергей вскоре изобрел свою.

— Деревенские мастера снимали бересту с дерева длинной лентой, — объясняет он, — потому что в основном плели корзинки и кошель для лесных походов, туеса и баклаги для хранения родниковой воды в жарком поле. Я же, горожанин, плету небольшие вещи: конфетницы, солонки, оправу для зеркал, даже мужские галстуки... А основной ассортимент — всевозможные туеса делаю из цельной бересты, снимая ее пластинами, сохраняя всю специфику — природные рисунки, наросты. Когда-то, работая (к счастью, совсем недолго) в «Карельских сувенирах», я делал туеса с украшениями, о чем вспоминаю со стыдом. Тогда же раз и навсегда понял: слово «сувенир» оскорбительно для хорошего мастера, так как стало у нас символом халтуры. «Сувенирчики» гонят товар, не заботясь о первозданности материала, не думая о его бесценных свойствах...

Разглядывая воловские туеса, в которых он хранит и дома и в мастерской все что угодно, я вспоминал современную «буты-

лочную» тыкву гагаузского народного мастера Петра Влаха. Еще четверть века назад тыквой как посудой пользовались почти в каждом гагаузском дворе. Но эта посуда была слишком груба, и ее постепенно заменяли на фабричную. Влах же, обработав тыкву так, что она засияла солнечным цветом, орнаментировав выжиганием, вернул ее в гагаузский дом. Примерно то же происходит и с туесами, которых нынче почти не осталось в русской деревне. Парадокс времени: руки самобытных городских мастеров возвращают деревне исконное.

— Почему же все-таки в народном искусстве больше «сувенирищиков», чем мастеров? — пытаю Волова.

— Мастера — мастерами, а люди — людьми, — размышляет Сергей. — Я понял это на своих учениках. Поначалу у меня были десятки учеников. И что же? Я жил тогда в Костамукше и однажды с ужасом заметил, что все березы вокруг города ободраны: это мои «питомцы», добывая бересту, беспощадно уничтожали деревья. И стало ясно: прежде чем овладеть мастерством, надо пройти школу природного и экологического воспитания.

— А ты где досташь бересту?

— Я работаю на далеких делянках, на вырубках, на заготовках леса. Идем с женой в самые дебри, в жару, в тучи мошки, в клещевой энцефалит.

— Но ведь это опасно...

— Конечно. Каждый час осматриваемся, обираем друг с друга клещей. А уж если прозевал... Однажды пришлось ножом вырезать из Галининого тела припавшую энцефалитную самочку. А что было делать? Лучше уж рана, чем смерть либо паралич.

— Ты считаешь, что береста

еще не открыла всех своих свойств?

— Это как поэзия — пишут, пишут стихи, а она все не кончается. В поисках материала мы с Галей изъездили уже десятки мест, и всюду своя береста. Береза — кладезь неиссякаемый! Почками березовыми лечат, листом березовым чай заваривают, сок березовый пьют, вениками березовыми в бане парятся. Береза давала в дом и тепло, и здоровье, и посуду — со всех сторон обихаживала крестьянина. А вот в лесопромышленной табели о рангах значится как «сорное» дерево. Во многих местах ее беспощадно вырубают. В Финляндии, например, на местах срубленных березовых рощ насаждали хвою и сосну — большой корабельный бизнес. И только изведя березу вконец, опомнились. Но пока ее возродят, езжу в Хельсинки к финским ребяташкам на уроки со своей берестой...

В его размышлениях о природе, о человеческом мастерстве чувствовалась хозяйская сметка: так рассуждают настоящие профессионалы.

— Мои друзья в Костамукше до сих пор дивятся: сначала оставил твердо оплачиваемую службу, а затем бросил благоустроенную квартиру и ушел, по общему мнению, практически в никуда.

Его практичные друзья были посвящены правы. Больше трех лет назад Сергей Волов уехал с семьей в Петрозаводск — на строительство карельского историко-культурного центра, где решил возвести собственный дом. А строить его начал только минувшей весной.

Три года скитаний по чужим квартирам, по баракам. Родные и знакомые уговаривали плюнуть и вернуться назад. Волов устоял: цель, ради которой он ждал, надеялся и боролся, оправдывала все.

«Исчезающий вид»

В год своего 287-летия ровесник Санкт-Петербурга Петрозаводск был наконец-то официально признан историческим городом.

Почему именно тут в начале Северной войны Петр I решил поставить город? Во-первых, посреди болотных и озерных руд уже действовал своего рода центр народной металлургии; во-вторых, рядом проходила граница военных действий. Построенный в кратчайший срок, Петровский завод внес свою лепту в победу над шведами. И дал импульс к развитию самобытного города.

Спустя два века, во время Великой Отечественной, Петрозаводск выгорел, только трубы торчали. Почти весь нынешний центр поднялся уже в послевоенные годы, но чудесным образом сохранил исторические «красные» линии и планировочные идеи, заложенные еще в век классицизма, а также характер и направление улиц, их «раскрытие» на природу — на Онежское озеро.

И местные архитекторы загорелись как бы возродить образ «царского» Петрозаводска? Тогда-то и нашли единственно подходящее место, улочку на отшибе, со всех сторон окруженную обставкой «того» города: маленькой деликатной речкой Неглинкой, Онежской набережной и столетним Левашевским бульваром. Здесь и решили возвести историко-культурный центр.

— А что именно хотите восстановить? — спросил я у одного из авторов и энтузиастов проекта архитектора Николая Владиславовича Куспака.

— Дома в стиле начала века, — отвечал Куспак. — Хочется оставить потомкам облик «подстоличной Сибири» — сюда ведь и ссылали. Тут жил опальный поэт Фе-

дор Глинка, причастный к декабристам; здесь в конце прошлого века ссыльный ученый фольклорист Павел Рыбников подготовил к печати 200 былин Киевской Руси, найденные и собранные им в Прионежье...

— И вы начинаете с архитектуры?

— Не только. Подлинность этого историко-культурного центра будет заключаться в самой его сути: эта «музейная» улица должна стать живым организмом. А жизнь в него вдохнут те, кто, создав эту улицу, здесь и обустроятся, — мастера, художники.

— И многие откликнулись на вашу идею?

— Пока только Сергей Волов.

Я высказал Куспаку свое впечатление о Волове: кажется, встретил в нем тот вид русского человека, который считают исчезающим. Его уже занесли в Красную книгу нашего парадоксального бытия, а он-таки жив.

— Любопытно, — заметил архитектор. — И что же это за вид?

— Он ничего не боится. Он не идет напролом, но все у него в конце концов получается. В прежней России такой тип чаще встречался среди предпринимателей, купцов, богатеющих крестьян...

— Пожалуй, — задумался Куспак. — Реставрировали в Кижях десятиглавую церковь, искали мастера, который бы смог восстановить церковное крыльцо. Вызвался местный сторож. И вот что интересно: все сделал по древнему образцу, да не совсем такую нарезку на столбах выполнил. А когда ему на это указали, возмутился: «Чем же моя нарезка хуже? Настоящему мастеру нет нужды все в точности копировать».

— Волов, кажется, тоже не очень-то любит копировать.

— Да, — согласился Николай Владиславович. — Его изделия

очень современны. А все равно подлинны! Он не идет на поводу у рынка. А ведь мог бы при своем мастерстве диктовать моду, стать богачом.

Семья мастера

Мы с Галей целый вечер (благо в летнем Петрозаводске допоздна светло) помогаем Сергею укладывать в основание стены второго этажа трехметровое, в полтора обхвата бревно. Пыхтя и тужась, вкатываем его, а затем выкатываем обратно на крышу, где Сергей зачищает, выравнивает, подгоняет. Кропотливый труд. Для меня, гостя, это занятие в охотку, а вот какво Воловым, которые с самой ранней весны вкалывают здесь ежедневно. И, наверное, промучаются до поздней осени.

— Эк напугал, — усмехается моему сочувствию мастер. — Для меня теперь каждый день в радость. Знал бы ты, что тут раньше творилось...

Кое-что знаю. Три года назад, когда городские власти утвердили проект историко-культурного центра, все были уверены, что дело лишь за исполнителями. Кликнули мастеров-добровольцев. Но явился, как уже говорилось, только Волов. Он и стал жертвой бюрократического «эксперимента на выживание». Первые два года горисполком волокитил в поисках денег на строительство дома, «днем с огнем» искал... 30 тысяч. Затем, найдя эти деньги, еще целый год мытарил с утверждением решения, пока не вынесли самое кабальное: 14 (!) процентов от явно заниженной сметной стоимости дома предписывалось уплатить мастеру за постройку, а затем вселить его на правах арендатора. Волов категорически отказался: «Лучше уж строить за свои кровные». Милостиво согласились. Но

вопрос, кто же станет в результате хозяином, так и повис.

— Строю на свой страх и риск, — говорит Сергей. — С надеждой на то, что скоро этих бюрократов выгонят наконец. А пока... Обрати внимание, как создается этот центр: слева от меня строит себе городскую «дачку» приятель бывшего главного архитектора, справа подновляют «памятник зодчества» какие-то «торгаши».

Я гляжу на крышу «торгашей», покрытую новеньким, с иголочки, железом, и интересуюсь, где они его взяли.

— Ясное дело, в РСУ, — смеется Волов.

— А почему тебе не дают?

— Прорабу не понравился. У него живот такой, что в него надо сразу два ведра водки влить.

— Но ведь где-то достаем?

— Всех знакомых мобилизовал: железо привез из Череповца, стекла для окон из Чагоды, дерево по всей Карелии собирал, ДСП из архангельского «подполья», фанеру — из Кондопоги...

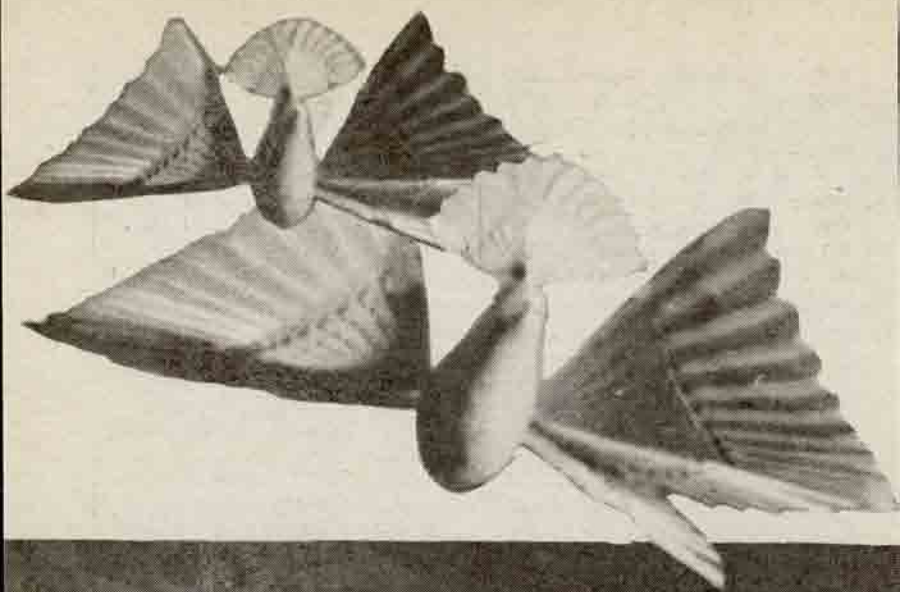
— Как же вы такое добро на ночь оставляете?

— Окна забиваем и ход в подвал закидываем, — объясняет Галя. — А все равно каждую ночь дрожим: и даже не за то, что материалы упрут — не подожгли бы. И застраховать не можем, дом-то нам не принадлежит. Любой алкаш или бич от нечего делать спичку бросит — никто ни за что не ответит.

Сергей ведет меня по своему дому.

— Наши предки жили, как люди, — рассуждает Волов. — Я о тех, кто был с головой и руками. Вот и я хочу жить, как человек.

Дом в трех уровнях. Над подвалом — кухня, спальня, детская и гостиная с камином. Деревянные лестнички винтом уходят

вверх, на чердак, который тоже просторен, но уютен и вполне подходит для музея народного искусства.

— Буду здесь интуристов принимать. Во дворе флигель пристрою для гостинички: пусть живут в «старинном» доме, наблюдают за работой мастера да в музей ходят. Что, удивляешься? — спрашивает Волон, приметив мой взгляд. — Надо быть и предпринимателем, чтобы не зависеть от чиновников. А вот на месте этого «черного ящика», — показывает он в окно на темный от времени, глухой сарай, — каретник сделаю с гербом мастера над воротами. В нем старинные кареты поставлю, а рысаков привезу из Костамукши. Представляешь?..

Каждый, попав в квартиру Волонных (комната и кухонька в бараке, сказочно преображенные мастером), сразу обратит внимание на стойку, увешанную берестяными украшениями. Эти бусы, серьги, браслеты и ожерелья, отличающиеся, с одной стороны, изящной простотой, с другой — природной фантазией, тонкостью выделки, нечто совершенно новое в народном искусстве. Даже в старину, когда с берестой работали почти в каждом деревенском доме, не делали таких украшений. А вот Галя, пытаясь не отстать от мужа, «соответствовать», попробовала...

Дома, умыв клюющего носом Ярослава, Галя укладывает его спать. А сама садится за бересту.

— Ярослав тоже что-то умеет? — спрашиваю я.

— А как же? Прошивает, проплетает туеса.

— А дочь?

— Вера-то? Ну, вряд ли. Для этой работы все-таки мужиком надо быть. Это ведь только кажется, что она такая легкая — береста. Вот, — Галя раскатывает пере-

до мной еще не обработанный, шершавый лист, — его надо тщательно обработать, расщепить, смазать, нарезать...

Узнав, что Вера в 16 лет вышла замуж, я удивился, что ни Галя, ни Сергей не пытались ее удерживать.

— Вера сделала свой выбор и за себя, и за родителей, — спокойно говорит Галя. — Она в отца, всегда хотела быть самостоятельной. Не раз говорила: «Вот получу паспорт — и уйду».

— Не понимаю! У вас такая дружная семья...

— Ей хотелось своей судьбы.

— А что теперь?

— Все в порядке. Вера ждет ребенка, а я — внука. И пусть он тоже станет мастером.

Надежда

В мастерской Сергея Волонна висели по стенам берестяные листы с фантастическими рисунками — «пейзажи» природы. Красные, зеленые и голубые подносы, опрокинутые на стену, как бы продолжали эту «картинную галерею». Особенно хорош был голубой: среди золотых берестяных берегов плыли по морю корабли под белыми парусами...

В углу стояла гигантская матрешка, вывезенная мастером из глухого нижегородского Крутца. Под потолком качались метровые щепные птицы, «залетевшие» сюда с Архангельщины. А по всему залу клубился разноцветный хаос народных ремесел: гончарные изделия из мезенского Тимошеля, глиняные кентавры из Каргополя, барыньки из Абашева, звонкие свистульки из Хлуднева, огненные деревянные ковши из Семенова...

То была коллекция мастера, творения народных умельцев, собранные им в разных путешествиях.

Тут же хранились и предметы далекого прошлого, главным образом из народного быта: деревянные каталки, бочонки, прялки и, конечно, плетение — кошели, корзины, лапти, туеса, баклаги, потемневшие от употребления, но поражающие своей долговечностью.

— Нынче в магазинах продают очень дорогие берестяные изделия, а ведь многие и трети того не стоят: вещь видна, а материал никуда не годится. Береста обработана плохо, а значит, от времени, солнца, влаги очень скоро сморщится, перекосится, перекоробится. Люди берут — не понимают. И еще стереотип: раз дорого — значит, хорошо. Глубочайшее заблуждение! Изделия настоящих умельцев всегда были и дешевы, и добротны, и прекрасны.

— И много сегодня этих «настоящих»?

— Даже на Северо-Западе России найдется не более десятка мастеров. Остальные — подмастерья. Я имею в виду не только умение, но миропонимание. Лишь единицы могут отбросить корысть, амбиции, личные дела, чтобы делать самое важное — возрождать народную культуру, а через культуру и сам народ. Я ведь для чего сюда приехал? Хотел объединить мастеров, чтобы устроить в Петрозаводске истинно народную улицу. Для ярмарок, гуляний, церковных праздников. Здесь бы мы жили и работали, а по праздникам гуляли вместе с народом, торговали своими изделиями. Здесь же построили бы дома фольклорных ансамблей с плясками, скоморохами, чаепитиями. А где же еще? В Петрозаводске нынче даже елку в Новый год поставить негде — ставят на площади Кирова, посреди шлакобетона, а рядом с елкой Киров стоит с указующим перстом. Кто-то посоветовал: «Вы его (Ки-

рова.— Л. Л.) оденьте под Деда Мороза, а на палец повесьте мешок с подарками». На этой же площади ставят горки детские, перекрывая движение. А самое органичное место — возле озера, среди деревянных домов и лужаек, — не используется. Зимой тут можно кататься на санях по озеру, летом — в каретах по набережной. А праздник нашего города старинного? Пусть приходят в городок мастеров, где и деревянная старина, и ремесла, и вода, и травка, и небо... Всю карельскую культуру можно разместить в этом квартале, здесь же обучать мастеров и отправлять их во все концы республики.

— Тебя бы министром культуры. Чтобы сам и завел то, о чем мечтаешь. Пошел бы?

— Пошел. Только чтоб не мешали. И чтобы мастерская осталась при мне. Береста ведь не помешает думать, советовать. И даже бумаги подписывать...

В день моего отъезда Волонд взялса разбирать сарай, который собирается обратить в каретник. Прощаясь, пообещал:

— Приезжай через год, в княжеской карете прокачу.

— Где же ты ее возьмешь?

— Сам сделаю.

...И я представил: вот он распахивает ворота с гербом берестяного короля; не спеша запрягает в карету лошадей; торжественно, со звонким цокотом выезжает с улицы сказительницы Федосовой на широкий городской проспект... На тротуарах толпится народ. Люди улыбаются и говорят друг другу: «Вон, едет мастер!»

Мастер... Это повыше, чем министр.

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Прочитал в № 6 за прошлый год письмо одной женщины, в котором она пишет, что живет вдвоем с дочерью и очень любит животных. Но больше всего меня поразило то, что они живут почти впроголодь, что ее дочь, которой всего лишь тридцать лет, не может хорошо одеться и, что самое ужасное, не имеет возможности родить ребенка, так как боится, что его нечем будет кормить. К сожалению, ваша читательница не указала ни фамилии, ни адреса. Дорогая редакция, очень прошу вас опубликовать мое письмо: я могу и хочу помочь этим людям. Чем? Хотя бы тем, что предлагаю руку и сердце дочери автора письма. О себе: тридцать лет, женат не был, работаю на заводе, платят мне хорошо, есть квартира, не пью и не курю. Я мечтаю о ласковой, доброй жене, о детишках. Живу в приморском городе Таганроге, снабжение у нас среднее, но в общем-то хватает, да и завод снабжает то мясом, то сахаром. Подумайте о моем предложении, буду ждать от вас письма.

АНАТОЛИЙ ПАСЕНЧЕНКО,
Таганрог

Я — жена участника ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Добровольца. Мой муж проработал в Чернобыле с 1987 по 1989 год. И никак ему не дадут удостоверение «чернобыльца». В Красногвардейском райвоенкомате Москвы говорят: мы вас туда не посылали. Районному союзу чернобыльцев тоже не до того. Этак в нашей стране добровольцев на опасное дело вообще не найдется...

ЕЛЕНА ЕМЕЛЬЦАНОВА,
Москва

СЕМЕН ФАРАДА:

**«Моя мечта-
РАБОТАТЬ»**

«Актера можно хвалить только тогда, когда другого пути просто и нет. Не надо этого делать авансом», — посоветовал как-то своим коллегам по перу один известный фельетонист. К счастью, ни хвалить, ни дополнительно представлять своего собеседника не придется: популярный киноартист и таганковец с двадцатилетним стажем **СЕМЕН ФАРАДА** меньше всего нуждается в каких бы то ни было авансах.

— Семен Львович, вы относитесь к тому типу комических актеров, увидев которых на экране зрители улыбаются заранее. Как вам удалось столь точно определить свое призвание?

— У нас есть замечательные комические актеры, но я себя к ним не причисляю. Что касается «заранее улыбаются»... У меня не было ни одной злой роли. Я, по сути, человек довольно нелутовый, а поскольку в государстве нашем все нелутово, это вызывает добрый отклик у зрителя, и они улыбаются. Ведь если «песня нам строить и жить помогает», то добрый мир нам помогает жить.

Артистом я стал, несмотря на сопротивление родных. Пришлось окончить сначала технический вуз, поработать инженером. Одновременно занимался в эстрадной студии МГУ «Наш дом» и однажды, приняв участие в конкурсе артистов эстрады, неожиданно для себя стал его дипломантом. Работал на эстраде, потом прошел по конкурсу в Театр на Таганке, за что до сих пор благодарен Юрию Петровичу Любимову. Дебютировал в брехтовском «Добром человеке из Сезуана» в роли Второго бога.

В тридцать три года, не имея театрального образования, стать профессиональным актером сложно. Артистом с большой буквы

я еще должен стать. И в кино, и в театре.

— Театр вам ближе?

— Безоговорочно — да! Театр — это лаборатория, мой второй дом. Мы экспериментируем, пробуем. В кино чаще всего не хватает времени на такую работу: раз-два, сделал дубль — и готово. А главное — нет зрителя. На киностудии — только оператор, режиссер и партнеры. Но кино я все-таки люблю. Недавно снялся в фильме американского режиссера Эфраима Севелы «Попугай, говорящий на идиш».

— Юрий Любимов стал, по существу, первооткрывателем жанра театральной публицистики. Сегодня и на других сценах можно увидеть спектакли этого же направления. Не теряют ли, по-вашему, Таганка положения лидера в гражданском искусстве?

— Юрий Петрович действительно основоположник определенного направления. Но он просто восстановил то, что было потеряно в советском театре. Поэтому мы рады, когда в других театрах появляются спектакли, по эстетике похожие на наши.

В сегодняшней ситуации остро социальные тексты нас не волнуют, публицистика должна быть прежде всего в прессе и на телевидении. Мы стремимся сейчас к художественности. Так считает Любимов, и я с ним согласен...

— В репертуаре Таганки литература — проза и поэзия — часто заменяет драматургию. По сути дела, чистой драматургии Юрий Петрович почти не ставил...

— Мы считаем, что советская литература гораздо более высокого уровня, чем драматургия. Сейчас, после Эрдмана, думаем делать Пастернака, Ахматову, Цветаеву, продолжаем эту линию.

— Яркие, взыскательные, творческие индивидуальности на про-

тяжении многих лет неизменно остаются верны Любимову...

— Это театр единомышленников. Театр, эстетику которого люди привили себе. Театр живой — по своему сценическому варианту, по обращению к залу, и ни в какое сравнение с традиционными нашими театрами не идет. Быть может, поэтому актеры, воспринявшие любимовскую школу, актеры, которых он учил еще в вахтанговском училище, вне Таганки себя не мыслят.

Кстати, очень трудно удержаться в театре! Не в смысле какой-то подсибки, интриг, нет. Любимов не терпит, когда актер выходит из формы, ничего не предлагает, не дает заявки на роль. Он может вообще перестать обращаться к такому актеру. — и тому придется уйти... Потому и «бурлим» все. Кто как может.

Если же вернуться к силе воздействия эстетического направления... Когда Юрия Петровича лишили гражданства, на Таганку пришел другой блистательный режиссер — Анатолий Васильевич Эфрос. Его как будто специально подставили!.. Это же был режиссер совершенно иного театрального направления! Он нам, с одной стороны, помог, а с другой — погубил себя... Он повел Таганку по другому пути, а театр продолжал существовать в своем, любимовском, русле. В таком столкновении настоящему художнику трудно выдержать.

— Десять с лишним лет театр работает без Владимира Высоцкого. Какова судьба спектаклей, в которых он играл? Собирается ли Юрий Петрович Любимов что-либо восстанавливать?

— С каждым годом мы все больше ощущаем потерю Высоцкого. «Гамлет» снят с репертуара навсегда. Никто не будет его восстанавливать — это уже решено.

Умер Высоцкий — умер принц Датский, умер принц Таганский...

— Что значит Театр на Таганке лично для вас?

— Все! Я благодарен судьбе, что она меня туда привела.

— Семен Львович, в семидесятом году в театре была распространена анкета, сейчас довольно известная по публикациям, связанная с именем Владимира Высоцкого. Попробуем устроить блиц из некоторых вопросов этой анкеты?

— Почему бы нет?

— Спасибо. Итак, вопрос первый: ваш любимый писатель, поэт?

— Трудно вообще-то назвать так сразу... Писатель — Андрей Платонов, поэт — Пастернак.

— Любимые актер и актриса?

— Актер — Александр Калягин, актриса — Инна Чурикова.

— Любимый театр, спектакль?

— Таганка, конечно. Еще нравятся Театр Ленинского комсомола и Ленинградский малый драматический. Огромное впечатление произвел спектакль Театра-студии Марка Розовского по неоконченной повести Владимира Высоцкого «Роман о девочках». Потрясающий спектакль. Из нашего, таганского репертуара — спектакль, который вызвал удивление. — «Мать» Горького в постановке Юрия Любимова. Вот яркий пример того, как из недраматургического материала сделан блистательный спектакль. И, конечно же, «Живой» Бориса Можаява.

— Любимый фильм, кинорежиссер?

— «Однажды в Америке», Алексей Герман. Он — Мастер.

— Страна, к которой относитесь с симпатией?

— А я ко всем с симпатией отношусь! В прошлом году с сыном был в Италии и поразился: эпоха Возрождения продолжается! Как они бережно охраняют свою

культуру! Мы так не можем, не умеем.

— Любимые черты в характере человека и самые отвратительные его качества?

— Даже не знаю, как ответить на этот вопрос. Все мы любим те черты, что способствуют нашим нормальным отношениям с окружающими: искренность, любовь, верность, умение в любой обстановке отстаивать свое мнение. Отрицательное — все противоположное тому, что я уже назвал. В общем, как сказал Керенский в спектакле «10 дней, которые потрясли мир»: «Это мое мнение, но я с ним не согласен»!

— Чего вам недостает?

— Здоровья. Я поздно стал профессионалом-актером, много сил растратил в борьбе «за место под солнцем». И сильно ощущаю сейчас годы. Есть предложения и в кино, и в театре, но уже недостает здоровья.

— За что вы любите жизнь?

— За то, что она иногда дарит человеку удивительные впечатления, удивительные ощущения и чувства...

— Что бы вы подарили любимому человеку, если бы были всемогущи?

— Полную свободу. Не псевдо-, не частичную, а именно полную свободу. Во всех своих помыслах, во всех своих действиях, в творчестве человек должен быть свободен. Побывав недавно в Израиле, я понял, почему люди не могут жить в кибуцах. Это изумительное, экономически интересное хозяйство, там есть все, что может быть. Но оно плановое и главное — там нет свободы. Такой коммунизм — миф.

— Что бы вы сделали, если бы стали обладателем миллиона рублей?

— Немножко потратил, а остальное отдал бы на благоотво-

рительные цели. Удивляюсь, когда объявляют разные благотворительные концерты и за участие в них артистам все равно платят деньги. Вместо того чтобы отдать их людям, которые нуждаются.

— Ваша мечта?

— Работать.

— Вы счастливы?

— Наверное, да. Есть работа, есть семья, много друзей, возможность общаться с людьми — вот я и счастлив.

Беседу вела ТАТЬЯНА ДУГИЛЬ.

АНГЕЛЫ

Они зовут, но мир не слышит их,
Их голос тих, призыв их еле вятен...
Жизнь промелькнет, как призрак, что возник
В движении лесных теней и пятен.

Взволнуется душа, заговорив,
И долго успокоиться не сможет,
Так ветра августовского порыв
Желтеющую рощу расстрожит —

И встрепенется, и вскипит листва,
Заговорит наперебив и сразу...
Я различал их, но едва-едва.
Я видел их, но только краем глаза.

Я повторял: «Как осень хороша!» —
И замирал в молчании глубоко,
И вздрагивала чуткая душа,
Незримых струй коснувшись ненароком.

И тело застывало на весу,
Пронизано лучами золотыми...
Но кто из вас не вздрагивал в лесу,
Из пустоты свое услышав имя?

И озирался я, разинув рот,
Вновь околдован тяжестью земною,
И как, должно быть, улыбался тот,
Кто подшутил, аукнулся со мною.

Сыграет ветер жизнь мою с листа,
И сколько листьев встрепенется в роще,
Но до чего ж мелодия проста,
Чем глубже в осень, тем она и проще.

Подумать только — я на свете был! —
И самому не верится, ей-богу...
Все ближе, ближе свист незримых крыл,
Перелетает тень через дорогу...

О чем, о чем, о чем мы говорим —
Сейчас сюда такой сквозняк прорвется,
И голос мой, что так неповторим,
И трепет мой — все в шуме том сольется.

==

Научи меня, дед, — как по-божески жить,
Как мне сад посадить, как мне деток растить,

Как из дома родимого в ночь уходить...

Научи меня, дед,— как молчать и терпеть,
Только кровью блевать, да зубами скрипеть,
Только стоном стонать, только хрипом хрипеть...

Научи меня, дед,— как от всех не отстать,
Как те сосны валить, как те шпалы пластать,
Как, спиною к метели, могилу копать...

Научи меня, дед,— как обиды сносить,
Низко голову гнуть да пощады просить,
как вздохнуть перед смертью...
Вздохнуть и простить.

Ничему ты, мой дед, не научишь меня.
Срок твой вышел, ан нет — не отпустит земля.
Вон он, близенько, свет, да могила темна...

Тесно, тёмно там, дед, да тебе-то — уют,
И в глаза не плюют, и ногами не бьют,
И во веки веков отоспаться дают.

БЕЛАЯ РУБАХА

1

Все мы в этой жизни сгнием без возврата,
Но веселых песен век не перепеть!
Вышей ты мне, вышей белую рубаху,
Чтобы мне на праздник было что надеть.

Вышей мне рубаху синими цветами,
Житом, васильками, ну а по краям —
Чистыми ключами, звонкими ручьями,
Что текут, впадают в море-окиян.

Вышей бор смолистый, земляничный запах,
Чтоб забилось сердце гулко, горячо...
Прилетят ли пчелы, сядут на рубаху,
Прилетит кукушка, сядет на плечо...

Вышей мне рубаху песней журавлиной,
Утренним туманом, ледяной росой,
Красною калиной, сладкою малиной,
А еще рябиной, горькою такой...

2

Ты полей рубаху чистыми слезами,
Чтоб студень ветер прилетел с полей,
Чтобы тучи сами проросли дождями,
Чтобы лист кленовый закружил с ветвей.

Никакое слово сердца не обманет,
Все-то мое сердце чует наперед —
И когда уйдешь ты, все на ней завянет,
А когда вернешься, все там зацветет.

Что там бродит месяц, что он там колдует,
Серебристым светом травы леденя,—
Если ты разлюбишь, осенью подует,
И моя рубаха облетит с меня.

Станет день коротким, станет ночь длинной,
Зарыдает вьюга, запоет над той
Красною калиной, сладкою малиной,
А еще рябиной, горькою такой...

БЕЛЫЕ ПТИЦЫ

Что-то я загоревал, затосковал,
Птицы белые то плачут, то поют.
Для меня ли кандалы мороз сковал,
Не меня ли по метели поведут?

Не меня ли по метели, по пурге,
В край глухой, куда я сроду не ходил,
Не плутал по той Сибири, той тайге,
Где на каждом три двора по сто могил...

«Не тебя, — клянутся, — парень, не тебя».
«Не тебя, — божатся, — ты уж нам поверь».
Ну а если и тебя, так не судьба,
Ну а если и тебя, то не теперь...

Не студи мне душу, ветер ледяной,
Где ни спрячешься, везде они найдут —
Над планетой, над Россией, надо мной
Птицы белые и плачут, и поют.

ОСЕННЕЕ ПОЛЕ

Бредет бурьян по жестким перелогам,
В разрыве туч звезда-полюнь зажглась,
Душа ушла бродяжить по дорогам,
По всей стране великой растеклась.
Остановись, закрой глаза, послушай —
Сгребает ветер тучи и листву...
«Леса, леса, верните мою душу,
Скажите ей, что я еще живу».

Недаром Русь рифмуется с росой,
Очисти меня, песочек золотой,

Уйду под землю сточною водою,
А поднимусь — прозрачной, ключевой.
Я ничьего покоя не нарушу,
Не потревожу спящую траву...
«Поля, поля, верните мою душу,
Скажите ей, что я еще живу».

Однажды утром ветер не проснется,
Застынет он, прозрачный, словно лед,—
Тогда душа сама ко мне вернется,
Чиста, как свет, сама меня найдет.
И ослепит — сквозь сомкнутые веки,
И от всего, чем мучусь, что люблю,
Легко, легко я оторвусь навеки
И, уходя, весь мир благословлю.

В ДЕРЕВНЕ У ДЯДЬКИ

Отводят козы дивные глаза,
Баран блекочет и суется в кут.
И лишь кабан визжит, как тормоза,
Когда его из хлева волокут.

Кот сделал вид,
что дремлет на крыльце,
Но — хвост дрожит и шерсть не улеглась,
Угрюмый дядька смотрит, как в прицел,
Внимательный прищуривая глаз.

Конечно же, кабан ему не враг,
Но он его завалит,
паразит,
И хлынет в землю дымный алый стяг,
Когда он жертву в горло поразит.

Вороны грузно скачут на плетень,
Поджарый пес следит из-за угла.
Сутулая отверженная тень
По бездорожью к лесу побрела.

Я видел кровь, что прожигала снег,
Что под сугроб, в глухую тьму рвалась,
Куда-то в ад...
И я вздохну о тех,
Кому дана над жизнью нашей власть.

Кто подошел и дышит в темноте?
Глаза открою...
Все равно — темно.
Мне грустно жить у дядьки, сироте...
Тень кабана глядит в мое окно.

СВЕТ ЗОЛОТОЙ

Крикну я: «Заходи!» —
И не буду расспрашивать: «Кто там?» —
От тебя не запрещаюсь,
Ты сквозь стены проходишь, как гром.
Мужика пощади,
Что меня обозвал идиотом,
И ту бабу храни,
Что пихнула меня животом.

Что-то стал по ночам
Я все чаще поглядывать в космос,
Что-то стал я с участием
Заглядывать встречным в глаза,
Ты идешь, как зима,
Узнаю твою грузную поступь,
Вон шатаются люди,
Как от ветра речная лоза.

Ах, как мир засиял —
Золотой он, зеленый и синий,
Жизнь однажды пришла,
Но проходит, как всякая боль,
Ты идешь по земле,
И холодный, сверкающий иней
На пути роковом
Проступает, как горькая соль.

Вот и чаша твоя,
И питье в ней замешено круто,
А горька до того,
Что не знаю я, чем и запить...
Паренька пощади,
Отведи ему с бритвою руку,
Подскажи дураку,
Что его еще будут любить.

Ты в любые дома
Входишь так — без звонков и без стуков,
Ради дружбы со мной,
Ну хоть деда того уступи,
Пожалей старика,
Дай ему дорастить своих внуков,
Намекни, что пора,
Но не слишком его торопи.

Ой, на синих лугах
Только черные кони пасутся,
Только свет золотой
Осыпается с неба, как рожь,
Дай секунду одну,

Дай на родину мне оглянуться,
Но молчишь ты, молчишь...
Оглянуться и то не даешь.

Ты меня поведешь
По заброшенным этим просторам,
Дом стоит в стороне,
Поглядишь ты на эти огни,
И захочешь войти —
Отвлеку я тебя разговором,
И ты мимо пройдешь,
Но поежатся зябко они.

Ты идешь, как ледник,
Узнаю твою грозную поступь,
Ты вздохнула, и вон —
Даже листья с дубов сорвались...
Положи ты меня
На холме у того перекрестка,
Где небесная птичья дорога
И шлах человечесий сошлись.

АЛЕКСАНДР МИНЧИН

ЭЛИЗАБЕТ ТЕЙЛОР

ФИЛЬМЫ, РОМАНЫ, МУЖЬЯ

Элизабет Тейлор — одна из ярких звезд Голливуда и американской сцены — родилась 27 февраля 1932 года в Англии. Незадолго до начала второй мировой войны семья Тейлоров вернулась в Соединенные Штаты и осела в Лос-Анджелесе, где папа Тейлор открыл галерею искусств в известном отеле «Бeverly Хиллс». Поразительная красота Элизабет привлекла к себе внимание кинососов, и в 1942 году она дебютировала в фильме «Один наверняка рождается каждую минуту». Эта забавная комедия стала началом ее артистической карьеры. Одиннадцатилетняя Элизабет подписала многолетний контракт со знаменитой «Метро-Голдвин-Майер», связавшей ее со студией почти на двадцать лет. «Национальный Велвет», «Синтия», «Джейн Эйр» (одна из экранизаций знаменитого романа английской писательницы Шарлотты Бронте), «Жизнь с от-

цом», «Свидание с Джуди» и «Маленькие женщины», снятые в период с 1943 по 1949 год, сделали ее самой популярной звездой киноэкрана.

В семнадцать лет она встретила с миллиардером Ховардом Хьюзом, известным многочисленными романами со звездами Голливуда: Джин Харлоу, Ава Гарднер, Джинджер Роджерс, Кэтрин Хепбёрн и Джейн Рассел. А через год Элизабет потрясла всю страну (еще не успевшую оправиться от первой сенсации) браком с Ником Хилтоном, владельцем дорогих отелей; не прожив с ним и года, после постоянной ругани, скандалов и ссор, она сбежала к маме.

Лиз недолго горевала по поводу неудачного брака с отельным магнатом и через пару лет вышла замуж за английского актера Майкла Уилдинга. Благодаря этому браку он стал весьма популярен в Америке, получил приглашение

245

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ЭКРАНА

в Голливуд, где много снимался. Однако супружество оказалось недолгим. Мисс Тейлор так же легко развелась, как пять лет назад сочелась. Следующим обладателем руки и сердца блистательной Элизабет оказался продюсер Майк Тодд. Началась пора ее настоящего совершеннолетия. И главное — она была влюблена, влюблена настолько, что даже приняла его иудейскую веру.

Однако брак закончился трагически. Майк Тодд разбился в самолете, названном в честь любимой жены «Счастливая Лиз».

Певец Эдди Фишер — «друга» Майка на свадьбе — поспешил первым утешить и поддержать вдову. Когда они поженились, даже поклонники Лиз возмутились тем, что она разрушила семью Фишера, известную всей Америке.

Три раза Элизабет представлялась к высшей награде американского кино «Оскару» за лучшую женскую роль. Но получила своего первого «Оскара» за не самый удачный фильм «Баттерфилд 8», вышедший в 1960 году. Его съемки происходили в Лондоне, где она заболела воспалением легких и едва не умерла. Вообще Элизабет умирала много раз. Но, слава Богу, пока жива.

В начале шестидесятых «Метро-Голдвин-Майер» приступила к съемкам одной из самых роскошных и дорогих картин в истории Голливуда — «Клеопатра». Царицу играла Элизабет Тейлор, и играла великолепно. Роскошные декорации, прекрасные съемки на натуре поражали зрителя. Картина стоила баснословных денег и до сих пор считается самым дорогим фильмом в истории Голливуда. На съемки было истрачено 44 миллиона долларов, что в пересчете на сегодняшний курс составляет 120 миллионов.

Партнером Элизабет был прекрасный английский актер Ричард Бартон. Начавшийся во время съемок роман длился с небольшими перерывами почти двадцать лет. За это время Ричард успел дважды побывать в мужьях Элизабет и дважды развестись с нею, что, однако, не помешало им стать одним из самых лучших актерских дуэтов в мировом кино.

Союз актера и актрисы привел к созданию потрясающего фильма «Кто боится Вирджинии Вульф?», поставленного одним из лучших режиссеров современного кинематографа, Майком Николсом.

За эту роль в 1966 году Элизабет получила своего второго «Оскара».

Элизабет Тейлор стала одной из самых высокооплачиваемых звезд Голливуда. Ее гонорары были поистине фантастическими. Начиная с 1970 года она снималась практически каждый год, что многократно даже для голливудской кинозвезды.

В 1976 году Элизабет Тейлор была приглашена в Ленинград на съемки фильма-сказки «Синяя птица». По возвращении в Америку она сочеталась седьмым браком с сенатором от штата Вирджиния Джоном Уорнером и на какое-то время отказалась от съемок.

Однако Элизабет не долго предавалась пасторальной жизни. Вскоре она оставила мужа, провинциальную идиллию и вернулась в кино. На экраны вышли ее фильмы: «Маленькая ночная музыка», «Убийство в восточном экспрессе» (психологический детектив по Агате Кристи), «Расколотое зеркало».

Нужно отметить, что Элизабет никогда не брезговала сценой и всегда любила бродвейские и лондонские театры. Она не только великая кинозвезда, но и блестящая драматическая актри-

са, что большая редкость для Голливуда.

С годами здоровье Элизабет стало давать сбои. В ее «истории болезни» — повреждение голосовых связок, бронхиты, заболевания верхних дыхательных путей и автоаварии. Однако проблема заключалась не только в этом. С годами у Элизабет появилась привязанность к транквилизаторам, в Америке их называют «куколками» (стимуляторы, депрессанты, снотворные). Последствия этого увлечения отразились на ее здоровье. Но и это не все: Ричард и Элизабет всегда много пили, чем изумляли своих друзей и поклонников. Софи Лорен утверждает, что она никогда не видела, чтобы пили столько, сколько Ричард Бартон. А Элизабет не уступала ни в чем своему дважды бывшему мужу.

Четвертый муж актрисы, Эдди Фишер, в своей недавно вышедшей автобиографии описал случай, произошедший тринадцать лет назад. Они путешествовали по Европе, и Элизабет сильно пила (что всегда случалось с ней во время путешествий). Не зная, как и чем остановить ее, Эдди пригрозил разводом. Тогда Элизабет схватила флакон со снотворным и стала высыпать таблетки пригоршнями в рот. Через несколько минут глаза ее остекленели и изо рта пошла пена. Фишер срочно вызвал доктора.

Элизабет лежала без сознания. Когда она пришла в себя, то категорически отказалась госпитализироваться. Через три дня Элизабет впала в кому, и ее срочно увезли в госпиталь. Прессе и публике объяснили, что актриса опять пострадала от двусторонней пневмонии.

После «чудесного» выздоровления Элизабет вернулась к своим «куколкам» и шампанскому.

В начале 80-х состоялась премьера спектакля «Частная жизнь». В главных ролях были заняты Элизабет Тейлор и Ричард Бартон. Зрители и критики находили аналогии между героями и исполнителями. «Это как будто о них написано!» Пьеса повествовала о личной жизни супружеской пары, со скандалами и распрями.

Несмотря на рекламу, спектакль с треском провалился в Бостоне (куда продюсеры, как правило, возят дорогостоящие постановки для обкатки). Сделал средненькие сборы на Бродвее, после чего Дик и Лиз поехали с гастролями по всей стране: Техас, Чикаго, Лос-Анджелес. За судьбу постановки они не очень волновались, так как бывшим супругам выплатили рекордный гонорар в истории американского театра (да, пожалуй, и мирового) — по 700 000 долларов.

Семь браков Элизабет, похоже, не удовлетворяли ее супружеских потребностей. И вот опять газеты запестрели сообщениями о возможности восьмого. На сей раз счастливым оказался мексиканский адвокат Виктор Люна, с которым звезда безмятежно проводила время на своей вилле. Ричард Бартон, чтобы не искушать судьбу с Элизабет в третий раз, женился на Салли Хейс и зажил относительно спокойной жизнью.

И вот новая сенсация. Элизабет Тейлор поместили в Калифорнийский госпиталь, специализирующийся на проблемах алкоголизма и злоупотребления «куколками».

Пишущему сии строки довелось увидеть актрису «живьем». И даже положить ей руку. Это произошло несколько лет назад перед входом в театр, где она репетировала пьесу «Лисички».

Фиолетовые глаза, по-прежнему

самые прекрасные в мире, с легким удивлением смотрели на меня, не понимая, почему столько суеты, внимания и шума вокруг уникальной Элизабет Тейлор.

Мексиканец Люна давно забыт. Да и о чем вспоминать — всего лишь муж № 8. Был промежуточный роман с Джорджем Гамильтоном (голливудский актер и плейбой), каким-то бароном прессы, богатым ювелиром, но кто считает...

Умер Ричард Бартон; от СПИДа скончался ближайший друг Элизабет — киноактер Рок Хадсон. Лиз, пораженная его смертью, возглавила организацию «Американский Фонд Исследования СПИД».

1990 год оказался годом смертей для близких Элизабет. Умер ее друг, дизайнер с мировым именем, Холстон. Не стало самого близкого друга последних лет миллиардера, владельца и издателя знаменитого американского журнала «Форбс» Малкома Форбса.

В апреле этого года Лиз сама находилась на «краю» смерти, но чудом выкарабкалась.

У нее недавно родился восьмой внук. Сейчас Элизабет 59 лет, и выглядит она прекрасно. Занимается общественной деятельностью, а также рекламированием косметики — духов с названием «Страсть».

Будем надеяться, что Элизабет еще не раз порадует поклонников своим талантом.

ТОЛЬКО

ДЛЯ

БОГАТЫХ?

— О семье Билль—Квинт ходили самые вздорные слухи. Шекспировские страсти, интриги! Салонный роман, да и только. А как все было на самом деле?

Лора Квинт: Эти бредни и смешны, и огорчительны. Мне не понятны «поклонники», додумывающие «таинственную» жизнь артиста, его привычки и привязанности. Меня почему-то прочно привязали к Леонтьеву. Каких только слухов не было: то я вышла за него замуж, то я его бросила, то он на ком-то женился, а я пыталась отравиться...

На Всесоюзном радио мы с Андреем ведем программу «Воскресный чай». Какие же злобные письма сюда приходят! Ну, почему не могут допустить, что нас с Валерой Леонтьевым связывают лишь дружба и творчество!

— *Может быть, это тяга к сильным страстям?..*

Л. К. Возможно. Первое время

меня такие письма огорчали, а теперь я отношусь к ним с юмором.

Андрей Билль. Приходит к нам в гости Валерий Яковлевич с клубничным тортом. Мы садимся на кухню, пьем чай, читаем эти письма и веселимся до упаду.

— *Договорились! Теперь «поклонники» скажут, что у вас семья на троих.*

Л. К. У них фантазии хватит! Что же касается знакомства с Андреем, то дело обстояло так: готовилась постановка моей оперы «Джордано». Мы с режиссером Владом Дружининым искали певца на роль ученика Джордано. Сложность состояла в том, что, помимо хорошего голоса, он должен был обладать и актерскими данными.

Меня пригласили в жюри московской межрегионалки «Юрмалы». На телевидении по монитору я увидела, как на сцену вышел... изящный вельможа. Оказалось, что у «вельможи» изумительной

красоты голос. Я сразу поняла, что он идеально подходит на роль ученика Джордано.

Так Андрей оказался в спектакле.

Как-то в антракте ко мне подошел Паша Смеян и сказал: «Слушай, а Билль-то в тебя влюбился!»

А. Б. Она — такой известный композитор... Все силы уходило на то, чтобы никто не заметил, что я влюбился в Лору...

— Андрей, профессия Лоры была predetermined с детства, всем ее окружением. Но ты ведь окончил университет. Как же пришел на эстраду?

А. Б. Певцом я стал случайно. До этого всерьез занимался спортом, все мое время уходило на яхту. Даже университет был для профформы, хотя меня и интересовала этнография. Но со временем я оставил спорт и стал петь в университетском ансамбле. После армии поступал в консерваторию. И не поступил. Устроился дворником и параллельно готовился к экзаменам. Следующая попытка была более удачной: я поступил в Гнесинское училище.

— Я слышал, у тебя какая-то необыкновенная родословная?

Л. К. Мне очень нравится, как звали одну из его прабабушек: Агнешка Ядвига Ольштин-Казератская...

А. Б. Младшая сестра моей прабабки с русской стороны — знаменитая певица Мария Куренко. У нее было колоратурное сопрано, пела она в Метрополитен-опера. Сейчас и в России узнали ее имя. В этом году проходил семинар в музее Глинки, но пластинки так и не выпустили. Видимо, опера — это не то, что сейчас нужно людям. Во всяком случае, так считает Министерство культуры.

— Действительно, как ни включу телевизор, так попадаю на дрессированных мартышек, кото-

рые, одинаково плохо дергаясь, похожими голосами поют одну бесконечную омерзительную песню с бессмысленным текстом. Я не прав?

Л. К. Конечно, прав. Просто всем в одночасье захотелось денег «Ласкового мая». А их можно добыть, только исполняя примитивные песенки. К сожалению, сегодняшней публике это нравится. Я не хочу ругать «Ласковый май». Разин оказался великим продюсером и умницей. Он сделал бешеные деньги на бескультурие. Мне сказали, что сейчас он нанял для своих ребят лучших педагогов из ГИТИСа, заставляет их читать книги... Но дело в том, что «Ласковый май» породил еще тысячу маленьких «маев».

Кроме того, всю эту бездарь крутят по ТВ за деньги.

— ?

Л. К. Коммерческий канал: весь за деньги. А по другим программам «мартышек крутят» на спонсорские деньги. К примеру, кто-то хочет выложить десять или двадцать тысяч за рекламу, а реклама «привязана» к клипу с этими группами. К сожалению, большинство наших предпринимателей не обладает хорошим вкусом. Вот и смотрим...

— Позволь, но ведь это несправедливо: один заплатил деньги (и в общем-то небольшие), а смотрят миллионы. Наверное, для такой рекламы следовало бы организовать какой-нибудь специальный, может, кабельный канал? Зачем всем-то навязывать...

Л. К. Мы ругали худсоветы. И вот их нет. В результате имеем то, что имеем. Как в ресторане: кто платит, тот и заказывает музыку.

— Андрей, у тебя много поклонниц?

А. Б. Первое время я исполнял модную музыку, и девочки меня просто замучили. Когда же я стал

петь красивую, гармоничную музыку, они отпали сами. Теперь поклонницы совершенно другого уровня. Постарше, интеллигентные, то есть те, кто не потерял вкус к слову и хорошей музыке.

— *Лора, со стороны кажется, что твоя карьера сложилась фантастически удачно. Пишешь для Леонтьева и Толкуновой, Бабкиной и Тамары Гвердцители... автор оперы «Джордано», прошедшей с оглушительным успехом, работаешь для кино, песни твои часто становятся шлягерами... Тебе что, добрые феи ворожат?*

Л. К. Упомянуть мою фамилию на телевидении разрешили лишь с 1984 года, а до этого меня знали как композитора Ларису Доброву. И лишь Алла Пугачева осмелилась объявлять мою подлинную фамилию. По-настоящему я стала известна после того, как на закрытии Игр доброй воли в 1986 году прозвучала моя песня «Здравствуй, мир, здравствуй, друг».

— *И сколько же ты заплатила, чтобы твоя песня завершила Игры?*

Л. К. Ни копейки! Получилось так, что я написала песню для Иры Понаровской и вместе с этой песней сыграла редактору новую, сочиненную в поезде мелодию. Он заинтересовался и спросил: «А кто напишет стихи?» Я назвала Владимира Кострова. Редактор не поверил, ведь Костров — серьезный поэт, к тому же секретарь Союза писателей. Но я позвонила Кострову, и он написал этот замечательный текст.

— *Как бы вы определили направление, в котором работаете?*

Л. К. Мы делаем дорогую музыку, если угодно, музыку для богатых. Я не имею в виду тех, кто ездит в «мерседесах» или ходит в бриллиантах. В нашем понимании это интеллигентные люди любых профессий, читающие хоро-

шие, следовательно, дорогие книги, завсегда таи театров и музеев. К сожалению, у нас в стране такой публики очень мало и становится все меньше, потому что безвкусные сборные концерты отпугивают ее от эстрады.

— *И последнее. Расскажите, как живет семья преуспевающих композитора и певца?*

Л. К. Я безумно счастлива в семейной жизни. И хотя я двадцать восемь раз ходила по цветам, когда зал взрывался овациями и на сцену летело столько цветов, что не ходить по ним просто невозможно, это все меркнет в сравнении с радостями семейной жизни. Дом и очаг — главное для меня.

А. Б. По магазинам в основном хожу я. Но по цветам ходить мне нравится больше.

**Беседу вел
ЛЕОНИД ПРУДОВСКИЙ.**

СЕРГЕЙ КАЛЕНИКИН
ФОТО ИГОРЯ ЛКОВЛЕВА,
ЕВГЕНИЯ УМРЮХИНА

Грядет

НЕЧТО...

Совместная экспедиция «Смены» и экологической ассоциации «Аргус»* исколесила тысячи километров «по следам НЛО». Сотни метров пленки с записью контактов, свидетелей и участников необычного, разбухшие от письма блокноты, чертежи НЛО, рисунки, стихотворные исповеди инопланетян, фотоснимки... Есть чему удивиться.

Вот только чему больше?..

«Мы тебя заберем...»

Еще не успели погаснуть обжигающие воображение краски одной истории, как тут же рождалась другая. И в каждой — своя Неземная изюминка, свой космоЛОГИЧЕСКИЙ сюжет...

...Тот поздний вечер вроде бы ничего не предвещал. На одной из улиц Ростова — густая южная темень, тишина окраины. Ни огонька. И вдруг где-то за окном — вспыхивающий желтый свет. И она увидела, как Он направился к ее дому, пружиня шаги, — вверх-вниз, вверх-вниз... Остановился, заглянул в окно... О, боже! Карлик! Зеленый карлик с лицом младенца! И — единственная фраза, как приговор: «Через семьдесят лет мы тебя заберем на нашу планету в созвездии Дракон».

Лена наблюдала и другие необычные вещи: летающие окрест дома шары, один из них взорвался — лопнул прямо в саду, блуждающие лучи... А как-то проснулась от жуткой боли, она ощущалась по всему телу. И тут увидела, что оно, тело, исцарапано, причем угадывались явные надписи, с кровавым следом. Под грудью — слово «УШЛИ», на спине — группа цифр: XXIIIIV. Как объяснила мне Лена, выведенные на ее теле цифры означают: 21-й

век, 2-е июня. Увы, надписи не сохранились — через неделю-полторы сошли сами собой. Бесследно. Однако не совсем. Местный экстрасенс — некто В. Ковшов (он, кстати, в контакте с пришельцами, бывал на борту НЛО), работая с Леной, уточнил: к ней прилетали трехметровые люди в блестящих костюмах из созвездия Сетка, но пришельцы не «резали» Лену, а жгли — через одежду — лучом...

— Лена, а с чего начались контакты?

— Это случилось в день выписки из больницы — мне удаляли аппендицит. Так вот, лежу дома, накрывшись одеялом. Чувствую — что-то давит. Срываю одеяло и вижу: круглый шарик, в диаметре — сантиметров двадцать пять. Черный, пушистый и ушки у него стоят. Улыбается! Смешной такой, но мне тогда не до смеха было. Так все и началось. А шарик и соседи видели...

Соседи подтвердили: это шарообразное пушистое диво захаживало и к ним. Этаким шалун. Барабашка. Но все же, какого бы свойства ни были пришельцы, на контакт идут избирательно — не с каждым имеют дело. Видать, не все земляне представляют для них интерес.

Житель села Ольшанка Целинского района Ростовской области Владимир Прокофьев инопланетянам явно чем-то приглянулся. Косил себе траву, домой уж собрался, а тут — на тебе: инопланетяне — двухметровые в плотно облегающих серых костюмах, на голове — шапочка с антенной. Один из них и предложил Владимиру по-своему: «Хотите полететь с нами на нашу планету? Это займет немного времени: пять минут туда, пять минут там и пять минут обратно». Тогда Прокофьев отказался, однако инопланетяне дали

* «Смена» № 5, 1990 г.

месяц на размышление, а сами, сев на конусообразный аппарат с мигалками, взмыли вверх. И тут Прокофьев почувствовал, как неведомая сила отрывает его от тверди, пахучих трав и — понесла... — летит-летит на собственном мотоцикле с коляской! Потом — мрак, потеря сознания. Очнулся лишь утром другого дня. Поверит ли кто?

Прошел месяц... И вот я мог увидеть не только инопланетян, но и стать свидетелем — очевидцем (!), как рядовой механизатор, «непьющий, примерный семьянин, коммунист», покидает планету Земля. Но это в том случае, уточняла местная пресса, если Прокофьев даст свое согласие. Даст ли?

Промокшая и разбухшая от дождя Ольшанка. Все вроде буднично. Подозрительно спокойные лица селян. И Владимир Прокофьев как ни в чем не бывало дома. Подтвердив свою встречу с пришельцами, заметил по-мужски: без весомых гарантий он с НИМИ не полетит. Рискованно. А у него четверо детей, мал мала меньше. Хорошо бы, считает Владимир, инопланетян получше узнать, ну побыть с ними в контакте, хотя бы месяца три-четыре.

— А сегодня ждете ли пришельцев? — еще на что-то надеясь, спрашиваю Владимира.

Опоздал! Оказывается, Прокофьев ИХ видел накануне — видел зависший корабль инопланетян над селом, но на сей раз до прямого, открытого контакта дело не дошло...

Свершилось!

Казалось, еще тогда, в 1985-м, уфологическая мысль вот-вот прорвется и мы, услышав тех, кто ждал, надеялся и верил, узнаем всё. Но — тишина. И только в 1989-м словно прорвало — Куй-

бышевская, Вологодская, Амурская, Тверская, Пермская, Полтавская, Свердловская, Московская, Омская, Ростовская, Киевская области, Кабардино-Балкария, Башкирия, Приморский и Алтайский края и прочие, прочие территории всюду: от моря и до моря — эскадрильи, десанты НЛО.

Право, поначалу мало что можно было понять. Ну, мельтешат там-сям, а с какой целью, чего хотят гуманоиды? Видать, присматривались. А, осмелев, решились на контакт. ТАСС, ЦТ, радио, большая и малая пресса едва успевали сообщать: кого-то пришельцы спасли в болотных топях, кого-то — от неизлечимой хвори, кого-то одарили Знанием, раскрыв глубины Вселенной, а заодно — и Высший Смысл Бытия. Само собой безликая схема «Хотите — верьте, хотите — нет» все чаще заменялась утверждающим «Встречи с неведомым». Но, несмотря на всю очевидность, «необъявленный визит» мог бы иметь тупиковый исход — не подспей тут уфологи. Они-то и узнали «что к чему и что почему, и очень точно»: чем пахнут НЛО, откуда ОНИ, как выглядят гуманоиды, какого цвета кожа и прочие детали тела, почему ОНИ нас понимают, наконец, как реагировать, столкнувшись с НИМИ.

Словом — свершилось! Вся Земля буквально кишит резидентурой инопланетных суперцивилизаций. Валентина Васильева, выступая по ЦТ, призналась — видимо, не без усилий над собой — она ТОТ самый контактер, общается с цивилизацией Акапов, проживающих на планете Сатурн, и выдала жуткую тайну, на Земле одних только Акапов — восемь тысяч штыков, не говоря уже об агентах иных цивилизаций. Как понимаете, ОНИ внедрены отнюдь не для осмотра земных достопри-

мечательностей, и мы у них под колпаком...

Грядет НЕЧТО... Апокалипсис?

Алексей Прийма, руководитель центра по исследованию аномальных ситуаций (Москва), заявил в «Огоньке»: «...несколько лет тому назад началась переброска людей с Земли на некую отдаленную планету или планеты. Переброска является чисто филантропической, спасательной акцией. Осуществляется она внеземными разумными силами нечеловеческого уровня. И идет, между прочим, планомерно, то есть изо дня в день, но носит — по крайней мере пока — не массовый характер. Цель акции — уберечь хотя бы малую часть от всепланетарного катаклизма...»

Итак, нас приобщают к Истине?..

Представляю недоуменно-рассерженный лик уфологов. Они, съевшие на этом не одну собаку, Они, посвященные и прозревшие раньше прочих землян, вышли или выходят на иной метагалактический уровень. Ну а как быть прочим — тем, кто вне уфологических кругов не представлял и не представляет интересов иных цивилизаций, в контакт с гуманоидами не вступал, в связях с ними замечен не был, и всё еще живет во власти собственного разума? Как реагировать на всю эту гуманоидно-энзлошную феерию? Одно дело, когда бы контактеры, уфологи и сочувствующие им граждане общались на почве непознанного между собой, совсем иное — когда в том же ключе усердствуют ТАСС, ЦТ и другие центральные органы и издания. У газетного киоска некий гражданин, озираясь, с прищуром Штирлица, шепчет: «Вон писали — сам читал: за поимку инопланетянина дают премию — десять тысяч рублей...» Не будем драматизировать,

но и не станем упрощать: что есть, то есть — от гуманоидно-энзлошных настроений нынче не отмахнешься. Социологи Всесоюзного центра изучения общественного мнения (Н. Ершова и С. Сидоренко), выясняя отношение населения к неопознанным летающим объектам, установили: в НЛО верят 34 процента, не верят 27 процентов, 39 процентов — не определились...

Сотрудники «Смены» и «Аргуса», обращаясь к очевидцам НЛО, провели свой социологический опрос. Среди прочего нас интересовало: «Была ли для вас встреча с НЛО неожиданной?». Почти все очевидцы ответили: *«Об этом так много писали и говорили в последнее время, что я даже ждал (ждала) этой встречи»*. Или так: *«Очень хотелось увидеть НЛО, и наконец мне повезло»*. И — никакого сомнения: увиденное в небесах — какие-то эффекты, светящиеся шары — и есть те самые НЛО с пришельцами с других планет, пытающимися установить контакт с землянами. Между тем ни один очевидец не видел межзвездного корабля с клеймом «Made in Saturn», мигалками, трапом, иллюминаторами, а тем паче — самих трехпалых гуманоидов в скафандрах, говорящих на древнерусском... Кстати, лицемерие гуманоидов, как показывают математические расчеты уфологов, — редчайший и даже уникальный случай. Иначе говоря: у вас, читатель, гораздо больше шансов стать президентом России, чем столкнуться нос к носу с тем же акапом. Похоже, и у самих уфологов возможностей не больше наших. Ведь будь расклад иной — давно бы показали нам кино про гуманоидов — в деталях, цвете, как снимают зверюшек в «Мире животных». А пока — лишь телесериал «НЛО: необъявленный ви-

зит». Весьма и весьма слабая компенсация... Потому, видимо, время от времени все же приходится не только подтверждать реальность НЛО, обогащая ее все новыми и новыми сведениями, лицами, проникаясь ее бесконечной сутью, но и полемизировать с теми, кто по недомыслию (?) и по сей день (!) находится в путях застойных убеждений, дескать, гуманоиды и прочие проявления иной цивилизации — такая же реальность, как Змей Горыныч или Баба Яга в ступе...

2 — 2 77 777

Позвонили мне ранним утром. Знакомый уфолог спешил обрадовать:

— Над Сальском — средь бела дня — небесные знаки, двойки, семерки... По ЦТ показали. Какой удар для скептиков! Что скажете?

— Телевизионщики знают свое дело ...

— Я не о том. Подумайте над сочетанием цифр!..

На небесное знамение «М-ский треугольник» (газета Латвийской ассоциации уфологии и энергоинформационного обмена) отреагировала так: «Но, наверное, самые невероятные наблюдения выпали на долю жителей Сальска и прилегающих поселков. Здесь в небе люди увидели словно написанные густым плотным паром сначала два вопросительных знака, которые превратились в две двойки и знак «минус» между ними; за двойками возникли две семерки, а затем через промежуток еще три семерки. Потом были замечены алгебраические знаки «больше». И картина повторилась. В других районах в небе наблюдался шар, превышающий в размерах Луну. Многие в этот день слышали шум работающего «оборудования»; есть свидетели «землисто-сереб-

ристых безголовых» существ. В довершение ко всему оказалось, что некоторые жители имели ночью телепатический контакт с «неземным голосом».

Да-а-а, цифровое послание — запечатленный факт, как бы тянет на доказательство... Но вот куда сгнули все разом свидетели и участники сальских чудес? Из опрошенных нами местных жителей никто ничего не видел, в лучшем случае кто-то что-то от кого-то слышал или где-то читал... Иных же не нашли. И, увы, ни одного памятного фотоснимка с посланием ВЦ (внеземных цивилизаций).

Да был ли мальчик?!

У местных уфологов на сей счет ни грама сомнений: был! Вот — письменные «показания» очевидцев-школьников. Их семь штук. Подумал, разыгрывают. Нет, все на полном серьезе...

— Это — те самые знаки?..

— Да. Они.

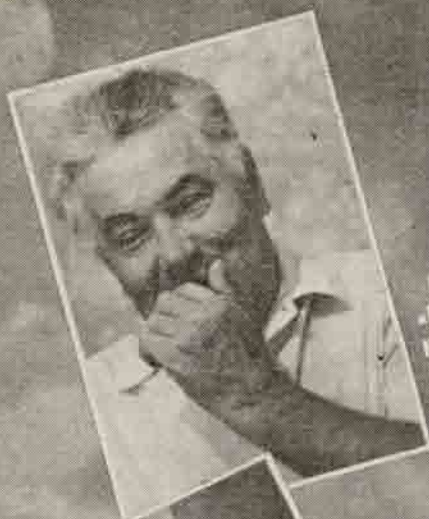
Но, помилуйте, у каждого очевидца-школьника — свой вариант увиденного; начинаешь анализировать — невнятица, сумбур. Решил напрямую спросить:

— И все же, откуда взялось 2—2 77 777?

Все оказалось просто до обыденности. Местные уфологи, по своему интерпретировав нестыкующиеся свидетельства школьников, изобрели свою комбинацию, выдав ее за знамение — послание иномирян. И — пошла губерния писать...

Но отвлечемся на минуту от диковинных свидетельств и заглянем в «Опыты» Монтеня:

«Те, кто первым прослышал о некоем удивительном явлении и начинает повсюду трезвонить о нем, отлично чувствуют, где в их утверждениях слабое место, и всячески стараются заделать прореху, приводя ложные свидетельства.»

Иван Шапошников:
«Божьи
на нашей планете
формируют
Главный
и его Помощник».

Ольга Чуб:
«Просыпаюсь
и вижу над собой
ярко-голубого
цвета шар,
который тут же
поднимается
через потолок
и исчезает...»

Любовь Маслова:
«Мой учитель —
представитель
высших миров
по имени Зин-Нар,
человек
с Девятой планеты...»

Галина Левицкая:
«Называйте Его
как хотите —
Бог, Абсолют, Аллах,
Отец наш небесный,
Космический Разум,
но все равно —
это одна и та же Сила,
которой мы верим...»

Мы, естественно, считаем долгом совести вернуть то, что нам ссудили; и не без добавлений со своей стороны. Сначала чье-то личное заблуждение становится общим, а затем уже общее заблуждение становится личным. Вот и растет эта постройка, к которой каждый прикладывает руку так, что самый дальний свидетель события оказывается осведомленным лучше, чем непосредственный, а последний человек, узнавший о нем, — гораздо более убежденным, чем первый».

XVI век...

Хотелось бы знать, будет ли цитироваться Монтень, скажем, лет через пятьсот?... Пожалуй, да. Пожалуй, и к XXV веку человеческой природе не переродиться, не изжить всех своих слабостей, чудачеств и пороков. Изменима ли она? Изменима — пророчат уфологи: мы будем как ОНИ — не только внутренне, но и снаружи; «... по мнению ряда анатомов, человек продолжает изменяться. Благодаря прогрессирующей цефализации, объем и масса мозга непрерывно увеличиваются, аместилище мозга — череп — постоянно округляется. Отмирают зубы и мизинцы на ногах, сжимается лицевая часть черепа, укорачивается позвоночник. Учитывая все эти тенденции, некоторые анатомы полагают, что через десятки миллионов лет человек превратится в трехпалого карлика с непомерно развитым шарообразным черепом. А ведь таковы описанные пилоты погибших НЛО!»

Неужто это и есть будущее человечества?

О том спросил я члена-корреспондента АН СССР М. В. Волькенштейна, на что он, не шутя, ответил:

— Для любого научного утверждения нужны основания. У меня, как у специалиста в области теории биологической эволюции, нет

оснований представлять человека неким космическим уродцем даже в далеком будущем.

— Так что же, мы — венец эволюции? Тупиковая ветвь?

— Вот этого нельзя исключить, зная, что окружающий нас мир — взаимосвязанные биологические системы. А как мы считаемся с биологическими закономерностями, сами знаете. Экологическая катастрофа, термоядерная война — вот вам и тупиковая ветвь... Природа нигде и никогда уже не создаст нечто похожее на человека. Он, как и весь живой мир Земли, неповторим. Эволюция началась со случайных обстоятельств, а дальше — закономерности, связанные с предшествующими событиями. Короче говоря, модель нашей эволюции уникальна. И если существуют разумные существа, энтонавты, то их внешний облик не имеет ничего общего с человеческим. Обратные утверждения — враки!

...Я понял так: гуманоид не тянет даже на чудище, которое обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй. Лично меня Михаил Владимирович убедил. Есть и собственные сомнения. Вот никак не могу — хоть порази меня луч пришельцев — уловить в распада инверсионного следа самолета цифровое послание ВЦ, никак не рассмотрю в запечатленном на фотопленке блике (от объектива) НЛО с прожекторными установками и люками, увы, и в радужной Глории не приметил иллюминаторов, прильнувших к ним трехпалых карликов с выпученно-раскосыми глазами... И парящий над степью НЛО мне, простите, больше напоминает женскую шляпу из комода бабушки.

Но вряд ли со мной согласится директор «Союзуфоцентра» В. Ажажа. Он уфологию понимает иначе: это «наука о человеке, его месте в природе, обществе, Все-

ленной)... Судя по другим высказываниям, «наука», которую представляют В. Ажажа и К., кое в чем уже утерла нос «ортодоксальному науковедению» (уйма фактов), а звездный час уфологии — впереди. Мол, жизнь все расставляет на свои места. вспомните генетику, кибернетику, социологию, экологию... Ничего, устоит и уфология. «А пока хотелось бы, чтобы перестали наконец изгаляться над «летающими тарелками»...» Не понял. А тарелки-то тут при чем?..

«Малоз пануда сапосиз...»

Пусть будет так: невидящие да прозреют, неслышавшие да услышат. Попробуем внять.

Итак, некто А. Я., краснодарец, в марте 1990 года попадает на корабль инопланетян. На его голову надевают шлем, звучит писклявый голос:

— Не бойся, с тобой ничего плохого не будет. Мы хотим с тобой поговорить, если ты согласен.

— Согласен. Но мне неудобно разговаривать лежа.

— Прими удобное тебе положение.

А. Я. приподнял туловище и опустил ноги. И повис в сидячем положении. Попробовал достать ногами пол, но не дотянулся...

И далее он передает беседу с пришельцами, как запомнил ее.

«Они: — Как долго ты живешь?»

Я: — 64 года.

Они: — Что такое года?»

Я: — Один год равен одному обороту нашей Земли вокруг Солнца. Но лучше было бы, если бы я показал вам на чертеже.

Они: — Делай это на этом экране.

Передо мной из холла выдвинулся и приподнялся серебристый экран размером с квадратный метр. Я узнал на нем изображение нашей Солнечной системы, кото-

рую видел на развороте какого-то иностранного журнала.

Они: — Ты можешь делать здесь поправки, это взято из твоей памяти. Теперь покажи, что значит 64?»

Я (показываю рукой): — Это наше Солнце, а это — Земля. Она идет по орбите.

Голубой шарик Земли побежал по пунктирам, а я считал каждый круг: Раз, два, три... Так до шестидесяти четырех.

Они: — Понятно. Вы можете объяснить нам вашу систему счета?»

Я: — У нас десятичная система. Возникла она потому, что у человека на руках десять пальцев.

Но получился конфуз: у меня на руках всего восемь пальцев. Два я потерял на фронте. С трудом мне удалось это объяснить.

Они: — Что такое война?»

Я: — Это когда одна группа народа путем убийства стремится покорить другой народ. Цель войны — это захват власти или земель других народов.

Они: — Как устроено ваше общество?»

Я: — Существует примерно около 180 отдельных государств, которые стремятся взаимодействовать друг с другом, но редко доверяют друг другу.

Они: — Как часто бывает война?»

Я: — По-моему, она всегда где-то идет, то в одном, то в другом месте Земли... Можно задать вопрос?»

Они: — Задавайте.

Я: — Откуда вы знаете наш язык?»

Они: — Язык — это отражение мысли. Мысль — это комбинация полей, и во всей Вселенной эта комбинация одинакова. Так же устроена память... Как далеко продвинулась ваша наука в познании мира?»

Я: — Об этом я имею весьма скудное представление, оно основано на случайных статьях в популярных журналах. Думаю, что, выбрав меня, вы сделали ошибку. Почему бы вам не пойти на прямой контакт с нашими учеными?

Они: — Кого вы предлагаете?

Я: — Думаю, лучше всего подошел бы академик Велихов.

Они: — Как с ним встретиться?

Я: — Организовать эту встречу я не могу, он, наверное, в Москве. Только что закончился съезд, на котором он присутствовал.

Они: — Этот?

Я увидел на экране Велихова, каким видел недавно на экране телевизора.

Я: — Да, это он.

Они: — Мы хотим записать вашу память, все, что она накопила за вашу жизнь. Вы согласны?

Я: — Мне это не повредит?

Они: — Нет. Закройте глаза.

Шлем сжал мне голову, перед глазами поплыли желтые круги. Я не знаю, как долго это продолжалось, но пришел в себя в холодном поту, ломило в затылке.

Они: — Все. Сейчас мы вас отпустим. Если захотите встретиться еще раз, позвоните. Мы найдем вас сами.

С меня сняли шлем, я поплыл во вновь открытую щель и встал на ноги на дороге. Шар закрылся. Потом он начал светлеть, вновь приобрел переливы перламутра и прозрачность, резко взметнулся вверх и в две-три секунды скрылся в чистом небе...»

Двадцать восемь минут общался краснодарец с инопланетянами.

Август 1990 года. В кресле НЛО — житель Черкаска Юрий Чуриков:

«Все заполнено розовым струящимся светом. Страх отступил, стало как-то легко, спокойно.

Слышу голос:

— Сколько вы живете?

Я сразу и не понял, откуда исходил этот голос. Принадлежал он явно не живому организму, был каким-то «механическим». И что интересно, звучал одновременно со всех сторон...

— Извините,— говорю,— но у нас принято общаться сидя.

— Хорошо,— послышался все тот же голос.— Примите удобное для вас положение.

Через несколько секунд я ощутил себя уютно сидящим в кресле, хотя фактически ничего под мною не было.

Вновь вопрос:

— Сколько вы живете?

...Я назвал свой полный возраст: 16 лет.

И тут же слышу следующий вопрос:

— А что означает слово «лет»?

— «Лет» — это, по-другому, «годов», хотя мы так не говорим. Ну, а год — это как раз один виток Земли вокруг Солнца. Так что за то время, которое я прожил, Земля сделала вокруг светила 16 витков...

— Как вы живете?

— ...У нас, на Земле, примерно 180 государств. Каждое имеет свою территорию, свои границы. На границах стоят особые воинские части, которые защищают неприкосновенность этих государств. Нарушение границ, как правило, ведет к войне.

— А что такое война?

— Это когда одно государство старается силой захватить другое. Всякая война ведет к человеческим жертвам.

— Это понятно... Ответьте, пожалуйста, на такой вопрос: вы защищены социально?

— Увы,— говорю,— пока нет.

— Вы не возражаете, если мы сейчас снимем карту вашей жизни?

— А это не повредит моему здоровью?

— Нет!

— Хорошо, я согласен.

По чьей-то команде шлем приблизился ко мне — и настолько близко, что я отчетливо разглядел на нем эмблему в виде распустившейся белой розы...

Откуда-то слева выплыли три человекоподобные фигуры, затянутые в зеленые комбинезоны. У них было по две пятипалых руки и (ну надо же!)... по одной ноге. Они совершали плавные, словно в медленном танце, движения. Их лица я не разглядел: они были прикрыты зеркальными, светоотражающими щитками...

Какое совпадение! Одни и те же пришельцы? Пусть так. Только уж больно дремучие они. Ни шиша не знают! (Иль придуриваются?) Что такое война?.. Сколько вы живете?.. Защищены ли вы социально?! И это все, что ИХ интересует? И как это ОНИ не спросили: «А регулярно ли вы мочитесь, земляне?» Ну очень странные гуманоиды. Интеллектом не блещут. Но ведь как-то должен заявить о себе ВЫСШИЙ РАЗУМ! Показать: ОН — ВЫСШИЙ, а мы — низший. Чтоб без сомнений... Без иллюзий.

В Нальчике вышли на некую Галину Левицкую и К°. Они начали с малого — увлеклись спиритизмом, приобщились — почувствовали вкус: в течение двух лет «при помощи мозгового радио» (к Минсвязи это не имеет никакого отношения) разговаривали со своими родными и близкими. «Однажды, — говорит Левицкая, — нас перебили и стали выписываться позывные «Системы 3» — системы изучения Земли, которая проводила исследовательские работы в горах Кавказа. То есть произошла биомозговая связь землян с орионцами».

Вот фрагмент сеанса:

«...Центр — 1, Земля — Шамбала. 12 блок, 1 клапанный центр на

Земле — Шамбала. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12...» — орионцы, видимо, преодолевая земные помехи, настраиваются на Левицкую и К°. Связь установлена, идет в режиме диалога:

«— Это Шамбала? Здравствуй-те! Несколько лет мы поддерживаем дружбу и биомозговую связь с системами изучения Земли — «Системой 3» и «Системой — НЗ — 2». Мы очень беспокоимся о судьбе нашей планеты и очень хотим оказать посильную помощь для ее спасения...»

Орионцы: «— Хотеть мало... Шансов на спасение Земли осталось мало, и времени осталось мало — не более двух десятилетий...»

Что же хотят орионцы, укрывшиеся в Гималаях? «Вылечить нашу смертельно больную Землю». Как? Постараются нам передать «светлые мысли», внушить: главное — не обогащение, а знания; сберечь природу — сберечь жизнь; энергию атома использовать только в мирных целях; надо с детства прививать любовь к Добру, Справедливости, Равенству, Братству, Природе...

Мы и не с такими призывами бывали на митингах! Но... но орионцы, раскрывая себя, показывают, чем чревато забвение этих самых Светлых мыслей. ОНИ прошли через Это, они как бы делятся опытом. Причем в поэтической форме и на своем родном, орионском языке.

А звучит ЭТО так: на орионском

*Малоз пануда сапосиз
Мандоноло лона даноирэ
Галопир э юзфан молон
Йонолла гано сафолон*

*Эуллия мано суфанизэ
Параюзэ каро донтэфризе*

*Эюноми уокан панорэ
Каофис толорюэ Самфасорэ*

*Канол то нам паратонас
Манолэ сабо калоос
Пасорэ ломинэ маишесто
Каснорэ панэро сапронсто*

в переводе

*Планета долго существует.
Никто не помнит, когда на
ней не цвели сады и не были
созданы все блага.*

*Прогресс достиг
невиданных высот
Начиная от познания
матери
и искусственной биомассы
и кончая межзвездными
системами*

*Но была и другая ЭУЛЛИЯ
Ей мы обязаны своим
существованием*

*Но она погибла по нашей вине
С времен больших перелетов
прошли миллионы лет,
но мы помним планету, на
которой появились мы.*

Прочитал и перевел этот поэтический монолог орионец Кэлин... Другой орионец — Кант — пояснил и дополнил в прозе:

«...После катастрофы все уцелевшее население нашей планеты на 99 кораблях стартовало в космос искать подходящую для жизни планетную систему. Путешествие длилось 650 лет (по Земному счету) и 1305 — по нашему. Этот период времени был назван «Эрой странников»... Когда «странники» высадились на Землю, дельфины жили на суше

и были высокоорганизованными и разумными существами. Они достигли высокой ступени цивилизации, внешне были похожи на людей... Они окружили свои города гравитационным полем. Всю работу за них выполняли автоматы, и постепенно их интеллектуальный уровень стал уменьшаться. Они разучились выполнять самую простую работу и в конце концов вынуждены были вернуться в океан. Постепенно их тело удлинилось и заострилось, конечности почти исчезли, но мозг сохранил свою структуру и вид. Дышат они по-прежнему легкими, хотя и живут в воде...»

Такие вот дела. Но вернемся к стихам. Проконсультироваться решили у специалистов из Института языкознания АН СССР. Отправляем официальное письмо с просьбой: мол, есть некий загадочный текст на непонятном языке... Об орионцах, переводе, как и от кого получен стих, разумеется, ни слова. В интересах чистоты экспертизы. И вскоре получаем ответ с институтомским заключением:

«Полноценная экспертиза письменного текста возможна при знании экспертами того, что «сопровождает» появление текста: от кого получен, при каких обстоятельствах и т. п. Между тем анализ языка присланного вами текста стихотворения специалисты института сделали. Текст выполнен на креолизованном цыганском языке с элементами греческого...»

Вот те на! Ай да орионцы, ай да Шамбала! С другой стороны, почему бы орионцам и не говорить на креолизованном цыганском с элементами греческого? Язык как язык, ничем не хуже австрализованного суринамского с элементами чешского или кикуюю, на котором, быть может, говорят наши братья из далекой центральной части X-1379.

Меня, признаться, иное смущает. Что ни контакт, что ни делегация ВЦ — все об одном: дескать, дело ваше дрянь, изгадили планету, погрязли в войнах... Как живете?! Видите или нет, как несовершенен ваш мир, трагичен, ничтожен — вот-вот рухнет в тартарары! Вам не под силу даже оглянуться, не говоря уже о том, чтобы жить иначе. Будем вас спасать... И — никакого участия: ни экономической, ни гуманитарной там помощи. Ну хоть знаний каких подбросили бы...

Между прочим, на сей счет еще в прошлом веке недоумевали, и ой как крепко. Видный мыслитель Александр Потенбня писал:

«Наитие свыше, зрение помимо глаз, слух помимо ушей принадлежат к числу патологических явлений. Люди, уверенные в своем непосредственном общении с неземным миром, как ни высоко они стояли над человеческим уровнем по своим способностям, не объявляли людям ничего такого, что бы не могло быть выведено из современного им запаса знаний».

Что-что, а в мифах Потенбня толк знал и вывел, пожалуй, главное: как рождаются мифы, в чем слабость неземного и какого она свойства.

«Чернобыль взорвал Главный»

К нему, как к Святому отцу, тянется и стар, и млад... Представляю: Иван Иванович ШАПОШНИКОВ — отечественный пророк, уполномоченный ВЦ, суфлер и посредник Высшего Разума — с Главным на короткой ноге. Это о нем — интригующий фильм «Суфлер». Знайте и вы, читатель: Иван Шапошников — в контакте с Высшим разумом, «сеансирует» — общается с Главным и Его

Помощником, встречался и беседовал с Иисусом Христом; обладает способностью мысленно перемещаться в Пространстве и во Времени, посещал рай, ад, проник в тайны Мироздания; предупреждает о приходе (приблизительно в 2000 году) Второй Луны — если ее не отклонить от первоначальной траектории, то ОНА своим мощным притяжением погубит Землю; сообщает, что Земля все равно обречена, через какое-то время она выйдет из Зоны Жизни и ее ждет участь Марса или Сатурна, а в Зоне Жизни окажется Венера, куда мы со временем и переселимся да заживем власть.

Это суть, квинтэссенция пророчеств. Обычно о Шапошникове рассказывают или берут у него интервью. Я не стану этого делать, не буду его «причесывать». Дам его живьем — с пленки, самое-самое, ключевое. А там вам судить, чего стоят откровения Ивана Шапошникова, что за печать на Его лице.

«Марсиане мне все рассказали: у них — свой Бог, у нас — свой. Рождаются люди — рождается свой Бог, он комплектует своих людей — создается Мир. Каждый Бог управляет своим миром. Святые люди — это их помощники, как в Москве заместители есть, так и там. Порядок приблизительно такой, но только — на основе совести... Корабли с Марса летали сюда. Этот процесс длился лет 600—700: сажали лес, потом — стал кислород, делали аэродромы и взлетные площадки, домики... Космонавты, ученые перевозили буквально все: от комара, от блошки до крокодила... Если создается сильное давление, ОНИ пробивают дырки — получается вулкан. Пробьют — давление сходит. Давления сильного нет — вулкан может засориться. НЛО следят за этим процессом...

Я насчитал 36 или 38 планет, где живут люди — не в других мирах, а в наших... В раю все молодые, симпатичные, розовые. Точно как в кино — как раньше у богатого в саду, ничего не делают. За стол да в парк, за стол да на танцы. Точно так и в раю; курсируют на другие планеты — для развлечения...

Чернобыль не сам по себе взорвался. Чернобыль взорвал Главный, и он же этот взрыв остановил на половине... Что же происходит в аду? Никто ничего не кушает — такой у всех организм (мне поручили сделать такой организм тут, на нашей планете, подобный ихнему)... В нашей стране со дня Советской власти в ад стало попадать 82 процента, а в других странах — Англия, Америка, Франция — там, где 16, где 18, где 12 процентов. Видите, какая разница?..

Мне сказали, выйдешь в эфир, когда тебе будет 60 лет. 60 лет мне исполнилось в 1989 году. Я спрашиваю: почему так долго? Он открыл журнал и говорит: «У вас будет Президент Михаил Сергеевич Горбачев. Он ослабит обстановку, и ты будешь свободно выступать, никто тебя не тронет. А до этого, если выступишь, тебя сотрут в порошок... Я много шлялся везде. Ну, сеансировал: то туда, то сюда...»

Достаточно? Чем Иван Шапошников не Иоанн Креститель, который явился в мир не для того, чтобы быть светом, но чтобы свидетельствовать о свете, то бишь о Второй Луне?

— Вторая Луна? — недоумевает член-корреспондент АН СССР, президент Всесоюзного астрономо-геодезического общества АН СССР Юрий Буланже. — А что это? Ничего не знаю, не слышал и не могу себе представить такого явления...

Пойдем дальше. Академик АН СССР, председатель астрономического совета АН СССР, председатель научного совета по проблеме «Внеатмосферная астрономия» Александр Боярчук:

— Вселенная под контролем. Астрономами регистрируются даже мелкие космические тела, которые в поперечнике один — три километра и — за пределами Солнечной системы. Разговоры о приходе Второй Луны — чудовищная нелепость! Да и намека нет ни на вторую, ни на третью, ни на седьмую, ни на прочие луны...

М-да... Выходит, опростоволохился Иван Иванович. И крепко. Ведь ученые не только в ус не дуют, но и знать ничего не знают ни об астрономо-галактическом феномене, ни о самом Шапошникове. А в чем смысл его миссии на Земле? Как раз в том, чтобы проинформировать, то бишь предупредить, человечество, но прежде — ученых (о надвигающейся угрозе — приходе Второй Луны), которые бы и организовали срочную эвакуацию землян на Венеру. Срочность относительная, разумеется. Но все же надо успеть до 2000 года. Осталось-то всего ничего. Выходит, не справился (или не справляется?) Шапошников со своей миссией, выходит, не миновать ему объяснений с самим Главным...

Вот утешение с другой стороны. Помните Лену из Ростова? Так вот, ей пришельцы шепнули: этот самый Шапошников — лжепророк.

Моя душа чудесного искала...

А коль в каждой губернии свой Нострадамус, свои толкователи Миров-Здания, Миров-Понимания — кого слушать? Отчего уполномоченным ВЦ класса «Земля — Шамбала», «Земля — Орион», «Земля — Трон», пророкам, миссионе-

рам, представителям тонких миров, уфологам так неуютно под сводом единого пантеона. Что меж собой делают?..

Но, говорят, быть консенсусу. Как-никак Земля — в фокусе Галактического Луча, грядет 2012 год, и — нешуточная процедура вхождения в Космическое Братство — есть шанс стать полноправным членом ЕИС — Единого Инопланетного Сообщества. Удастся ли уфологам, озаренным Галактическим Лучом, договориться меж собой, наступит ли для них веха Великого Согласия, проживем — увидим. Но сегодня во всем и всегда ли обоснованы претензии уфологов к официальной науке? Чего только не произносится в ее адрес! Ортодоксальная, засиженная мухами, замшелая, пропитанная вульгарным материализмом и вообще — дебильная, не способная вывести на Путь Истинный хиреющий род человеческий. Но это — явный перебор! Наука-то наша грешная максимум на что решается — робкие, редкие и невразумительные возражения на уфологические откровения. На большее не идет. В отличие от Церкви, богословов, священнослужителей. Вот кто бьет, так бьет. Загляните хотя бы в «Журнал Московской патриархии» (№ 12, 1989 г.):

«Как ни захватывающи рассказы об их появлении, как ни головокружительны перспективы «контактов», но сами НЛО и их «пилоты» — все те же древние лукавые существа, которые морочили головы нашим предкам в виде уродцев с рожками и с копытцами, а теперь являются их просвещенным потомкам во всеоружии «последних достижений межпланетной космической техники»...

...За все приходится расплачиваться. За наше спасение, за неисчислимы христианские чудеса

Господь заплатил Своею Кровью. За «чудеса» бесовские, за этот кратковременный обман, будут платить как сами маги, так и их жертвы, платить настолько, насколько они отделились от Христа и склонили к этому других».

Нет смысла еще что-то цитировать. Церковь неумолима и тверда: НЛО, полтергейст, барабашки, контакты с ВЦ и т. д. — лобзание с дьяволом, бесовские штучки, сатанинские козни в ожидании Антихриста. Уфологи! Где ваше ответное слово? Бранить науку, бранить сейчас — дело нехитрое... Не знаю, как вам, читатели, а мне все потуги доморощенных поклонников космологических фантазматических что-то объяснить, доказать, в чем-то убедить, выдать весть ОТТУДА напоминают игры малышей, которым никак не удается схватить ручонками Луну, но уж о-о-очень хочется.

Верно: жажда чуда — в природе человека, она духа и плоти часть. В этом смысле мы, похоже, генетически обречены. Но кто сказал, что стремление к необычному, таинственному, непознанному — некий порок, унижающий разум Homo sapiens?

Если хотите — это лучшее, что в нас есть, что осталось со времен Перуна. Но, право, почему Богом данное чувство Тайны и Изумления, чувство, преображающее Мир и раскрывающее смысл Бытия, мы, как несмышлениши, размениваем на бредни и нелепицы? Для нас уже как бы не существует мудрости Анаксимандра, Платона, Сократа, Конфуция, Ломоносова, Ницше, Чаадаева... и вообще — здравого смысла. Смотрим в рот невесть откуда всплывшим экзальтированным тетям и дядям, упражняющимся в галиматее и придурошных пророчествах. Ручаюсь, среди них не так уж много тех, кто не ведает, что творит.

В основном — сведущие, знают, чего хотят и могут в *этот час*. Это их время, то самое, благодатное, когда есть все условия для какого хошь промысла. А мы — его заложники. И будь хоть трижды прав мудрейший Мишель Монтень или нынешний академик, мы им не внемлем: с готовностью языческого предка отдаемся во власть иллюзий, и чем абсурднее они, тем слаще и желаннее, тем труднее с ними расстаться, держа в руках «Рабочую трибуну», «Комсомолку», «Голос», «Подмосковье» и, уж конечно, «М-ский треугольник», «Голос Вселенной», «Не может быть?» и прочие, прочие «Аномалии» и «Феномены». Подсчитайте общий тираж хотя бы этих изданий. Добавьте сюда Центральное телевидение, ТАСС, который по-прежнему, сообщая всякую всячину, забавляет мир, западную прессу. Вон — вывел из равновесия даже «Нью-Йорк таймс».

«Официальное пресс-агентство ТАСС сообщает, что высокие внеземные существа с маленькими шарообразными головами приземлились в русском городе Воронеже, вливаясь в поток иностранцев, наводнивших Советский Союз в дни гласности и перестройки», — пишет американская журналистка Эстер Б. Фейн. «Ученые подтверждают, что неопознанный летающий объект недавно совершил посадку в парке русского города Воронеж», — с серьезным видом сообщает ТАСС в сводке новостей. «Они также установили место приземления и обнаружили следы пришельцев, которые совершили небольшую прогулку по парку».

В последний год или около того пресс-агентство испытало странные метаморфозы. Вдобавок к своей традиционной роли покорно сообщать о приездах и отъездах советских лидеров, частенько порицая американских официальных

лиц, ТАСС взялся выдавать бульварные сенсации со всей серьезностью, присущей освещению встреч сверхдержав на высшем уровне.

...В Советском Союзе людей всегда привлекало все таинственное и тайное, а в последнее время власти, кажется, подогревают этот интерес.

ТАСС сообщил, что воронежские жители рассказали о посещении пришельцами их парка после наступления темноты по крайней мере трижды. Они прибыли в большом светящемся шаре или диске, вышли через люк в сопровождении «маленького робота» и пошли «совершать короткую прогулку по парку»...

ТАСС также сообщил, что свидетели утверждают, будто бы они видели «предмет в форме банана в небе и характерный светящийся знак». К слову сказать, подобные описания были опубликованы в американском журнале «Сага», частном журнале парикмахерских и кегельбанов.

Чтобы рассеять любые подозрения, что на воронежских свидетелей повлияли репортажи из «Саги», ТАСС заявил: «Не похоже, чтобы воронежские жители могли читать этот журнал...»

Ванга, Кайфу, Гречко и другие...

Абсурд, конечно, и сам по себе привлекателен, но лучше его взбодрить авторитетом, броской личностью. Для пущей убедительности. Колдун, космонавт, ясно-видящий, писатель, экстрасенс, политик, художник, ученый — все сгодятся... Не Ванга ли, дескать, заявляла о существовании НЛО, не она ли общается с пришельцами, не она ли... А дальше? А дальше — резона нет. Цитировать Вангу — сечь самого себя. Заглянув

в книгу Красимиры Стояновой «Ванга», поймете, почему у наших уфологов к ясновидящей половинчатый интерес. Как утверждает Ванга, никаких встреч с инопланетянами не было, но ожидаются через... двести лет, а контакты могут быть исключительно с ИХ стороны, а не с нашей. И планета у нее своя — Вамфим (так ей слышится). ...С тем же расчетом и умыслом берут на арапа, ссылаясь на Михаила Горбачева, премьер-министра Японии Тосики Кайфу и других политиков... Конечно, знать, что думает знаменитость о гуманоидах, НЛО, любопытно. Так почему бы нам не поговорить об этом — напрямую, без ссылок — с известными людьми. Итак, информация из первых рук.

Георгий Гречко, летчик-космонавт СССР, доктор физико-математических наук.

— Что для вас значит НЛО?

— Говорят, увидел Рим — можно умирать. Так и НЛО; увидел их, потрогал — можно умирать. Вот что значит для меня контакт с внеземными цивилизациями, внеземным разумом. Но контакт реальный. И я хочу его больше других, для чего и пошел в космонавтику. Хотя мог, лежа на диване, почитать книжки про НЛО, гуманоидов, мечтать и фантазировать. Однако я ученый и не привык обманывать себя, а тем более окружающих. Не выдаю желаемое за действительное.

— Вам не удалось столкнуться с пришельцами в космосе. Значит ли это, что вы потеряли к ним всякий интерес?

— Проблемой НЛО я занимался много лет — читал книги, журналы, побывал в экспедиции (когда работал с С. П. Королевым), ходил на заседания академической комиссии по изучению НЛО при ИЗМИРАНе... Изучал свидетельства «очевидцев». Словом, сопо-

ставив все, пришел к выводу: нет доказательств, что существуют какие-то космические корабли внеземных цивилизаций, гуманоиды и прочее, о чем сейчас с поразительной настойчивостью сообщают многие газеты и журналы. Все это меня не убеждало и не убеждает. Да, какие-то эффекты наблюдаются. Но где доказательства, что это посланцы высших цивилизаций? Таких доказательств я не обнаружил.

— Но ведь люди что-то видят!

— А что-то — что? Как я понял, в основном они видят эффекты, связанные с запусками ракет, стратостатов, и тому подобное. То есть чаще всего — результаты, последствия человеческой, а не внеземной деятельности!

— А что говорят другие космонавты? Ходят слухи, будто...

— Слухи — не по моей части. Знаете, не так давно была встреча космонавтов и астронавтов всех стран. Я там в открытую и спросил, сталкивался кто-либо из них с НЛО, гуманоидами, видел ли кто-то что-то подобное? Никто ничего не видел.

— Хорошо, а полет «Аполлона II» на Луну? Ссылки на свидетельства Армстронга и Олдрина?..

— Я знаком с подобными утверждениями. Они лишены всяких оснований. Совсем недавно разговаривал с астронавтом США Т. Стаффордом, рассказал ему про эти «ссылки». Он категорически отверг их. Кстати, в «Ньюсуик» я прочел заметку, в которой сказано удивление, что официальные газеты, к примеру, «Правда» и ТАСС печатают сообщения о такой чепухе...

— И все же, Георгий Михайлович, допускаете ли вы существование внеземных цивилизаций или, напротив, не получив убедительных доказательств, напрочь разубедились в них?

— В принципе допускаю. В конце концов конечная цель космонавтики — встреча с другими мирами, цивилизациями, иначе я бы и не стал космонавтом...

Из академиков мой выбор пал на Александра Яншина — народный депутат СССР, патриарх науки, энциклопедист.

— Александр Леонидович, мы побывали в Тверской, Ростовской областях, Кабардино-Балкарии, встречались со многими людьми, и хотя никто из них не сталкивался с зеленошкурным «стенапикозавром», но нечто непонятное им приходилось видеть.

— Согласен, есть свидетели, которым нельзя не доверять. Их наблюдения и сообщения достойны внимания и изучения. Да, явления НЛО существуют. Другое дело, как мы понимаем НЛО, какой смысл в него вкладываем. Возможно, кто-то столкнулся с энергией биополя, электромагнитными эффектами... В ряде случаев «приземление» НЛО — следы космической техники, о чем в прошлом не принято было говорить. Пример — Петрозаводское «чудо». Теперь-то знаем: взорвалась ракета, стартовавшая с плицецкого полигона. Необычное и захватывающее зрелище — падение отработанной ступени. Кто не в курсе, может принять ее за НЛО. А метеорологические явления! Сколько тут необычного и непонятного. И наука далеко не во всем разобралась, но ясно: с пришельцами это не связано.

— Вы говорите о непонятном, а люди зачастую даже известные явления воспринимают как НЛО. В Тверской области жители одного района убеждали нас, что они видели шарообразные корабли инопланетян. Когда описали увиденное, выяснилось:

НЛО — «Глория» — радужный шар...

— А академик Владимир Иванович Вернадский считал, что жизнь существует на Венере, Марсе и, возможно, на спутниках гигантского Юпитера. И были основания для таких предположений. Дело в том, что в свое время английские астрофизики, опираясь на результаты спектральных исследований, утверждали: температура на Венере — около пятидесяти градусов и там есть вода. Увы, все оказалось иначе, и сегодня можно твердо сказать: на других планетах Солнечной системы нет белковой, а стало быть, разумной жизни.

— Напрашивается вопрос-предположение: гуманоиды могут прилететь из глубин метagalактики...

— Прилететь? Исключено. Смотрите, звезда Вега из созвездия Лиры от нас — на расстоянии пяти световых лет. Один световой год — $9,46 \cdot 10^{12}$ километров. Считайте. Чудовищные расстояния...

— Александр Леонидович, знаю, что вы не раз встречались с американцами. Не интересовались у них гуманоидами, НЛО?

— Интересовался. В 1989 году в Вашингтоне проходил международный геологический конгресс, в работе которого участвовал и я. Между делом академику Роджерсу говорю: мол, утверждают, что ВВС США захватили НЛО, гуманоидов и Пентагон проводит какие-то секретные исследования... Академик Роджерс, смеясь, ответил: «Вы не знаете наших журналистов; уверяю вас, если к нам попали бы пришельцы, то мы бы их ошупали раньше других и первыми дали соответствующую информацию... Ни тарелок, ни пилотов НЛО в США не было и нет. Это слухи. Вымысел, и только...»

«Эта идея недостаточно сумасшедшая, чтобы быть верной»

Вообразите себе невероятное — открытая дискуссия, тандемы: Александр Яншин — Григорий Ажажа, Георгий Гречко — Алексей Прийма, ученый X — уфолог У... А теперь — подумайте, за кем пойдет публика, чьи аргументы, рассуждения и подходы нас увлекут, даже если мы и вспомним известное изречение (своеобразный тест) Нильса Бора: «Эта идея недостаточно сумасшедшая, чтобы быть верной».

Известно — ученость бывает разная: «этого не может быть...», «кабы чего не вышло», «за кого вы меня принимаете?», «в этом что-то есть» — ее разновидности. Отбросим крайности. Вот приемлемый вариант, типичный научный фрагмент типичного рассуждения: «Для возникновения жизни на планете необходимо совпадение множества сложнейших условий, и каждое условие делает это событие все менее вероятным, так что жизнь во Вселенной крайне редкое явление. Если бы условия совпали, если бы жизнь на других планетах все-таки зародилась, если бы ее развитие привело к высокоразвитой цивилизации, если бы странная прихоть или случайность забросила пришельцев в дальний уголок, в нашу Солнечную систему, они могли бы посетить Землю, если бы их организм был приспособлен к земной природе, если бы...»

Вопрос исчерпан? Отнюдь. Вряд ли академик Аркадий Мигдал убеждает жителя Кашинского района (Тверская область), увидевшего ночью некий странный агрегат, который — машина — не машина — свершил невозможное: на его глазах пронесся с огромной

скоростью и бесшумно по хляби весеннего поля...

Проникнутся ли мыслью ученого жители Калязинского района, всполошившиеся ночью из-за необычных светящихся эффектов, когда на ноги было поднято буквально все, включая пожарные расчеты?.. Вот что занимает губернию. Она обсуждает то, что у нее или по соседству происходит, но не высказывания академика Мигдала и других ученых. Бесплотные рассуждения — вне всякой действительности — задевают не каждого. Тем и грешит наука — оторвана от конкретных событий, конкретного случая, конкретных людей, увидевших нечто. А где пусто — уфологи тут как тут. Они в центре внимания. Сколько б ни было сумасшествия в том или ином уфологическом откровении, оно почти всегда вписывается в конкретность: конкретная ситуация, конкретная местность, реальные лица — фамилии, имена, адреса, какие-то цифры, измерения, анализы. Создается некая правдоподобность, ан-ту-раж. Все остальное прилагается? Очевидцы? Сколько угодно. Всегда отыщутся. Они — под рукой. Из любопытствующей толпы непременно прозвучит: «Я свидетель! А что случилось?» Это, читатель, не байка — научный факт. Его еще раз подтвердили польские и американские социологи, проведя — независимо друг от друга — эксперименты со сплетней. Сознательно пустили слух: там-то объявились иноземные объекты, пришельцы. Тут же нашлись свидетели, очевидцы НЛО, которые описали подробности «увиденного»...

Есть у человека потребность приобщиться к иной жизни — экранной, газетной, журнальной, — хоть на миг вырваться из серой и скучной обыденности, хоть как-то привлечь к себе вни-

мание, показать себя. Присмотритесь к другой стороне — психологии ученых. Она вас не удивляет? Не удручает ли фраза-рецепт: «...Когда речь идет о странных и необычных явлениях, ученые не обязаны доказывать, что их нет, но романтики обязаны доказать, что такие явления существуют».

У того же академика Яншина спрашиваю: «Александр Леонидович, поясните, почему у науки к НЛО почти нулевой интерес, а мнение отдельно взятого ученого — в лучшем случае экспромтом высказанная мысль?»

В ответ на свое «почему» услышал: НЛО не тот объект, когда наука может сказать что-то новое, то есть он не сулит ни открытий, ни достижений...

А если на феномен НЛО взглянуть иначе, не сводить его к тоннам, ваттам, гектарам, протонам, квантам, степеням и километрам?..

272 Как не вспомнить американцев. США, начиная с 1948 года, пережили не одну тарелочную эпидемию. Но каждый раз, не впадая в безумство, откликнулись ученые. Формировались команды, коллективы, работающие по проблеме НЛО в рамках научно-исследовательских и разведывательных проектов «Знак», «Зависть», «Синяя книга», «Колорадо», ОЗМА... Создавались специальные комиссии, в поисковый процесс подключались институты, лаборатории, учебные заведения, созывались симпозиумы, конференции, писались статьи, книги... Работа — на десятки лет, сколько это все стоит — лучше и не говорить. Спрашивается: чего ради эта суета? Подтвердить, что лошади едят овес? Или убедить уфологов, что близ города Росуэлл — штат Нью-Мексико — в 1947 году обнаружены обломки ракеты Фау-2, которую испытывал гитлеровский ра-

кетчик Вернер фон Браун, а не остатки космического корабля инопланетян; обгоревшие трупы — обезьянки резус с Фау-2, а не трупы серых карликов с огромными глазами... К чему тогда весь этот научно-исследовательский размах? С 1977 года президент французского национального центра космических исследований создает для изучения НЛО официальную группу под руководством известного французского ученого — доктора Клода Поэра. Для изучения того, чего нет и быть не может? Не устоял в свое время швейцарский психолог и психиатр Карл Густав Юнг: одна из последних и солидных его работ — «Современный миф. О предметах, которые становятся видимы в небе» — посвящена феномену НЛО...

Поверить трудно, но факт: проблема НЛО не раз обсуждалась в ООН! — на 35, 36, 37 и 47-м заседаниях специального политического комитета тридцать второй и тридцать третьей сессий (1977—1979 гг.) Ассамблеи. Документы не без интереса. Для себя отметил следующее:

«Г-н Гейри: Слишком самонадеянно и глубоко ошибочно считать, что люди являются единственными разумными существами, созданными Богом, и что на других планетах не существует разумной жизни...

Г-н Хайнек: Однако по широко распространенному убеждению явление НЛО связано с концепцией внеземной разведки, что в некоторых условиях может оказаться и правдой...

До настоящего времени обнаружения НЛО были зарегистрированы в 133 странах, большинство которых фактически является государствами — членами Организации Объединенных Наций, а само явление порождало тревогу и за-

Как утверждают летчики, диспетчеры Нальчикского авиаотряда, НЛО здесь не такая уж диковинка.

Кто же садился (или взлетал?) ночью поперек взлетно-посадочной полосы в аэропорту Нальчика?

частую страх среди значительной части их населения. Поэтому это явление имеет, возможно, большие социологические и политические последствия, а также научный потенциал...»

«Г-н Валлее: ... Вера в пришельцев из космоса является независимым от физической реальности НЛО. С точки зрения социальной науки можно сказать, что если достаточное количество людей верит в какое-либо явление, то оно существует. Вопрос о том, является ли НЛО физической реальностью или нет, становится вторичным в сознании общественности.

...В последние годы было опубликовано много книг, в которых доказывается, что в доисторические времена Землю посещали космические путешественники. Хотя эта теория заслуживает серьезного изучения, она заставляет многих людей предполагать, что величайшие достижения человечества были бы невозможны без небесного вмешательства. Эта идея не только противоречит многим археологическим фактам, но также подстрекает к пассивному ожиданию еще одного визита дружественных космических существ для решения текущих проблем человечества...»

Как бы мы ни оценивали деятельность специального политического комитета ООН, стремящегося по инициативе Гренады с 1975 года привлечь внимание мировой общественности к феномену НЛО, но бесспорно: благодаря усилиям комитета впервые — на официальном уровне — высветились позиции и намерения многих стран, проявились взгляды многих ведущих ученых по столь щекотливой проблеме... Ну а как же мы? «Советский Союз, несомненно, занимается изучением НЛО, хотя в 1968 году советская Академия наук объявила такое исследова-

ние ненаучным», — прозвучало на одном из заседаний комитета.

Интересно, где и когда АН СССР вынесла свой смертный приговор летающим тарелкам и их обитателям? Академик Александр Яншин, работающий в системе Академии с 1936 года, такого не помнит, сказав: «Проблемы НЛО в стенах президиума Академии наук не обсуждались ни разу...» Забавно: ни академических дискуссий, ни решений, ни официальных сообщений (ТАСС уполномочен заявить), а заключение АН СССР звучит на Генеральной Ассамблее ООН. И как звучит!

...Что ни говори, а пока нет оснований толковать о реально осязаемом присутствии НЛО, пришельцах, проявлении ВЦ в той или иной форме. Но и все, вместе взятые, академики мира, полагаю, не докажут инакомыслящему нечто обратное. Да и кто возьмется утверждать, что МЫ — некий Вселенский Уникум, что иных миров нет и их проявление на планете Земля напрочь исключается? Прав, тысячу раз прав Георгий Гречко: рано или поздно ОНИ обнаружат себя, и, надо думать, без шутовских выкрутас, патологических услуг уфологов и иже с ними.

Можно думать иначе. Но взгляните: где мадары, махатмы, зинары, уфологи, контактеры, пророки всех мастей — там и астрологи, ясновидящие, колдуны, маги, спиритизм, сатанизм, демонология, духи, полтергейст, зомби, медиумы, фантомы, пирамантия, гаруспиция и прочая, прочая, прочая... Полноте, все это пройдено, и не раз, не раз волны мистических настроений, начиная с даосизма, потрясали мир. Все это старо, как сам мир.

Нет, не ждите от меня сентенций типа: «исторические «волны» безумия и мракобесия, захлесты-

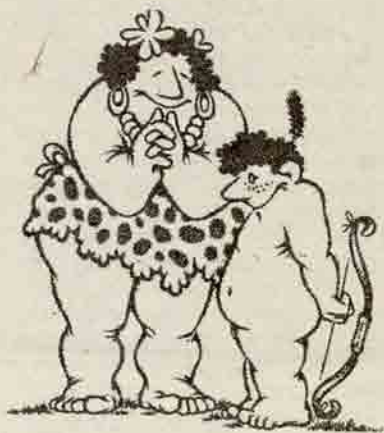
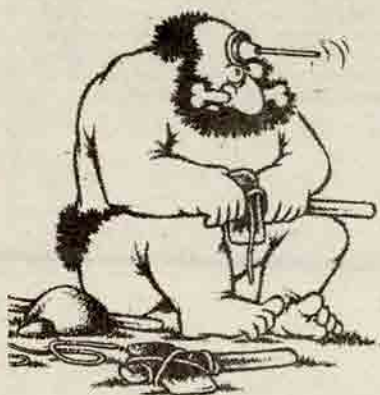
вавшие общественное сознание как в прошлом, так и в настоящем, связаны с эпохами упадка господствующих классов, утративших веру в себя и смысл своего существования», хотя, возможно, и в этом умонаправлении есть какая-то правда. В конце концов речь идет о качестве нашего сознания, а оно всегда под контролем, кто бы ни правил бал. Да, манипуляторы знают свое дело, и услуги их — разработки и усовершенствование методов манипулирования, — скажем, в США ценятся гораздо больше, чем другие виды интеллектуальной деятельности. Но все равно точку тут не поставишь. И если шагнуть дальше — вглубь, то непременно задаться вопросом: почему в ком-то просыпается вдруг необъяснимая тяга ко всей этой чертовщине, чудесам? С какой стороны идут эти самые «волны» безумия и мракобесия», как, впрочем, и другие, вызывающие чувство социального дискомфорта, отчаяния, критическую настроенность к себе, миру? Откуда эта перефокусировка сознания, внутренняя неустроенность, почти физическая потребность к сокрушению вчерашних ценностей и норм?

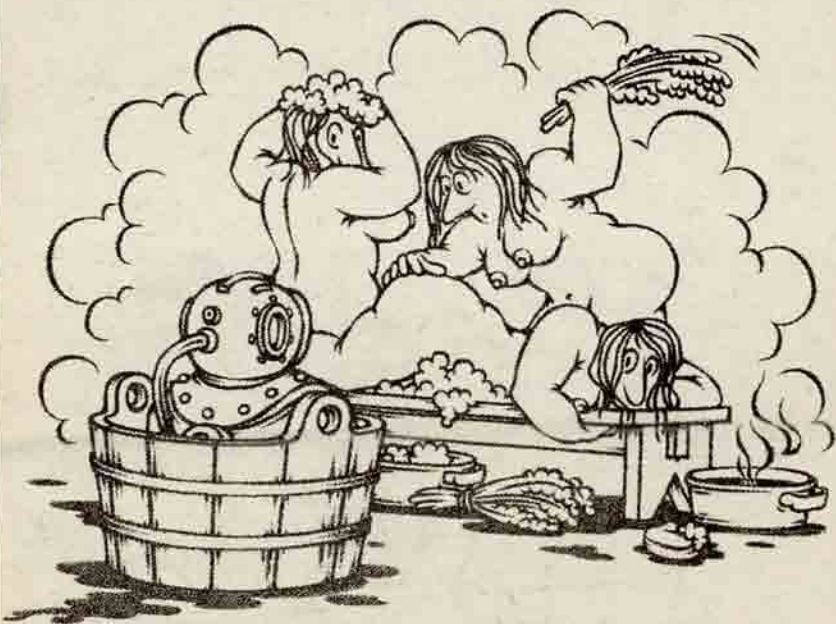
И если заглянуть еще дальше, приподнять пласты, периоды человеческой истории, увидим: мы переживаем примерно то, что некогда пережили другие, что за ЭТИМ — свой смысл, какая-то неведомая нам закономерность, выходящая за земные пределы. Да, кто-то без малейшего напряжения ума, мысли и чувства уже прокричал: «Верую, ибо абсурдно!» Но ведь на Космос, Вселенную — ее природу — можно взглянуть совсем иначе и почувствовать ее частью — неотъемлемой и пусть зависимой частью, но при этом ЧЕЛОВЕК всегда должен оставаться ЧЕЛОВЕКОМ.

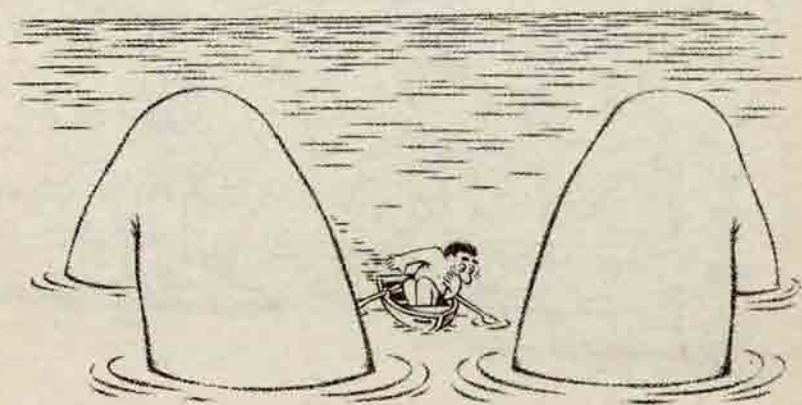
Мы благодарим ученых и специалистов МГУ, Института нормальной физиологии имени П. К. Анохина АМН СССР, Института проблем нефти и газа имени Н. М. Губкина, ВО «Изотоп», которые оказали интеллектуальную и техническую помощь экспедиции, а также редакции газет «Смена» (Тверь), «Северный комсомолец» (Архангельск), «Советский Крым» (Ялта), «Комсомолец» (Ростов-на-Дону), «Молодой ленинец» (Ставрополь), «Советская молодежь» (Нальчик), «Измайловский вестник» (Москва), «Авангард» (Красногорск Московской области), «Родники» (Мытищи Московской области), «Вперед» (Химки Московской области), «Ленинская правда» (Сандово Тверской области), «Путь коммунизма» (Бежецк Тверской области), «Вперед» (Калезин Тверской области), «Сальская степь» (Ростовская область), «Горняцкая слава» (Тырныауз Кабардино-Балкарии) за содействие в социологических исследованиях.

ДОКТОР ЮМ Р

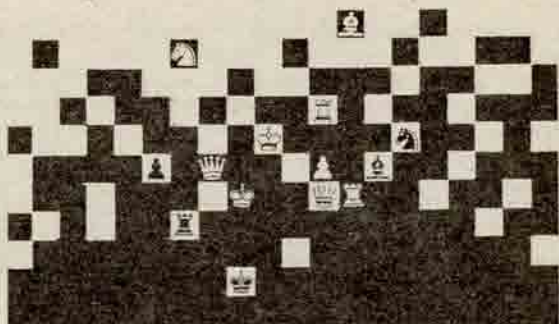
Рисунки СЕРГЕЯ ХАСАБОВА

ШАХМАТЫ

Под редакцией
международного
гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Дорогие любители шахматного искусства!

Вот уже почти десятилетие шахматный отдел журнала занимается популяризацией той области древней игры, которую издавна называют поэзией шахмат. Богатство и разнообразие шахматных идей, красоту шахматных комбинаций и маневров мы раскрывали через достижения в жанре миниатюры. Мы познакомили наших читателей не только с лучшими образцами мировой и отечественной композиции, но также с принципами составления, художественными требованиями, с тематикой задач. Наши олимпиады, судя по вашим многочисленным письмам, явились для многих решателей настоящей школой шахматной композиции. Нам очень приятно, что немало участников наших заочных соревнований не только стали составителями миниатюр, но и добились уже заметных успехов на представительных конкурсах.

У отечественной композиции славные традиции в жанре шахматной миниатюры, заложены они классиками А. Галицким и Л. Куббелем. Мы верим, что эти традиции могут быть сегодня успешно продолжены, а творческие достижения приумножены. Ни для кого не секрет, что миниатюра находится в тени современной «большой» композиции. На наш взгляд, это совершенно несправедливо. В нашей стране и за рубежом есть немало истинных приверженцев «малого» жанра, работающих только в этой области. Чтобы вознаградить их преданность трудному жанру, чтобы стимулировать их творческие усилия, чтобы поднять их композиторский статус, необходимо проводить как можно больше

престижных конкурсов составления миниатюр. Тогда появятся и новые имена, тогда и маститые композиторы снизойдут до «малого» жанра.

Журнал «Смена», и это логично вытекает из всей нашей предыдущей работы, делает первый шаг в этом направлении.

Объявляется большой международный конкурс составления задач-миниатюр по трем разделам: двухходовки, трехходовки и многоходовки. В каждом разделе установлены денежные призы: I приз — 1000, II приз — 500, III приз — 300, специальный приз — 200 рублей.

Оригинальные (нигде ранее не публиковавшиеся) задачи, изображенные на диаграммах в двух экземплярах, с полным авторским решением следует присылать по нашему адресу до 1 сентября 1992 года. Судья конкурса — международный арбитр В. Чепижный.

На конверте необходимо сделать пометку «Конкурс составления шахматных задач».

Все присланные композиции будут участвовать в конкурсе. Лучшие из них будут из номера в номер публиковаться в нашем журнале. Присланные задачи не рецензируются.

Результаты конкурса будут опубликованы в «Смене» в 1993 году.

Все оригинальные композиции, опубликованные в «Смене» в течение года, пройдут проверку у наших решателей. Фамилии наиболее активных решателей, справившихся с заданиями, мы будем публиковать в журнале. Обращаем внимание решателей, что возрастает цена обнаруженных в задачах дефектов (побочных решений, дуалей и т. п.). В конце года участники конкурса решения задач, приславшие наиболее правильные и полные ответы, будут награждены книжными призами.

Решения задач-миниатюр следует посылать на открытках (без конверта!) с пометкой «Конкурс решения миниатюр» в течение месяца после выхода журнала. На открытке необходимо также указать фамилию, имя и отчество и домашний адрес.

Публикуем две задачи (как творческий раздражитель для будущих участников наших конкурсов), которые, на наш взгляд, могли бы украсить самое представительное соревнование композиторов. Решите сами!

В. Антипов
1985 г.

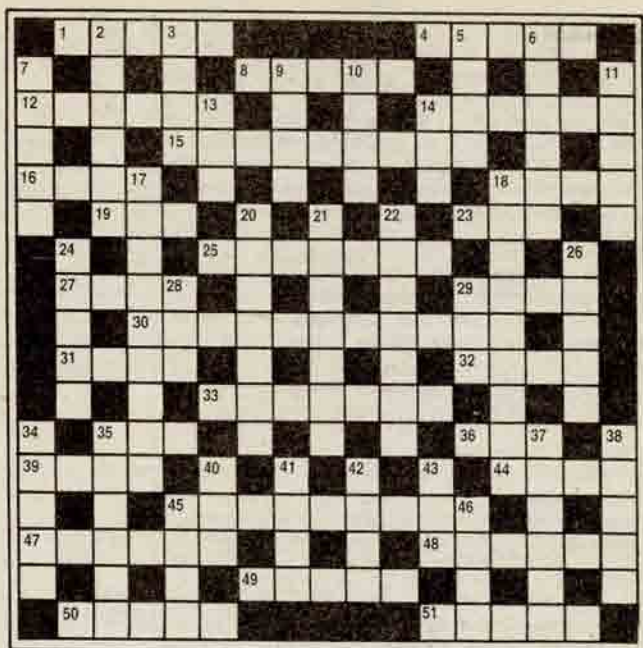

Мат в 3 хода

В. Щербина
1990 г.

Мат в 7 ходов

По горизонтали:

1. Русский книгоиздатель, чье дело просуществовало до 1930 года. 4. Легендарный основатель тибетской медицины. 8. Великий испанский зодчий, мечтавший повесить в ущелье между двух скал гигантский колокол. 12. Утеплительный материал для кибиток. 14. Две ноты в одном зерне. 15. ССПРКФВ (фамилия). 16. «Доктор» на подоконнике. 18. Металл, способный уличить поддельщиков картин старых мастеров. 19. Четыре тысячи восемьсот сорок квадратных ярдов. 23. Мерлуза, гроза рыбной молодежи. 25. Насекомое, которого пуще всяких шведов боялся Петр Первый. 27. Чететка на языке профессионалов. 29. Мчатся лошади по кругу (суть). 30. Советский поэт, чей «выпрямительный вздох» — это «паруса», которые, по Пушкину, «надулись, ветра полны». 31. Лунный камень. 32. Сладкое произведение родом из Италии. 33. Самая крупная крачка. 35. Обычный спутник дуба. 36. Паува, скутум, тарч (общее название). 39. Гигиена человечества. 44. Деревянный хомут. 45. Танец, выпестованный в негритянских ревю. 47. Особо стратегическое сырье, которое СССР до самой войны поставлял Германии. 48. В конкурсе на памятную марку в честь пятилетия РСФСР победил И. Дубасов. Он изобразил на миниатюре мускулистого атлета (один из двух предметов, которые он держит в руках). 49. Произведение, которое первоначально называли музыкальной сказкой. 50. Экономическое пугало для тех, кто или не хочет, или не может хорошо работать. 51. Певчая птица, заселяющая места, где есть высохшие или полусохшие деревья.

По вертикали:

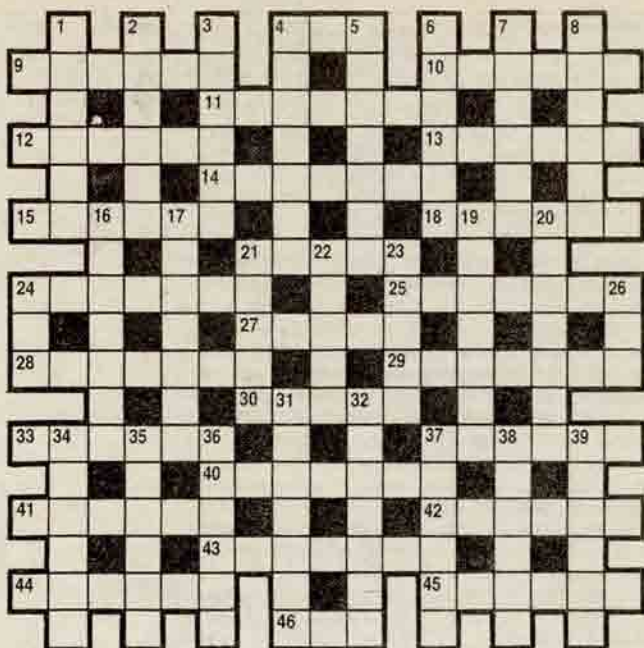
2. Плод. По вкусу — смесь ананаса с земляникой. 3. Место, где солдату, по песне, и черт не брат. 5. Змея. У одной разновидности голова похожа на собачью. 6. Предмет, обязательный в грузинской игре исинди. 7. Каждая из нескольких собак в «Степном короле Лире» И. Тургенева. 9. Триумфальные ворота. 10. Художник-фовист, автор цикла гравюр к «Бестиарию» Г. Аполлинера. 11. В стихотворении «Три пальмы» М. Лермонтов так описывает приближение каравана: «Столбом уж крутился песок золотой, звонков раздавались нестройные звуки, пестрели коврами покрытые...». 13. Индейцы, среди которых есть болотная группа, или мускегон. 14. Русский поэт, с горечью говоривший, что у нас «никто не закричит, пока его не трогают, и потому поневоле будет кричать в одиночку». 17. Один из многих. 18. Действо, запрограммированное до мелочей. 20. Русский философ, утверждавший: «Не заблуждайтесь... Не варвары разрушили древний мир. Это был истлевший труп: они лишь развеяли его по ветру». 21. Дикий апельсин для живой изгороди. 22. Одна из лодок, плававших в старые времена по Волге. 24. Декоративная соперница голубой ели. 26. В Новый год после хрущевского разгона интеллигенции И. Эренбург прислал А. Вознесенскому телеграмму: «Желаю вам в новом году резвиться на лугу со всеми кузнечиками мира» («кузнечик»). 28. Толстый ремень, на который вешали каретный кузов. 29. Сто сатангов. 34. Балзамин. 35. Народ, живший в княжестве Пелым. 37. Знаменитая икона, чей сюжет не столько трапеза странников, сколько размышление. 38. Причина смерти боярыни Морозовой. 40. Цветок, без которого трудно представить альпинарий. 41. Обычный корабль в русских кругосветных плаваниях. 42. Дунай в античные времена. 43. А ... и ныне там (поговорка). 45. Проявление в нашем мире законов иных миров. 46. Мировое древо (обычно фикус) в мифологии народов Восточной Индонезии.

**ОТВЕТЫ
НА «ЗРУДИТ»,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 11****По горизонтали:**

1. Талант. 6. «Щербец». 10. Дупло. 11. Жемчуг. 13. Верста. 14. Чуковский. 16. ...Ирод. 18. Кок. 19. Ложе. 20. Сен. 23. Хан. 25. Морковь. 27. Штраф. 29. Лемер. 30. Безыменский. 31. Хивря. 32. Ясень. 33. Стрелец. 35. Усы. 36. Эвр. 39. Азот. 41. ...шип... 44. Овца. 45. Пастернак. 47. Таллий. 48. Пернач. 49. Елена. 50. Массне. 51. «Юнкера».

По вертикали:

1. ...тяжкие. 2. Лемнос. 3. Неуч. 4. Сурок. 5. Блеск. 7. ...елей. 8. Бостон. 9. Цианея. 12. Гук. 13. Вий. 15. Воскресение... 17. Декабрист. 19. Лакейство. 21. Корысть. 22. Хвостец. 24. Уткин. 26. Зерно (даже в названии «Путем зерна»). 28. Фея. 29. Лия. 34. Фантом. 35. Уоллес. 37. Рвение. 38. Гаичка. 40. Най. 41. Шталь. 42. Прана. 43. Кап. 45. Пион. 46. Керн (Анна).

КРОССВОРД
Составил
В. МОРОЗОВ,
Красноурьинск
Екатеринбургской
области

По горизонтали:

4. Река, текущая близ Карачи. 9. Планета, внутри которой уместится тысяча земных шаров. 10. Группа артистов для массовых сцен в балетах и операх. 11. Степной суслик, отличный травозной. 12. Морская птица, на суше отнюдь никогда не стоящая столбиком, как ее нередко изображают в определителях. 13. Французский естествоиспытатель, обнаруживший в 1894 году в Гонконге возбудителя чумы. 14. Нюанс. 15. Птица, символ справедливости в Древнем Египте. 18. Жители основанного в 1682 году города в Красноярском крае. 21. Лесной музыкант. 24. Животное, которое африканцы содержат ради получения мускуса. 25. Сибирская лодка-однодеревка. 27. Тревожные сигналы. 28. Самый красивый из кварцевых камней. 29. «Размножитель» в мире растений. 30. Город в Литве. 33. Гимнастический прием, которым в совершенстве владели Л. Латынина и О. Корбут. 37. Австрийский химик, открывший целлюлозу, структурную единицу клетчатки. 40. Кенгуру, прыгающий в длину до десяти—двенадцати метров. 41. Другое название африканских народов группы фанг. 42. Настольная игра. 43. Рельеф без гор. 44. Горная поверхность в Скандинавии типа плато, покрытая шапками ледников или тундровой растительностью. 45. Часть цветка. 46. Зажиточный крестьянин в турецкой деревне.

По вертикали:

1. «Добрый молодец», «красна девица», «чистое поле» (вид образного выражения). 2. Деталь фотоаппарата. 3. Тонкорунная порода овец. 4. Древняя рукопись, обычно на папирусе или пергаменте. 5. Название на севере России милости, сострадания (по В. Далю). 6. Государство в Карибском море. Основа экономики — добыча и переработка бокситов. 7. Детская игра. 8. Коренной житель Америки, названный так с легкой руки Христофора Колумба. 16. Зона отдыха и туризма на побережье Средиземного моря. 17. Съедобный моллюск, о промысле которого писал еще Плиний. 19. Самая разрушительная живая сила на Земле. 20. Добрая ... одним глазом зерно видит, другим глазом коршуна (пословица). 21. Один из великих поэтов мира, родившийся, когда солнце было в созвездии Близнецов. Это считалось благоприятным для занятий науками и искусствами. 22. Отравляющее вещество. 23. Царственный брат нашей миловидной кувшинки. 24. Река, на которой стоит Тамбов. 26. Морской кормилец. 31. Степень родства. 32. Самый крупный из наземных моллюсков. 34. Одежда. 35. Русский писатель, изображенный в виде грешника на заднем плане картины А. Иванова «Явление Христа народу». 36. Земля в отличие от океана. 37. Обычное на Руси обращение к мужчине. 38. Город на севере Марокко. 39. Положение знаменитой эсерки Марии Спиридоновой в последние годы жизни.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 11****По горизонтали:**

1. Казус. 7. Чабрец (у Волошина — чобр). 11. Терпение. 12. Шпрее. 13. Юкагир. 14. Поплавок. 15. Егерь. 18. Брутто. 19. Лесозавод. 20. Трактат. 23. Достоинство. 24. Клавикорд. 25. Антология. 26. Теннисистка. 27. Позция. 30. Великанов. 31. Мархур. 32. Дахау. 35. Фонотека. 36. Цвирка. 37. Налим. 38. Активист. 39. Яблоня. 40. Ефрон.

По вертикали:

1. Кашне. 2. Зорге. 3. Степь. 4. Триплет. 5. Цефалопод. 6. Кинокартина. 8. Аккорд. 9. Регата. 10. Циркон. 16. Горельеф. 17. Раковина. 18. Болиголов. 19. Ланкастер. 21. Истомина. 22. Эвридика. 23. Дрессировка. 25. Экватория. 27. Победит. 28. Эмоция. 29. Орвилл. 30. Вулкан. 32. Данте. 33. Хилер. 34. Урман.

Гольф — игра бизнесменов и политиков.

...Борис Ельцин сосредоточенно прицеливается; клюшка длинная, мячик маленький, и вообще непривычно, а свита ждет красивого удара. Ельцин — почетный член первого советского гольф-клуба. И не только он, но и Горбачев, профессор Федоров, Рыжков, Пеле... В 1987 году бывший хоккеист Свен Тумба Юхансон, к тому времени завершивший «гольфиза-

Plus к тому дает возможность в паузах поговорить о делах, в тишине и без свидетелей. (Возможно, поэтому в детективах гольф так любит мафия.)

Правила игры просты: пройти из пункта «А» в пункт «Б», сделав как можно меньше ударов клюшкой по мячу по возможности не утопив мячик в озере (озера и реки на пути в пункт «Б» тоже есть). Расстояние, которое надо преодолеть, около пяти километров

286

АННА ЛИТВИНОВА

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

цию» родной Швеции, задумался над расширением сферы влияния.

И вот — Москва!...

На Западе гольф чрезвычайно популярен. Гольф-клубов в Америке множество: для среднего класса и элитные; для малышей и студенческие... Наверное, всеобщая любовь разгорелась потому, что игра эта очень азартная, азартней покера, однако в отличие от карт, еще и полезна для здоровья.

(сколько лишних килограммов можно сбросить). Эти пять километров разбиваются на 18 полей. Скажем, первое поле — 275 метров, и пересечь его нужно, сделав только четыре удара, причем последним послать мячик точно в лунку. Ловкость рук, острый глаз и воля к победе — как раз эти качества и развивает гольф. А нужны они, между прочим, и в бизнесе, и в политике.

Московский гольф-клуб — буд-

то оазис среди обшарпанных домов и фырчащих рейсовых автобусов. Зелень лужайки, аккуратненькие деревья, речка с ухоженными берегами и игроки — яркие фигурки с клюшками в руках...

А прежде на этих двадцати гектарах была свалка. И когда Виктор Высоцкий (теперь он генеральный директор клуба) обратился в Гагаринский райисполком с просьбой отдать ему это место, на него по-

смотрели с большой долей сочувствия и недоумения — поле для гольфа вместо свалки? Чудак...

Строить решили по западному варианту — то есть проектирование, изыскания и строительство шли одновременно. И рабочий день был — с восьми утра до позднего вечера... В сентябре восемьдесят восьмого на первом поле собрались игроки...

Вообще — здесь, в гольфклубе, созидательная жизнь

убыстряется: в проспекте клуба есть фотография января 1991 года. Строится здание клуба — леса, экскаваторы и подъемный кран. Сейчас (в августе) готовый двухэтажный домик сверкает отполированными стеклами и совсем скоро примут гостей — ресторан, бар, комнаты для деловых встреч...

В финансовом плане клуб когда-нибудь станет Клондайком. Но пока деньги в него лишь вкладывают — платит шведская сторона; пять миллионов долларов ушло на строительство, еще несколько миллионов (опять же долларов) — на специальный грунт, завезенный из Финляндии. А клюшки (комплект из 13 штук — порядка трех тысяч) (!) А мячики (каждый — сорок центов плюс плата за доставку) (!)?

Возвращать деньги собираются за счет продажи членских сертификатов — их 400, первые по двадцать тысяч долларов, последние сто — уже по сорок тысяч. Сертификаты впоследствии можно перепродать и за гораздо большую сумму, если клуб будет процветать...

На Западе это престижно — вложить деньги в гольф-клуб, центр бизнеса и культуры. Но будем откровенны: бизнесмены пока побаиваются делать большие ставки на СССР. Победы в августе хунта, сделали бы новую свалку на финской траве... Но Юхансон и Высоцкий, как истинные игроки, надеются на лучшее. То есть на растущую популярность клуба и прибыль тысяч по триста в год для каждой стороны.

Вход в клуб — не только иностранцам. Любой (если согласно правлению) может купить за 2 тысячи долларов так называемую «золотую карточку» и пользоваться всеми клубными

благами, включая пиво. Конечно, госпредприятия не станут тратиться на членские карточки для своих сотрудников, а миллионеры — вполне! Это ведь так престижно — играть в гольф!

Правда, гольф — не «подкидной дурак», научиться не просто. Даже умелые с виду иностранцы проводят долгие часы на тренировочном поле, отбатывая силу и точность удара. Начинать лучше всего с раннего детства (лет с пяти-шести).

Сергей Шульгин, специалист по гольфу, говорит:

— Взрослых мы не учим — уже поздно. При клубе есть спортивная школа для десятилеток. Они-то, наверное, и станут первыми советскими гольф-профессионалами. Их учат тоже по-западному; хочешь тренироваться — работай на благо клуба, где всегда есть чем заняться, хотя бы траву стричь два раза в неделю. Не отработал — к тренировкам не допустят.

Прохладный августовский день. На гольф-поле — посольство Кореи проводит внутренний турнир.

Залетела на территорию клуба ворона. Хвать в клюв яркий мячик — и была такова. («Люди тоже мячики воруют, — комментирует Сергей Шульгин. — На брелочки».)

Рычит бульдозер — выравнивают площадку перед свежестроенным рестораном. Отыгравшие не спеша откупоривают бутылочки пива, кока-колы. Партия влетает в 40—50 долларов, не считая напитков.

— В гольф играют те, кому приелись прочие светские развлечения, — говорит Высоцкий.

...А в Америке под гольф отдают пашню — перепроизводство пшеницы и мяса.

ИНДЕКС 70820. 1 р. 65 коп.

ДЮЖИД
И АНДРЕЙ БИЛЛОВ

ДОРА КВИНТ

МУЗЫКАЛЬНАЯ АНТЕННА ПРЕДСТАВЛЯЕТ: